

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

Выпуск 3

*Эхо Отечественной войны
1812 года
в философско-политической мысли*

Москва
Издатель Воробьев А.В.
2013

УДК 1 (091)
ББК 87.3 (0)
Ф 56

Издание
философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Печатается по решению Ученого совета
Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Рецензенты:

Доктор политических наук *Соловьев А.И.*
Доктор философских наук *Маслин М.А.*

Философия политики и права: сборник научных работ. Вып. 3. Эхо Отечественной войны 1812 года в философско-политической мысли / Под общ. ред. проф. Е.Н. Мошелкова и О.Ю. Бойцовой; ред. науч. сотр. К.И. Кийченко. — М., 2013 — 224 с.

ISBN 978-5-93883-225-1

Третий выпуск сборника научных работ «Философия политики и права» посвящен политико-философскому осмыслению событий Отечественной войны 1812 года, их влиянию на становление отечественной политической мысли. В сборнике представлены работы сотрудников философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и других учебных и научных центров России.

Сборник предназначен для студентов, аспирантов, преподавателей, а также для всех интересующихся проблемами философии политики и права.

ISBN 978-5-93883-225-1

© Воробьев А.В. 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редакторов 5

Раздел I.

Отечественная война 1812 года в зеркале философии политики

Моцелков Е.Н.

Проблема «Россия – Запад» в отечественной
философско-политической мысли 30–40-х гг.
XIX века и современные модели
социального времени 7

Расторгуев В.Н.

Синхронизм роковых событий: история войн
и потрясений, метаистория и политические
технологии 19

Жуков В.Н.

Государство и война в русской философии
естественного права первой половины XX века 38

Сытин А.Г.

Вопрос об истоках и основаниях наших побед
в общественной мысли России XIX–XX веков 49

Раздел II.

Государство и Отечество: политико-философские ракурсы войны 1812 года

Шамиурин В.И.

Патриотизм и патристика
(об историософии и политике
в событиях 1812 года) 61

Бойцова О.Ю.

Легитимация и патриотизм:
уроки Отечественной войны 1812 года 86

<i>Соловьев А.В.</i>	
«Русская кампания» или	
«Отечественная война» 1812?	100
<i>Ваславский Я.И.</i>	
Наполеон Бонапарт и панъевропейская идея	113

Раздел III.

Война 1812 года: образ и реальность

<i>Аласания К.Ю.</i>	
«Культурная память» о войне 1812 г.	
в российской и европейской	
общественно-политической мысли:	
постановка проблемы	129
<i>Кийченко К.И., Сычева А.С.</i>	
Роль кинематографа в формировании	
представлений о событиях	
Отечественной войны 1812 года	142
<i>Карабущенко П.А.</i>	
Исторический анекдот:	
забытые страницы истории	
Отечественной войны 1812 года	159
<i>Тимофеева Е.Г.</i>	
Российская провинция в условиях	
военного времени (на примере	
Астраханской губернии в 1812–1814 гг.)	181

Приложение

<i>Шамиурин В.И.</i>	
Победа как художественное произведение	199
<i>Глинка С.Н.</i>	
Из «Записок о 1812 годе»	201
<i>Глинка Ф.Н.</i>	
Из «Писем русского офицера»	216
<i>Сведения об авторах</i>	221

Предисловие редакторов

Третий, ежегодный выпуск сборника научных работ «Философия политики и права» посвящается 200-летию Отечественной войны 1812 года. Нас, конечно, интересует не только и не столько событийная канва того знаменательного и во многом переломного периода отечественной истории, сколько его значение для последующего развития русской философско-политической мысли, для формирования умонастроений и мировоззренческих ориентиров в мыслящих слоях русского общества на протяжении всего XIX века.

Материалы сборника разбиты на три раздела. В **первом разделе** анализируется проблема «Россия – Запад» как одна из центральных в русской мысли на протяжении ряда столетий. Показано, что интерес к этой проблеме в русском обществе получает новую остроту и масштабность именно под влиянием событий 1812–1814 гг. Это находит свое отражение в столкновении либерально-конституционалистских и охранительных тенденций в правящих эшелонах российского общества (до 1825 г.), а также в развернувшейся в 30–40-е гг. полемике западников и славянофилов. В разделе также обосновывается модель синхронных процессов и тенденций в отечественной и мировой истории, показывается место и значение Отечественной войны 1812 г. в этих исторических потоках событий и явлений. Представлены также некоторые оригинальные материалы, в которых анализируются проблемы Отечественной войны 1812 г. в контексте отечественной политической мысли.

Во **втором разделе** сборника на материалах Отечественной войны 1812 г. авторы проводят философско-политический анализ соотношения государства и Отечества, выявляют историософские аспекты этого соотношения, анализируется проблема патриотизма. В разделе показываются и анализируются философско-политические подходы к выявлению истинных механизмов и пружин исторического процесса в России и в Европе в первые десятилетия XIX века, обосновывается решающая роль России в пресечении планов Наполеона в установлении общеевропейского (мирового) господства.

В третьем разделе выявляется соотношение реальной истории 1812 года и «образа» этого исторического периода, сложившегося в научном и массовом сознании. Анализируется проблема «культурной памяти» о войне 1812 г. в российской и европейской общественно-политической мысли, роль преданий, кинематографа в формировании этой «культурной памяти».

В приложении к сборнику публикуются небольшие фрагменты воспоминаний и размышлений непосредственных участников событий того периода, в которых содержится множество наблюдений, эмоциональных переживаний, ремарок, обобщений, способствующих лучше понять атмосферу и умонастроения той эпохи и дающих богатую пищу для анализа и сопоставлений современным политическим философам.

Раздел I.
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В ЗЕРКАЛЕ
ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ

МОЩЕЛКОВ Е.Н.

Проблема «Россия – Запад»
в отечественной философско-политической мысли
30–40-х гг. XIX века и современные модели
социального времени*

Проблема «Россия – Запад» — это проблема научной интерпретации взаимодействия двух мощных, долгоживущих и соседствующих (пограничных) общественных систем — России (Российского государства) и Западной Европы (Германии, Австро-Венгрии, Франции, Великобритании) на протяжении нескольких последних веков мировой истории¹.

У этого несколько векового взаимодействия есть два исторических водораздела. Первый — это XVII век, второй — война России и наполеоновской Франции, которая приходится на первые полтора десятилетия XIX века, а значит и три исторических периода — 1) до XVII в.; 2) XVII — начало XIX в.; 3) после 1814–1815 гг.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант «История политических учений в системе гуманитарных наук» № 11-03-00097а.

¹ Проблема «Россия – Запад» в научной литературе имеет давнюю традицию и доминирующим в ней является компаративистский подход, в центре внимания которого находятся вопросы культурной и ментальной идентичности, специфики восприятия и объяснения окружающего мира. Из последних работ в рамках этого подхода следует выделить две – Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции. М., 2000 и Подвойский Д.Г. Антиномия «Россия – Запад» и проблема социокультурной самобытности. М., 2005. В данной статье в проблеме «Россия – Запад» акцент делается на взаимодействии двух общественных систем, через анализ которого, по мнению автора, можно приблизиться к ответам на вопросы: «Чем и почему отличается Россия от Запада, насколько эти отличия существенны в настоящем и могут ли эти отличия стереться в будущем?». Можно отметить, что это «вечные вопросы» для России.

Во время первого периода европейские страны и Российское государство сосуществовали друг с другом, имели тесные связи, но развивались в основном автономно. В XVII в. происходит массивное проникновение в Россию западных ценностей и норм. В.О. Ключевский, который специально изучал данные процессы, оценивает их для дальнейшего развития России крайне негативно. «До XVII в., — писал он, — русское общество отличалось цельностью своего нравственного состава ... Западное влияние разрушило эту цельность ... Раскол, происшедший в русской церкви XVII в., был церковным отражением этого нравственного раздвоения, вызванного западным влиянием в русском обществе. Тогда стали у нас друг против друга два мировоззрения, два враждебных порядка понятий и чувств. Два лагеря»².

Другие мыслители того периода (например, Б.Н. Чичерин) относились к этим процессам более нейтрально. При географическом соприкосновении двух систем проникновения новейших политических и экономических идей и концепций, технических и научных достижений и т.п. из более передовой системы (Европа) в более слабую (Россия) является, по их мнению, естественным и неизбежным.

Одним словом, западное влияние на Россию — это объективный исторический процесс. Но реализовываться это влияние в реальных условиях может по-разному. Теоретически существует три модели такой реализации:

Первая модель: Безоговорочно принять (копировать) — одна крайность;

Вторая модель: Не принимать (изоляциялизм) — другая крайность;

Третья модель: Принять, но адаптировать на новой почве — срединный «третий» путь.

В реальности, западное влияние в России реализовывалось по срединному, «третьему» пути. Не было ни безоговорочного копирования, ни изоляционизма. Была сложная, мучительная, противоречивая адаптация, критическая переработка западных ценностей на российской почве.

Не случайно, Петр I, хорошо знакомый как с экономико-техническими, так и с политическими достижениями За-

² Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 13–14.

пада, энергично стал внедрять только технические новинки. Что же касается политической системы, то действия Петра были направлены прямо в противоположную сторону от западных образцов.

Такая избирательность в восприятии западных достижений в России была характерна и для последующих периодов русской истории. Складывается впечатление, что на границах России стояли своеобразные фильтры, которые пропускали экономико-технические и культурные новинки, а политические образцы неизменно задерживали.

Третий путь характерен не только для XVII-XVIII вв., но для XIX века. Но в начале этого века мы сталкиваемся с новым водоразделом в историческом взаимодействии России и Запада. После войны с Наполеоном Россия, вышедшая победительницей в противоборстве с наиболее мощной силой тогдашнего Запада (Наполеоновская Франция), уже не могла не воспринимать себя, по меньшей мере, как нечто равнозначное Западу³. С этого исторического момента следует говорить не только о влиянии Запада на Россию, но и о влиянии России на Запад (во всяком случае, в политическом и идеологическом смыслах).

Существенным для того времени было и следующее обстоятельство. В 1812–1814 гг. русская монархия оказалась в решительной схватке на театре общеевропейской войны мощнее западной французской монархии. Получалось, что *отсталый*, во многом патриархальный государственный порядок оказался прочнее более *передового*, пропитанного западными демократическими ценностями Великой револю-

³ Даже можно говорить, пожалуй, и о том, что в то время Россия являлась реальной доминантой европейской политики, а российский император Александр I — фактическим вершителем судеб не только Франции, но и всей Европы. Свидетельство очевидца и активного участника событий накануне взятия Парижа в марте 1814 г. М.Ф. Орлова: «Положение императора [Александра I – М.Е.] было необычайно достопримечательно. Величаво и важно говорил он всякий раз, когда приходилось защищать общие европейские выгоды, но был снисходителен и кроток, как скоро дело шло о нем самом и о его собственной славе. На деле участь мира зависела от него, а он называл себя только орудием провидения» — Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 6.

ции 1789–1792 гг., государственного порядка. Это означало, что в этом отсталом порядке было *ничто*, что позволило в военно-экономическом противоборстве на мировой арене того времени одержать верх⁴. Не случайно, поэтому В.В. Зеньковский, анализируя русскую мысль после 1812 года, отмечает то, что в этот период «с новой силой вспыхивает тема русской «самобытности» — уже не во имя возврата к старой русской жизни, как это часто бывает в XVIII в., а во имя раскрытия «русской идеи», «русских начал», до ныне лежавших скрыто в глубинах народного духа»⁵.

Проникнуть в глубину таких фундаментальных вопросов как «русская идея» или «русские начала» невозможно было без философии. Поэтому закономерно, период 30–40-х гг. — это время расцвета философии в России. «Философия, — пишет Д.И. Чижевский, — была в России и раньше, как отдельная, одна из многих наук. Интересовались ею ограниченные круги учителей и учеников. «Сороковые годы» вовлекают в водоворот философствования не только все проблемы, но все слои общества ... Философия стала — по крайней мере в возможности — основной наукою; более того — философия стала особою формою человеческого бытия»⁶.

Благодатным полем для философской полемики стал развернувшийся именно в это время знаменитый спор западников и славянофилов, который потом красной нитью проходит через всю интеллектуальную жизнь XIX века и не прекращается, по сути, и по сей день.

Не случайно в раздвоении русской мысли и стратегии государственной политики на западничество и славянофильство скрыта одна из загадок нашего интеллектуального развития. Эта загадка заключалась в кардинальном несоответствии, противоречии между теоретической интерпретации этой проблемы (западники — славянофилы) и векторами, программами реальной государственной политики.

⁴ В качестве ремарки отметим, что в решающем военном противостоянии на мировой арене Россия в XVIII веке взяла верх над Швецией, доминирующей в то время в Европе, а начале XX в. была в числе держав, победивших в Первой мировой войне.

⁵ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. I. Часть I. Л., 1991. С. 143.

⁶ Чижевский Д.И. Гегель в России. Париж, 1939. С. 34.

Так, на теоретико-литературном уровне интерпретации проблемы «Россия и Запад» противопоставление позиций было во многом условным, так как в качестве общей, объединяющей идеи признавался постулат о самобытности России и уникальности ее исторической судьбы.

Возьмем для примера две фигуры, представляющие раннюю и зрелую стадии западничества, для которых, казалось бы, идея самобытности России была мало приемлема, — В. Белинского и К. Кавелина. В трудах первого мыслителя мы можем найти множество суждений западного характера. Здесь и призыв к русскому народу «приобщиться к общей жизни человечества, составить часть великого семейства человеческого рода»⁷, и мнение о том, что «нам суждено сделаться европейскими русскими и русскими европейцами»⁸, и т.д. Но одновременно с этим постоянно звучит и другая мысль, другой лейтмотив: «...настало для России время развиваться самобытно, из самой себя...». Или: «...перенесенные на почву нашей жизни, эти (уже решенные в Европе. — *Авт.*) вопросы те же, да не те, и требуют другого решения»⁹.

Выделенные мысли В. Белинского относятся к 30–40-м гг. XIX в. Позже другой западник К. Кавелин, высказывает аналогичные суждения, которые в современных условиях звучат не только злободневно, но и даже пророчески: «Образованный слой русского общества, за очень редкими исключениями, продолжает по-старому питаться чужими мыслями, действовать по чужим образцам. Мы до сих пор едва догадываемся, что наши взгляды — выводы из чужой жизни, и добродушно принимаем их за результат самостоятельного нашего развития. Вот где источник наших противоречий и разладицы... Уравновесить умственные и нравственные силы с действительностью, соединить в одно гармоническое целое мысль и жизнь может отныне одно только глубокое изучение самих себя в настоящем и прошедшем. Других путей нет и быть не может»¹⁰.

⁷ Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 1948. С. 24.

⁸ Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4. М., 1979. С. 12.

⁹ Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М., 1948. С. 652, 666.

¹⁰ Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 255.

Таким образом, философско-политический анализ искомой проблемы приводит в конечном итоге не к размежеванию, а к сближению различных концептуальных подходов, к симбиозу западничества и славянофильства.

Признавая русскую «самобытность» как реальную характеристику русского общественного развития, западники и славянофилы по-разному относились к её использованию в реальных процессах. Западники думали о том, как эту «самобытность» совместить, слить с западными порядками, тогда как славянофилы думали как раз о том, как бы эту «самобытность» наоборот оградить, изолировать от западного влияния.

Таким образом, на уровне теоретических споров западничество и антизападничество имели очень тонкую, часто — едва заметную разграничительную грань. Но как только эти идеи начинают экстраполироваться на практическую политику, так позиции становятся все более противоположными и даже антагонистичными. На передний план выходит подход «или — или». В реальной политической истории России весь XIX в. консервативные реформации с прозападными ориентациями сменяются контрреформациями охранительного-славянофильского типа.

Постоянно возникает как бы патовая ситуация: с одной стороны, идея самобытности, особого пути России не могла преодолеть абстрактный уровень историософского спора и трансформироваться в программу практических преобразований, и в этом смысле оказалась бесплодной для реальной жизни, а с другой, государственная политика металась между крайностями западничества и славянофильства и не могла найти «золотую середину», модель общественного развития, опирающуюся на уникальные особенности российского общества и российского народа. Это противоречие и в теории, и на практике так и не было преодолено на протяжении всего XIX в.

Более того, следует отметить, что на умонастроения и практические действия разных слоёв российской элиты, в том числе и правящей, начиная с XIX века по настоящее время, большое влияние оказывали европоцентристские ориентации и ценности. Правильно замечает современный исследователь Н.С. Розов: «Тема «Россия и Европа» ... остается центральной и чуть ли не единственной в вопросах самоидентификации нашей страны. Эта черта проявляется повсеместно — от

традиционного европоцентризма школьных и вузовских учебников практически по всем дисциплинам до забавной привычки сибирских начальников измерять свои таёжные края в «бельгиях» и «голландиях» (но почему-то не в «сириях», «кениях» или «экваторах»)»¹¹.

Во второй половине XX в. в советской историографии для объяснения метаморфоз российской истории использовалась концепция «развилки» или «выбора пути» исторического развития России. Один из известных историков того времени А. Зимин, например, находил такую «развилку» на российском историческом пути в XV в. Россия, по его мнению, имела тогда выбор между военно-этакетической и торгово-промышленной (ранне-буржуазной) моделями, перспективами развития. В силу ряда исторических причин и обстоятельств, страна, по мнению А. Зиминой, пошла по первому пути¹².

Другой историк и философ Н. Эйдельман говорит уже о ряде таких исторических «развилки»: «Несколько раз, начиная с XVI века, — писал он, — в русской истории возникали альтернативы «европейского» и «азиатского» пути. Иногда товарность и самоуправление брали верх, порою возникали сложные смешанные ситуации, но часто, увы, торжествовали барщина и деспотизм»¹³.

Но почему в XV–XVII в. (если брать, констатации Зиминой и Эйдельмана) выбирался тот или иной путь развития страны, почему доминирующее положение приобретала та или иная государственная стратегия? На этот вопрос мы не находим определенных и точных ответов. Всё определялось как бы стечением обстоятельств, комплексом объективных и субъективных факторов.

Рассуждения о «развилках» в историческом пути России подводят нас к выявлению трех теоретических моделей интерпретации России (в контексте проблемы «Россия-Запад»):

Первая модель: Россия — это Запад (часть Запада, может быть только отстающая в своем развитии часть Запада);

¹¹ Розов Н.С. Геополитика, геоэкономика и геокультура: взаимосвязь динамических сфер в истории России // *Общественные науки и современность*. 2011. № 4. С. 117.

¹² См.: Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России в XV в. М., 1991. С. 191–211.

¹³ Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 171.

Вторая модель: Россия — это антиЗапад, восточно-азиатская страна;

Третья модель: Россия — это и не Запад, и не АнтиЗапад, особая, уникальная цивилизация, в которой могут быть угаданы лишь отдельные характеристики как Запада, так и АнтиЗапада.

При анализе данных моделей следует избегать отождествления России и Востока. Особый статус России обусловлен как раз тем, что она является пограничным регионом между Западом и Востоком. Через этот регион проходят не только торгово-экономические связи, но и многочисленные переплетающиеся линии взаимодействия, соприкосновения различных культур, ментальностей и традиций.

Поэтому, наиболее адекватной моделью, объясняющей многие перипетии исторического взаимодействия России и Запада как различных общественных систем, представляется третья модель.

Но открытым остается вопрос о различиях этих систем. В чем истоки и природа этих различий, возможно ли их стирание в будущем?

В последнее время рядом ученых как у нас в стране, так и за рубежом предпринимается попытка осмысления проблемы «Россия и Запад» не столько на основе исследования событийных пластов российской истории, сколько на основе выявления специфических механизмов и детерминаций отечественного исторического процесса в контексте мирового развития. Эти усилия связываются с более глубоким осмыслением (а может быть переосмыслением) природы социального времени, являющегося более фундаментальной реальностью мироздания, чем любые объективные условия и факторы исторического процесса на Земле.

Ведь, действительно, проблема социального времени латентно содержится в самой формуле «Россия и Запад». Отставание одной страны от другой при примерно одинаковых «стартовых» условиях. Преодоление одной страной тех или иных социальных барьеров быстрее или медленнее других стран. Стремление пройти ускоренными темпами путь, который ранее уже прошли другие страны. Все эти фиксации исторических реальностей содержат в себе не только действие объективных географических, социально-экономических, социокультурных или каких-то других факторов, но и

проявление феномена «разного социального времени» или разных типов времени, которые преобладают в жизни разных социальных систем.

Парадоксально, но факт: даже на уровне обыденной жизни человек, как правило, оперирует, хотя чаще всего и не отдавая себе в этом отчета, разными типами времени, не только, например, линейным, но и циклическим временем, так как он живет не только в измерениях постоянно увеличивающейся временной протяженности (например, неуклонное увеличение количества лет жизни каждого человека), но и в постоянно повторяющихся временных циклах суток, времен года и т.д.¹⁴ В научном же познании природы и общества неизменно доминирует линейная парадигма¹⁵.

Эту парадоксальную ситуацию уже более 20 лет назад отразил нобелевский лауреат И. Пригожин в своем призыве: «Необходимо переоткрытие времени»¹⁶. И. Пригожин рассматривает данную проблему в контексте физических наук, хотя ясно, что он считает проблему времени камнем преткновения для всего научного, в том числе и гуманитарного, знания. Не случайно он в своей статье ссылается на французского историка Марка Блока, на его вывод о том, что история — это «наука, переживающая детство...», что «как серьезное аналитическое занятие, история еще совсем молода»¹⁷. И Пригожин показывает парадоксальность ситу-

¹⁴ Ученые-этнографы уже давно заметили, что у некоторых народов (например, индонезийцев) вообще отсутствуют представления о линейном времени (См: Вопросы философии. 1989. № 10. С. 42).

¹⁵ Наверное, поэтому именно в России в конце XIX века появляются фундаментальные концепции нелинейного, циклического объяснения российской и мировой истории (К. Леонтьев и Н. Данилевский). Позже другой выдающийся российский ученый — П. Сорокин посвятил исследованию циклических теорий несколько работ — см.: *Сорокин П.* [1927] Обзор концепций социально-исторического процесса // СОЦис. 1998. № 12 и *его же.* [1957]. Социальная и культурная динамика. М., 2006.

¹⁶ *Пригожин И.* Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3. Концептуальные подходы к проблеме времени как сложного феномена социального бытия появляются в конце XIX — начале XX в. в работах Дюркгейма, Дильтея, Трёльча, Зиммеля, Сорокина, Гуревича. В России над проблемами социального времени работал В.И. Вернадский.

¹⁷ *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 12.

ации, сложившейся в современной науке: представление о времени всегда являлось фундаментальным принципом, базисом научного знания, но новейшие исследования в различных областях науки как раз показывают зыбкость и несовершенство нашего понимания времени. «Мы можем говорить о времени нашего рождения, о времени падения Трои, о времени исчезновения динозавров и даже о времени рождения Вселенной, — пишет И. Пригожин, — но вопрос «как или почему началось время» (а значит и вопрос: «что такое время» — Е.Н.) ускользает от физики, так же как он, без сомнения, ускользает от возможности нашего языка и нашего воображения»¹⁸.

Уже эти рассуждения И. Пригожина свидетельствуют о том, что «переоткрытие времени» — это задача более сложная, чем просто синтез линейности и цикличности. Так, например, французские историки школы «Анналов» считают время истории сложным феноменом, в котором перемешиваются различные гетерогенные потоки. М. Блок употребляет в этой связи понятие «плазма», Ф. Бродель — понятие «сегментность». Раскрывая его, Ф. Бродель представляет природу социального (или исторического) времени как сосуществование, переплетающееся, накладывающееся развитие различных сегментов времени, или *временных ритмов*¹⁹, в которых живут общественные системы. Понимание социального процесса как потока, имеющего не единые, а множественные временные характеристики и измерения, когда одно и то же пространство, различные его слои и части могут развиваться в разновременных режимах, неприемлемо для традиционных представлений о пространстве и времени, ибо ломает многие сложившиеся концептуальные конструкции и постулаты общественных наук²⁰.

¹⁸ Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 18.

¹⁹ Здесь понятие «ритм» употребляется в следующем значении — «чередование каких-либо элементов, происходящее с определенной последовательностью». В этом значении указанное понятие существенно совпадает по своему содержанию с такими понятиями, как «цикл» и «волна».

²⁰ В отечественной научной литературе проблема нелинейного социального времени применительно к историческому процессу России

На самом деле в отказе от одномерных и линейных моделей социального времени нет ничего противоестественного. Так, если представить общество как совокупность жизней отдельных индивидов, то окажется, что на данном уровне социальной реальности всегда использовалась идея гетерогенности времени. Ни для кого не является секретом, что для людей различных возрастов, социальных положений, привычек и т.д. одни и те же отрезки времени протекают с разной скоростью. Этот эффект зачастую объясняется субъективностью человеческого восприятия. Но если это воспроизводится с удивительным постоянством в разные эпохи и в разных поколениях, если даже для одного и того же человека часто в разных жизненных ситуациях время «бежит» по-разному,

не прямо, но косвенно, опосредованно обсуждалась довольно активно в конце 90-х-2000-х гг. в работах, посвященных теориям социальной динамики. Укажем только на некоторые публикации этого периода: *Пашинский В.М.* Цикличность в истории России. (Взгляд с позиций социальной экологии) // Полис. 1994. № 4. С. 111–112; *Моцелков Е.Н.* Переходные процессы в России. Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. М., 1996; *Пантин В.И.* Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996; *Савельева И.М., Полетаева А.В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997; *Мельников Ю.Н.* Цикличность в истории России // *Общественные науки и современность.* 1997. № 5; *Севостьянов В.Н. Малолеткова П.С.* Социальное время России. Красноярск, 2000; *Лапкин В.В.* Циклы, ритмы, волны: проблемы моделирования политического развития // *Политические исследования.* 2002. № 4; *Пантин В.И.* Волны и циклы социального развития. Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004; *Семенов И.С.* Парадигма эволюционных циклов истории // *Политические исследования.* 2006. № 2; *Розов Н.С.* Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // *Политические исследования.* 2006. № 3 и др. Некоторые из указанных работ имели различные переиздания и в более поздний период. Появились и новые исследования. См.: *Ефимчук И.В.* Фрактальность истории // *Общественные науки и современность.* 2010. № 5; 2011. № 1; *Горюнов А.В.* Современная модель социальных изменений. Опыт экспликации // *СОЦис.* 2011. № 2; *Розов Н.С.* Эмоциональная энергия. Историко-социологический анализ // *СОЦис.* 2011. № 2; *Замятин Д.Н.* Геонационализм. Онтологическая динамика пространственных образов // *Общественные науки и современность.* 2011. №№ 5 и 6 и др.

то это уже указывает не только на особенности человеческих восприятий, но и на свойство самого времени.

Интерпретация проблемы «Россия — Запад» невозможна только в рамках и методологическими средствами «событийной» истории, поскольку Россия и Запад — это, по сути две разные исторические «материи», в которых в рамках очень длительного глобального тренда течет (во всяком случае, периодами) разное (локальное) историческое время и развитие которых детерминируется разными по многим характеристикам национальными матрицами. Может быть, именно такой подход (*глобальная история как совокупность нелинейно развивающихся локальных историй*)²¹ позволит выработать адекватную интерпретацию старой проблемы «Россия — Запад», которая окажется полезной и эффективной для современной практической политики.

²¹ См. интересную концепцию соотношения глобальной и локальной историй применительно к истории России – *Ионов И.Н.* Глобальная история и изучение прошлого России // *Общественные науки и современность.* 2011. № 5. С. 139-153.

РАСТОРГУЕВ В.Н.

Синхронизм роковых событий:
история войн и потрясений,
метаистория и политические технологии*

Война привлекает тех, кто ее не знает
War is sweet to them that know it not
(английская пословица)

На войне как на войне
A la guerre comme à la guerre
(французская пословица)

Силен тот, кто валит,
сильнее тот, кто поднимается
(русская пословица)

За горизонтом своего времени:
роковые события и коллективная память

Роковые события, среди которых наиболее значимыми были великие природные и социальные потрясения, а чаще всего войны между народами, — традиционный предмет повышенного интереса со стороны историков, философов и политологов, да и всех, кто пытается самостоятельно осмыслить прошлое и заглянуть за горизонт *своего* времени. Роковые события — это не просто события в череде других, а поворотные пункты истории. Они явным, хотя и непостижимым образом изменяют судьбы государств, цивилизационных миров и гражданских наций, этническое самосознание и коллективную память поколений. При этом именно внешние войны, как правило, становятся теми историческими веха-

* Доклад, прочитанный 25.07.2011 в Лондонском университете в рамках программы «Русско-Английские Исследования» (Международная конференция «Язык. Культура. Общество»).

ми, которыми гражданские нации отмечают этапы своего становления или крушения, взлета или падения. Причина очевидна: о внутренних, братоубийственных конфликтах, не ставших летальными, грядущие поколения стараются, если возможно, забыть. А если время не стирает память о прежних потрясениях такого рода, то и в этом случае люди не хотят до бесконечности «посыпать солью» долго не заживающие раны.

Потомки враждовавших отцов давно живут в *собственном* мире — неразделенном Отечестве, а политические интриги или идеологии, породившие когда-то внутринациональную вражду, будучи по своей природе не вечными, чрезвычайно изменчивыми и конъюнктурными, не способны до бесконечности питать рознь потомков. Новые поколения принимают «внутрисемейные» войны как данность, как социальную болезнь, требующую излечения. Внешние войны, в отличие от прошедших гражданских войн и самых разрушительных природных катастроф (ответом на них может быть лишь смирение перед судьбой, «волей рока» или гневом Божиим) формируют в сознании миллионов не смирение, а чувство солидарности перед символом общей угрозы — устрашающим образом вполне реального врага. И только такой образ, как показывает жизнь, способен в течение многих десятилетий и даже столетий консолидировать самые разные этнические пласты и возрастные группы, классы и сословия, оживляя и восстанавливая межпоколенческую связь, коллективную память народов.

Этот вывод столь же применим для анализа современности, как и для понимания древней истории. К примеру, отправная точка в рассуждениях С. Хантингтона о причинах неизбежного столкновения цивилизаций наших дней — признание консолидирующей функции образа врага, цементирующего социум. Хантингтон открывает свою книгу «Столкновение цивилизаций» ссылкой на роман М. Дибдина «Мертвая лагуна», повторяя и полностью разделяя старую формулу, вложенную в уста одного из героев романа: «Не может быть настоящих друзей без настоящих врагов. Если мы не ненавидим того, кем мы не являемся, мы не можем любить того, кем мы являемся. Это старые истины, которые мы с болью заново открываем после более чем столетия сентиментального лицемерия. Те, кто отрицает эти истины,

отрицает свою семью, свое наследие, свое право по рождению, самое себя! И таких людей нельзя с легкостью простить». По мнению Хантингтона, «прискорбную правдивость этих старых истин не может отрицать ни ученый, ни политик. Для людей, которые ищут свои корни, важны враги, и наиболее потенциально опасная вражда всегда возникает вдоль “линий разлома” между основными мировыми цивилизациями»¹.

Коллективная память, вошедшая в сознание и подсознание людей после кровопролитных войн, обладает особой прочностью. Она — сплав, с одной стороны, самых низменных чувств и фобий, в том числе жажды кровной мести и концентрированной ненависти к обезличенным людям — живым и мертвым, вся вина которых в том, что они по крови принадлежат к стану врага, а с другой стороны, самых высоких проявлений человеческой природы. Война — школа бесчеловечности и ожесточения, но и жертвенности, героизма, взаимной поддержки, где наряду с ненавистью рождается способность прощать поверженного противника. Истории народов, *написанные* не только чернилами, но и кровью до роковых событий и после них — разные истории. Если войны и кончаются миром, то в любом случае это будет уже другой мир, с новым прошлым, ибо войны, а не летописцы и не ученые-историки, каждый раз заново переписывают историю своих народов и государств. Летописцы и историки, политики и политиканы, журналисты и медиа-технологи, подлинные пророки и мелкие фальсификаторы лишь тогда «творят историю», когда их слово «узнается» коллективным сознанием, уже измененным войной. При этом неизбежно корректируется представление об исторической истине². Иногда после «тектонических событийных сдвигов» кардинально изменяется временной горизонт и вся историческая перспектива, а, следовательно, и представление о масштабах явлений и событий. То, что казалось несущественным и почти незаметным, на фоне грандиозных поражений или побед вы-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций М., АСТ, 2003. С. 14–15.

² Подробнее об этой проблеме см: *Расторгуев В.Н.* Историческая истина и масс-медиа // Исторический опыт модернизаций в социокультурном пространстве современной России. Стенограмма выступлений (Международная выставка «Образование и карьера», М., 2.03.2012). М., РТВ-Медиа, 2012.

двигается на первый план, а воистину великие свершения теряются, воспринимаются как «фоновые картинки» или даже как позорные страницы национальной истории.

Провидение и социальное конструирование

Такие «абберации исторического зрения» могут закрепляться в новых поколениях в течение сравнительно короткого времени. Причем временной горизонт подобной коррекции коллективного сознания (то, что Ж. Делез и Ф. Гваттари называют «длинной памятью» расы или цивилизации, социума или семьи) постоянно сокращается в «обществе тотального замещения». Именно так можно определить общество, в котором нормой становится постоянное замещение межличностных коммуникаций манипуляционными технологиями, которые, с одной стороны, опосредуются масс-медиа, что облегчает процесс унификации постоянно обновляемого набора «потребительских» стереотипов массового сознания, а с другой стороны, разрушают единое культурное пространство, поскольку под постоянным прессингом событий размываются прямые межпоколенческие преемственные связи. В результате национальная идентичность, к примеру, вытесняется либо психологией, характерной для «плавленного этнического котла», либо, по точному определению Н.С. Трубецкого, ложным национализмом («Об истинном и ложном национализме»). А это превращение, в свою очередь, провоцирует дальнейшие и все более масштабные эксперименты по «конструированию» и «переконструированию» геополитического и цивилизационного пространства. Об эффективности подобных экспериментов свидетельствуют бесчисленные примеры нашего времени — и трагические уроки распада Югославии в центре Европы на фоне общеевропейской интеграции, и противоестественное разделение русского народа и ряда других этнических образований в процессе демонтажа СССР.

При этом правильнее было бы говорить не только об «измененном сознании» или фальсификации истории, но и о явлениях иного порядка — о фальсификации самого общества. К такому парадоксальному на первый взгляд выводу приходит, в частности, Г. Дебор в известной книге «Общество спектакля», где он объясняет возникновение этого феномена выходом социума «за пределы простого есте-

ственного цикла для того, чтобы стать ориентированной событийностью, последовательностью властных образований». При этом Дебор сравнивает общество спектакля с перманентной опиумной войной, акцентируя внимание на роли войн или «ложных примирений» в разрушении старых и возникновении новых коллективных иллюзий: «Теперь, когда Великий Раскол классовой власти завершился полным примирением, нужно сказать, что упорядоченная практика интегрированной театрализации сегодня “изменила мир экономически”, в то время как он сам “по-полицейски изменил восприятие”. ... Только потому, что подобное слияние произошло в экономико-политической реальности всего мира, мир, наконец, смог формально провозгласить себя единым. Но также и потому, что общая ситуация, в которой повсеместно возникло такое разделение власти, оказалась столь серьезной, миру необходимо было объединиться как можно скорее, чтобы единым блоком участвовать в одной и той же, основанной на консенсусе, организации мирового рынка, зрелищно *фальсифицированной* и обеспеченной. Но поэтому он, в конечном счете, так и не сможет объединиться». В результате, по мнению Дебора, мы можем лишь наблюдать, «как разрастается фальсификация, доходя до тривиальнейших вещей, словно липкий туман, сгустившийся над повседневностью»³.

Кроме того, как подметил Блондель, не следует забывать о сосуществовании в процессе познания разных «аналитических плоскостей», связанных как с признанием либо непризнанием объективных закономерностей развития, так и с альтернативными подходами к пониманию роли личности в истории. В этом случае «обвинение в “фальсификации” истории» (не случайно само слово “фальсификация” Блондель берет в кавычки) следует понимать как строительство «непреодолимой преграды на пути любого вывода о значимости лидеров»⁴.

Уже по этой причине события, относимые к роковым, приковывают внимание и требуют объяснения, которое, как подменил И. Кант, только тогда приближает нас к истине, когда мы допускаем в сознание идею провидения, высшей

³ Дебор Г. Общество спектакля. М., Логос. 1999. С. 2, 6.

⁴ Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992. С. 24–25.

силы, когда за преходящим и случайным удастся увидеть неслучайное, непреходящее, инвариантное. В современной философии для обозначения этой «над-исторической» плоскости используется понятие «метаистория». А.С. Панарин в одной из своих последних лекций, прочитанных в Государственной академии славянской культуры, дал очень глубокое определение сути метаисторического измерения истории. По его словам, «если в логике пространства закономерно побеждают физически сильнейшие, то в логике метаисторического времени, открытой мировыми религиями, торжествуют униженные. Реальная политическая история прокладывается между этими полюсами»⁵.

Разумеется, отсылки на провидение чаще всего свидетельствуют всего лишь о нашей неспособности проникнуть в суть происходящего или о желании найти козла отпущения на случай неудач, как подметил Марк Твен в свойственной ему манере (его формула стала широко известным афоризмом). Подобные трактовки, «снижающие» статус проблемы роковых событий, возможно, вполне допустимы для сугубо профанной (и чаще всего профанированной) публичной деятельности, в том числе и политической. Примером может служить предвыборная агитация, в рамках которой двоемыслие с характерной этого способа мировосприятия подменой понятий — вполне эффективный, а потому и допустимый способ аргументации. Однако сознательное «занижение» темы непригодно для научного исследования, поскольку не только «опускает» тему, обесценивая ее, но и закрывает наиболее перспективные пути анализа. К роковым событиям следует относиться с учетом их «веса» в коллективной памяти и, соответственно, с должным уважением, даже если они и воспринимаются обезличенно — не как судьба предков, современников и потомков, а всего лишь как предметная область...

Именно кантовская позиция может быть положена в основу анализа синхронизма роковых событий по трем причинам. Во-первых, в ней достаточно четко определяется единственно возможный, как представляется, путь к корректной постановке проблемы, которая может стать предметом общего

⁵ Панарин А.С. Политическое положение России: взгляд в будущее. М., ГАСК, 2003. С. 15.

философского, гуманитарного, естественнонаучного и богословского осмысления только через допущение феномена предопределения (без этого «фермента» теория роковых событий «рассыпается» уже на зачаточных стадиях). Во-вторых, как будет показано ниже, она вполне согласуется с наиболее ценными в эвристическом плане и конкурентоспособными концепциями синхронизма, предложенными рядом выдающихся мыслителей и, что особенно важно, включенными в научный оборот. И в-третьих, она совпадает с той трактовкой, которая предлагается в рамках данного исследования.

По мнению Канта, в самом «механизме природы, к которой принадлежит человек (как чувственное существо), обнаруживается лежащая уже в основе ее существования форма, которую мы можем понять не иначе, как приписывая ей цель Творца мира, предопределяющего ее». Предопределение Творца, по Канту, и следует понимать как Божественное провидение, а поскольку оно положено в начало мира, то и называть его должно основывающим. «Поскольку же оно в развитии природы поддерживает ее механизм по общим законам целесообразности, мы называем его распорядителем провидением (*providentia gubernatrix*). Развивая эту мысль применительно к «отдельным событиям как божественным целям», Кант подчеркивает, что в этом случае правильнее было бы говорить не о провидении, а о Персте Божьем: «Желание познать его, как таковой (так как он, действительно, указывает на чудо, хотя события так не называются), есть безрассудная дерзость человека, потому что заключать от отдельных событий к особому принципу действующей причины (заключать, что это событие есть цель, а не только естественно-механическое побочное следствие из другой, нам совершенно неизвестной цели) нелепо и основано на самомнении, как бы благочестиво и смиренно ни звучали речи об этом»⁶.

Идея синхронизма в истории, политике и языковой традиции

В рамках заявленной темы выделяются три вопроса. Первый: в чем заключена идея исторического синхронизма и как она связана с нашими представлениями о логике исторического развития и возможностях политического планирования? Второй: как можно интерпретировать сам феномен, который

⁶ Кант И. Сочинения в шести томах. М., Мысль. Т. 6., 1966. С. 279–280.

называют роковыми событиями, с которыми приходится считаться тем, кто планирует политическую жизнь? И третий: о чем говорит «парад роковых событий» второго десятилетия второго тысячелетия, когда сама история наших народов дает своеобразный открытый урок каждому из нас?

Синхронизация роковых событий или исторический синхронизм — явление, достойное назваться «планированием свыше», поскольку здесь мы приближаемся к феномену, который по мнению многих выдающихся мыслителей, пытавшихся его объяснить, свидетельствует о предопределенности в человеческой истории и тщетности попыток преувеличить роль политического планирования и программирования. Прошло 160 лет со дня первого издания книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», где было предложено одно из наиболее продуктивных объяснений исторического синхронизма в развитии различных локальных цивилизаций (культурно-исторических типов). Эта идея позднее нашла своеобразное отражение во многих теориях, в том числе и в концепции осевого времени К. Ясперса.

По мнению Данилевского, наиболее ярким проявлением синхронизма были «открытие книгопечатания, взятие Константинополя турками и открытие Америки, почти одновременно случившиеся». Эта синхронизация, по мнению Данилевского, в несчетное число раз усилила влияние каждого из указанных событий «на развитие просвещения, на расширение деятельности европейских народов», положив начало новому повороту в жизни Европы. Но Данилевский задает вопрос, не имеющий ответа: если следствию синхронизма событий можно найти удовлетворительное объяснение, то «чем объяснить их современность, которая, собственно, и составляет главное условие их образовательной силы?». Причины синхронистической связи столь разнородных событий, заключает Данилевский, «нельзя, конечно, надеяться отыскать ближе, чем в самом том плане миродержавного Промысла, по которому развивается историческая жизнь человечества»⁷.

В Божием Промысле видел суть синхронизации событий и русский мыслитель В.С. Соловьев, хотя его система доказательств была совершенно иной. Такое отношение, впрочем,

⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1995. С. 262–263.

было свойственно не только русской религиозной мысли. Даже К.Г. Юнг склонялся к тому, чтобы признать за феноменом синхронизма событий *знамение* — особую связь, не имеющую причинно-следственного характера. По его мнению, эффект синхронистичности изменяет общую картину мира, делая ее объемной благодаря совмещению психического и физического измерений, пространства и времени.

Исторический синхронизм и сегодня остается столь же загадочным, как и столетия назад, и столь же притягательным для любителей мистического истолкования удивительных совпадений, как, к примеру, «парад планет», уже ставший грандиозным информационным шоу под кодовым названием «2012-й год — конец света».

Синхронизация событий — область, где труднее всего отличить образ и реальность, слово и дело, культуру и политику, открытие и технологию, точки бифуркации и предопределенность. К тому же эта область непрозрачна, «загрязнена», например, грязными технологиями, принудительной политической индоктринацией, информационными войнами. Поэтому механизмы синхронизации событий и эффект «второй» синхронизации могут представлять интерес не только в рамках теоретического исследования, например, с позиций методологии исторической науки или политической лингвистики, но и с позиций политической прогностики и стратегического планирования.

Не останавливаясь на сопоставлении различных толкований синхронизации роковых событий, т. к. это потребовало бы обширного экскурса, обратим особое внимание на той «второй жизни», которую они обретают через годы и даже столетия, будучи встроены волею случая в новые «событийные ряды», связывающие эпохи и приоткрывающие скрытые прежде тенденции. Эта задача становится не слишком трудной именно в наши дни. Дело в том, что во втором десятилетии второго тысячелетия мы вступили в период, когда нас ожидает не менее величественное и поучительное зрелище, чем «парад планет». Речь идет о «параде роковых событий мировой истории». Его трудно не заметить, но еще труднее объяснить. Речь в данном случае идет о «наложении во времени» информационных «двойников» событий разных эпох. Под «двойниками» понимаются юбилейные даты, ставшие вехами в отечественной и мировой истории.

Их совпадение, скорее всего, носит случайный характер, как и совпадения самих роковых событий, но и здесь за случайностью иногда обнаруживается внутренняя логика исторического процесса, которая описывается либо как цикличность или фатальность, либо как линейное поступательное развитие или линейная деградация социума. Поэтому к синхронизму великих дат не следует относиться только как к следам или отголоскам поворотных моментов истории (точек бифуркации). Значимые даты сами являются информационными событиями первой величины, а их «парад» оказывает ощутимое воздействие на жизнь миллионов людей.

*Роковые события в контексте
национальной и мировой истории*

Вопрос о природе роковых событий наиболее труден с методологической точки зрения, хотя и сформулирован предельно просто. Трудность заключается в том, что национальная история становится умопостигаемой, как убедительно доказал А.Тойнби, только в том случае, когда наиболее важные события рассматриваются в более широкой перспективе – в контексте мировой истории. А столь широкий горизонт обнажает массу противоречий, которые трудно заметить на «национальном поле», что, в свою очередь, стимулирует новый виток дискуссии. Выделим только семь оснований, порождающих споры (действительных оснований намного больше).

Во-первых, роковыми или судьбоносными событиями называют изменения в жизни общества, которые порождают цепь дальнейших исторических событий. К слову, по мнению многих культурологов и историков, в том числе А.Тойнби, исторические и цивилизационные пути Британии и России (это сопоставление особо ценно с учетом исторических противоречий между нашими странами) сближает тот факт, что они начинаются с важнейшего из всех событий прошлого и будущего – с крещения наших народов. Впрочем, в большинстве случаев каузальные связи такого рода могут оставаться неявными или непознанными, а иногда вполне доступными для изучения, но табуированными. Иногда их не видят, ибо не хотят видеть. Примером может служить хотя бы уже упомянутое крещение народов Британии и России, значимость которого исследователям зачастую приходится принижать

в эпоху мультикультурализма в угоду принципу политкорректности, как и значимость исторической миссии христианских народов. Не всякую правду, если верить английской пословице, следует произносить вслух (*All truths are not to be told*), а экстранаучные факторы, как видим, способны существенно повлиять на поиск научной истины.

Во-вторых, под роковыми событиями чаще всего понимают не сами события, а концептуальные схемы и теории, призванные их объяснить даже в том случае, когда те в принципе не поддаются объяснению (этому мешает тонкая грань между случайностью и закономерностью, фатальностью и промыслом Божиим). Однако итогом наукообразного образования и подготовленного этим образованием восприятия мира стала доминирующая установка на поиск объяснения и обоснования как способов «снять» проблему, т. е. избавиться от нее. Но даже в случае, когда причинно-следственные связи между событиями открываются сознанию отдельных людей, достоверные знания о «событийных рядах» редко становятся общим достоянием. Это происходит из-за высокой конкуренции в сфере интеллектуального производства и потребления или из-за того, что даже продуктивные идеи и теории быстро стираются из коллективной памяти.

Немногие теории становятся учениями или доктринами, а те, которым это удастся, растрчивают свой эвристический потенциал по мере распространения и популяризации, когда они овладевают умами миллионов. Профанация — цена адаптации знаний, рассчитанных на профанов (о профанах говорится в самом уважительном понимании этого определения, поскольку его с полным правом можно приложить к любому человеку и, прежде всего, к узкому специалисту, не способному выйти за границы своей «деланки»). Это касается теорий, ставших обязательными для штудирования и запоминания: образовательные схемы и тесты учат, оглушая, но оглушая, научают. Но в еще большей степени это характеризует политические идеи, «поднимающиеся» до уровня политических идеологий. На этой «высокой ступеньке» убогая прагматическая дихотомия: «эффективно или неэффективно» полностью вытесняет из сознания человека (политического человека) дилеммы истинности или ложности, добра или зла, над которыми ломали головы мыслители всех времен и народов. Поэтому даже «умная политика», т. е.

политика, научно обоснованная на уровне подготовки решений, воспринимается интеллектуалами как «недалекая».⁸ Такой вывод усугубляется и узостью ее временных горизонтов (временной горизонт локальных цивилизаций — вечность, а так называемых «демократических циклов» с подгонкой программ от выборов до выборов – не более 5–7 лет), а также характерным для политической деятельности неизбежным дефицитом информации и компетентности при принятии стратегических решений. Фактором риска является и сама технологией принятия политических доктрин, принципиально отличающаяся от признания и распространения научных учений. Собственно, по этим причинам политические решения так часто оборачиваются роковыми событиями.

В-третьих, реальные роковые события, иногда поддающиеся концептуальной исторической реконструкции, чаще всего до неузнаваемости видоизменяются в результате использования этого метода. Сам метод исторической реконструкции не только составляет основу исторической науки, но и способен повлиять на ход национальной и мировой истории. Благодаря реконструкции «привнесенная» человеком логика не столько дополняет «логику исторического развития», сколько вытесняет ее. Таким образом, исторический рассказ, а не история воспринимается как данность, как вызов времени, требующий ответа. Именно так происходит подмена вызова и ответа, информационного события и бытия.

В-четвертых, трудность состоит не только в том, что произвольную концептуальную реконструкцию роковых событий трудно, а иногда невозможно отличить, «отслоить» от достоверного знания — от исторического факта. Ссылки на факты мало что меняют, поскольку под историческим фактом, как известно, понимают как сам «фрагмент реальности», который в данном случае почти не отличим от артефакта (ибо субъекты истории — люди и народы), так и знание об этой реальности, если оно признается достаточно достоверным.

В-пятых, анализ роковых событий сводится по преимуществу к изучению текстов. И действительно, если роковыми событиями именуют не только и не столько реальные судьбоносные изменения, сколько знания о них, то возника-

⁸ О парадоксах «умной политики» см.: *Расторгуев В.Н. Умная политика и культура прогнозирования*. М.: ГАСК, 2011.

ет искушение упростить проблему. А самый короткий, хотя и не самый простой путь – перевести ее в плоскость изучения тех текстов, письменных (по преимуществу) и устных, которые составляют своеобразную «книгу идентичности», стоящую на обязательной виртуальной «книжной полке» в доме у каждой нации или государства. В этой книге результаты реконструкции соединены с фактами общим «сюжетом» и логикой, привнесенными в историю как творцами исторических событий — вождями и героями, так и творцами исторических опусов, текстов (историками).

В-шестых, роковые события — не только коллективная память поколений, но и своеобразная «интеллектуальная коллективная собственность наций». На ее страже стоит общественное мнение, национальное самосознание, т. е. людской суд, который далек от унифицированного представления об истинности и справедливости. По этой причине существует столько же самостоятельных «изданий» и вариантов «книги идентичности», сколько существует в мире языков и культур. Чтобы пояснить эту мысль, достаточно сослаться на одно из самых известных высказываний Бернарда Шоу: «Англия и Америка — две страны, разделённые одним языком». Такое разделение «удваивает», а точнее, «умножает» одну и ту же общую историю, если под ней понимать реальный ход столь же реальных событий. Кроме того, язык воссозданной истории, как и речь человека, куда чаще служит проводником идей, идеологий и групповых интересов, чем носителем истины. «Мысль изреченная есть ложь», как говорил русский поэт и дипломат Тютчев. Ему же принадлежат известные в России строки о двух роковых силах. В этих словах заключена мысль, которая дополняет наше представление о роковых событиях:

«Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, -
Одна есть Смерть, другая — Суд людской».

В-седьмых, следует выделить класс искусственно созданных роковых событий, которые с полным основанием можно назвать не только артефактами, но и продуктами информационных технологий, а также, если учесть их регулятивные и манипулятивные функции, виртуальными событиями-технологиями. Среди роковых событий такого типа особого вни-

мания заслуживают «информационные взрывы» и «волны», способные откорректировать, переписать, «смыть» или полностью подменить «книгу самоидентификации», то есть качественно изменить идентичность людей и народов, подогнав ее под требования той или иной идеологии. Как гласит английская пословица, ложь порождает ложь (*A lie begets a lie*).

Предложенная классификация толкований роковых событий не исчерпывает всех вариантов, в том числе и наиболее важных аспектов проблемы влияния роковых событий на выбор будущего. К примеру, к искусственно созданным, то есть рукотворным роковым событиям можно с полным правом отнести и значительную часть так называемых глобальных проблем, временами больше похожих на информационные волны и события-технологии, чем на реальные угрозы. Вместе с тем глобальные проблемы, а точнее, их «информационные клоны» на наших глазах изменяют общечеловеческую историю, требуя не только координации усилий со стороны всех стран — участников мирового процесса, но и организации единого центра управления, без которого координация неосуществима.

При этом глобальные проблемы все чаще определяют не иначе, как объективные вызовы времени. Тем самым ответственность за антропо- и техногенные катастрофы переносится с политики и политиков на обезличенное время, хотя именно человеческая деятельность — главная фабрика по производству проблем, в том числе глобальных, требующих единого центра по координации усилий для их решения. Так одним выстрелом, как говорят в России, убивают двух зайцев (английский аналог: «to kill two birds with one stone»). С одной стороны, виновником назначают ни в чем не повинное время, а, с другой стороны, легитимируется тенденция по сверхконцентрации власти.

По этой причине искусственное подогревание страхов перед глобальными вызовами провоцирует, по удачному определению Ж. Бодрийера, реальное возникновение новой цепи роковых событий. Лучше всего об этом свидетельствует, по его мнению, великий сценарий ядерной угрозы и театральные переговоры по этому поводу, поскольку фантазии о смерти «притягивают роковые события»⁹.

⁹ Бодрийер Ж. Америка. СПб., Владимир Даль, 2000. С. 112.

*Парад роковых событий-двойников:
возможности масс-медиа и задачи
политического планирования*

После проведенной методологической пропедевтики можно перейти к заключительному вопросу — о параде великих дат и о том уроке, который человек может почерпнуть, пытаясь осмыслить это удивительное явление. Сегодня достаточно легко предсказать, о чем будут говорить все СМИ и соответственно, о чем будут думать люди — от лидеров стран до рядовых обывателей — в следующем году, через год и через десятилетие. Причем предсказать характер и направленность дискурсов можно с точностью до месяца, до дня, ибо время циклично и само постоянно напоминает нам о роковых событиях прошлого. А СМИ привязаны к этим событиям, особенно к юбилейным датам, как привязаны животные к зонам кормления. Им всегда не хватает естественного корма, а юбилейные информационные события — надежный и качественный фураж.

Поэтому иногда юбилейные даты великих событий кажутся столь же весомыми, как и сами оригиналы. Но это не только кажимость. Даты не только овладевают вниманием масс, но и подчиняют себе волю лидеров ведущих стран мира, а это, в свою очередь, заставляет все крупные политические тела и весь «орбитальный мусор» (от публичных политиков среднего масштаба до дипломатов и рядовых политтехнологов) изменять «орбиты» своего движения в политическом пространстве. Таким образом, отражения событий правильнее было бы оценивать как их исторические продолжение, способное влиять не только на характер политического дискурса, но в ряде случаев и на выбор политического курса.

Все это чрезвычайно важно учитывать в ходе политического планирования и стратегического прогнозирования. Совпадение великих дат влечет за собой последствия, иногда не менее важные, чем совпадение реальных исторических событий. Парад событий как бы «нанизывает» эпохи, срывает с событий покров привычности (хабитуализации) и тем самым приоткрывает логику истории.

Многие роковые события со страшной очевидностью повторяются из века в век, и каждый раз люди не воспринимают уроков, которые преподносит история. А уроки эти оплачиваются такой кровью и такими потерями, что, кажется, надо

быть полностью лишены души и памяти, чтобы не заметить этой исторической связи. Этнокультурная память народа и его национальная самоидентификация во многом сопряжены, как уже говорилось, с памятью о войнах: великих победах и страшных поражениях. О каких событиях, а точнее, *событийных рядах* идет речь?

Остановимся только на нескольких событийных рядах, непосредственно связанных с отношениями между Россией и Европой. Увы, по значимости, как уже говорилось в самом начале доклада, выделяются по преимуществу истории войн, побед и поражений... Самое прискорбное заключается в том, что воевали между собой христианские, а иногда и православные, славянские страны.

В ближайшие годы мы отмечаем и будем отмечать множество дат, связанных с этими событиями. *И первый по значимости событийный ряд — 2010–2015 годы. 2010 год — 65-летие победы над фашистской Германией, а 2011 — 70-летие со дня начала Великой Отечественной войны.* Эта война по праву называется в России Отечественной, т. к. она стала едва ли не главным основанием гражданской самоидентификации народов России, переживших до этого эпоху тотальной политической индоктринации, одной из целей которой был стирание многовековой коллективной памяти. И теперь каждый день до 9 мая 2015 года включительно мы будем вспоминать хронику той войны, которая почти у каждой семьи в России отняла либо кормильца, либо других близких родственников, а также хронику освободительной европейской миссии России, где каждый день — воистину на вес золота. Россия ценою невиданных жертв позволила восстановить суверенитеты тех европейских народов и государств, которые сегодня сообща создают единую Европу. Если сторонники теории нарративации утверждают, что и в этом случае перед нами не столько реальная история, сколько рассказ, то это не изменяет общей оценки. Пусть это рассказ среди рассказов, но, безусловно, самый правдивый и самый поучительный в моральном плане из всех рассказов о мировых войнах. Самый поучительный, прежде всего, для России и для Европы, ибо он не столько повествование о прошлом, сколько предупреждение.

На каких идеологических основах, на каких духовных принципах стоит Европейский дом? Это очень важно по-

нять, поскольку никому не известны конечные цели строительства этого огромного квази-государства, а если называть вещи своими именами – сверхдержавы нового типа и даже новой империи — пока не достаточно устойчивой, но интенсивно срастающейся. Неизвестны цели строительства и самим европейцам, если, конечно, не сводить смысл объединения к созданию более комфортных условий для бизнеса и получения преимуществ в конкурентной борьбе на мировых рынках.

К сказанному можно добавить то, что для граждан России *2010 год — это еще и 90-летие со дня завершения горячей фазы Гражданской войны*, разделившей народ, как тогда казалось, навсегда. Гражданская война расколола даже саму Русскую Православную Церковь. На этом фоне особым историческим смыслом наполняется события последнего времени и, прежде всего, воссоединение Русской Православной Церкви. Духовное воссоединение Православной России — дополнительное свидетельство правоты вывода о том, что отгремевшие гражданские войны отцов воспринимаются их потомками как застарелая болезнь, требующая лечения.

Всем нам скоро придется детально вспоминать о событиях этой давней войны, ибо *второй событийный ряд — 2012–2014 годы — двухсотлетие со дня «Нашествия двенадцати языков»*, как раньше называли Великую освободительную миссию России в начале XIX века, Отечественную войну 1812 года. Тогда точно также русские войска платили своей кровью за освобождение европейских государств. Думается, это урок с повторением (две Отечественные войны со столетним разрывом). Суть урока проста, но принимается с трудом: общими врагами и России, и Европы были силы, стремившиеся столкнуть Европу и Россию, как бы эти силы себя не позиционировали тогда и ныне. Напомню слова Наполеона, который он произнес в беседе с одним из наших дипломатов уже после начала боевых действий: «... теперь, когда вся Европа идет вслед за мной, как вы сможете мне сопротивляться?».

Мы очень часто забываем, что почти вся Европа тогда легла под идею или, как мы сказали бы теперь, под идеологию некоего европейского политического объединения, первая попытка создания которого и была предпринята Наполеоном. В силу многих обстоятельств и, прежде всего, политических интриг, нежелания учиться на собственных ошибках

этот союз стал антироссийским и до сих пор сохраняет в себе эту губительную для самой Европы направленность. Уже при Наполеоне (во многом, кстати, против его воли) и после его падения Европа превратилась в анти-Россию, а Россия в глазах европейцев — в анти-Европу.

Были ли тогда у европейцев, в том числе французов и русских, другие пути и возможности выстроить мирные или хотя бы взаимопользные отношения между нашими цивилизациями? Возможно, что и были, хотя, как известно, у истории нет сослагательного наклонения. Впрочем, именно это наклонение и свойственно истории: многие упущенные когда-то исторические возможности как бы консервируются, сохраняются во времени. Главное — не наступать на те же грабли и вовремя, когда наступит схожая ситуация, выбрать разумную стратегию, выгодную России. Именно об этом писал Н.Я. Данилевский в книге с говорящим названием «Горе победителям». Он утверждал, что наша славная в военном, но не в политическом смысле борьба против Наполеона не принесла нам особой пользы, т. к. мы не приобрели ни одного истинного друга и союзника. По его мнению, мы заплатили своей кровью за европейские, но не за российские интересы. Чем не урок?

Третий событийный ряд — 2012–2013 годы — столетие балканских войн, их хроника. История вновь и вновь дает нам уроки, свидетельствующие о пагубности междоцивилизационных войн и об особых рисках, связанных с противостоянием между православными государствами. Как известно, Первая Балканская война — война коалиции (Балканского союза) Сербии, Болгарии, Черногории и Греции против Турции. Эта война стала прелюдией ко Второй Балканской войне — столкновению коалиции и примкнувшим к ней Турции и Румынии уже против Болгарии. Отсюда вытекают тяжелейшие последствия и для Европы и для России, обернувшиеся в итоге глобальной катастрофой — началом Первой мировой войны, которая, как не без основания считают многие мыслители нашего времени, не закончилась и по сей день, усугубив разделение Европы и России. Многие исследователи приходят к выводу, что и Вторая мировая война — продолжение Первой в новом историческом контексте, с новыми геополитическими акторами, но на том же театре боевых действий и с еще более чудовищными, уже не поддающимися

осмыслению невосполнимыми жертвами для европейцев и россиян.

На это наслаивается еще один *событийный ряд* — это *2010–2012 годы* — период, когда мы отмечаем 400-летие спасения России, ключ к которому — национальное единство, обретенное на краю гибели.

И конечно, *событийный ряд, мимо которого нельзя пройти*, — *2013–2017 годы*. Речь идет о столетии со дня взлета династии Романовых (в 1913 году с невиданным размахом отмечался 300-летний юбилей Дома Романовых) и о трагическом пути династии к гибели, которая произошла на фоне мировой катастрофы и крушения основных европейских империй.

Мы не задумываемся, к чему привела Первая мировая война, тем самым не замечаем ее неявных причин и механизмов. А среди целей бойни — сознательное уничтожение самих цивилизационных основ «старого мира», превращение Европы и России в расчищенную «стройплощадку», пригодную для реализации геополитических проектов. Именно в это время ушли в небытие прежние гаранты стабильности — великие империи (Австро-Венгерская, Германская, Российская и Османская), а уже на их руинах стали осуществляться самые циничные за всю историю человечества эксперименты над людьми и народами. Говоря о событийных рядах, мы перечислили совсем немного из того, о чем стоило бы помнить. Но сам факт наслоения этих культурных пластов в 2010–2015 годах заставляет заново выстроить систему ценностей и приоритетов.

ЖУКОВ В.Н.

Государство и война в русской философии
естественного права первой половины XX века

Рассмотрение русскими философами права проблемы государства тесно связано с темой войны. Война — это феномен политической жизни, связанный с разрешением конфликтов между государствами, нациями, классами или иными социальными группами средствами вооружённого насилия. Осью, стержнем военных конфликтов, в конечном счёте, всегда выступает власть; воюющие стороны ставят своей целью с помощью насилия навязать свою волю, подчинить себе противника. Война представляет собой крайнюю форму проявления власти; она обнажает скрытые её мотивы и механизмы, обнаруживает онтологическую и экзистенциальную связь человека с миром политики. Во время войны особенно ярко проявляются позитивные и негативные стороны государства, его человеческое и одновременно бесчеловечное лицо.

Война — традиционная тема в истории философской и политической мысли ещё со времён античности. Естественно-правовая философия также не обошла её вниманием. Классические её представители (Спиноза, Гроций, Гоббс, Локк, Монтескье, Руссо, Кант и др.) много ценного сказали о войне, стремясь соотнести данную проблему с теорией естественного права и общественного договора. Авторы Нового времени, рассматривая феномен войны в основном с просветительских позиций, через призму идеологии гуманизма, по преимуществу обращали внимание на античеловеческую и антиобщественную природу войны. В философии права Фихте и Гегеля война приобретает уже позитивные свойства, обеспечивающие, по их мнению, прогресс в государственной жизни.

Русские философы права, несомненно, испытали на себе влияние и пацифистский дух учения Канта, и милитаризм

Гегеля. Существенную роль в понимании ими войны сыграла религия. Война, помещая человека в экзистенциальную ситуацию, вскрывает парадоксальную связь жизни и смерти, что является интеллектуальным и психологическим центром религиозного сознания. Следует согласиться с С.Г. Киселёвым в том, что непосредственным теоретическим источником взглядов русских религиозных философов права на войну стала философия В.С. Соловьёва, который предложил рассматривать войну как духовный конфликт, как результат столкновения различных культур¹. Для русских представителей естественно-правовой философии война — это кричащая антиномия, укоренённая как в феноменальном, так и в ноуменальном мире. Вместе с тем среди русских представителей философии естественного права нет пацифистов. Все они, отмечая трагический характер войны, признают её правомерность в случае защиты родины и гуманистических ценностей. Данное обстоятельство ещё раз указывает на то, русские либеральные философы права ценили силу государства и понимали её смысл.

Тема войны, связь войны с государством, нацией и личностью начинает активно обсуждаться в русской интеллигентской среде примерно с 1904 г., начала русско-японской войны. Первая мировая война дала новый мощный импульс обсуждению проблем войны, нации и национализма. Практически все крупные русские философы высказались в той или иной мере по данной теме, но особенно заметными были работы П.Б. Струве, С.А. Котляревского, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, С.А. Франка, И.А. Ильина. Правосознание русских либеральных философов становилось всё более правым, смещалось в сторону защиты национальных ценностей, укрепления и превознесения русской нации и русского национального государства.

Одним из тех, кто ярко и рельефно развивал в России идеи о связи войны и государства, был П.Б. Струве. С его именем связано формирование в России идеологии консервативного либерализма или, иначе говоря, правого (национального) либерализма. В 1908 г. он опубликовал программную статью

¹ Киселёв С.Г. Проблема «смысла войны» в русской религиозно-идеалистической философии начала XX века. Автореферат диссертации. М., 1991. С.13, 14.

«Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества», в которой выдвинул концепцию создания либеральной национальной империалистической России. В условиях первой русской революции, активного влияния правых и левых радикалов Струве провозгласил идею «революции во имя государства». На его взгляд, национальной идеей современной России может стать дело примирения между властью и «проснувшимся к самостоятельности народом», государство и нация должны органически срастись. Власть и нация обязаны найти компромисс, пойти на добровольное самоограничение с целью соединения «прошлой исторической судьбы» с «новыми либеральными требованиями». «Только государство и его мощь, — отмечает Струве, — могут быть для настоящих патриотов истинной путеводной звездой. Остальное — «блуждающие огни»². Струве выступал за создание такой Российской империи, в которой могущество государство будет сочетаться с дисциплиной труда, правовой защищённостью и религиозной идеей.

В основе концепции Великой России, очевидно, лежат идеи Гегеля и А. Гумпловича, у которого Струве в 1891–1892 гг. учился. Струве, называя себя «русским империалистом», считает проведение агрессивной внешней политики со стороны того или иного государства делом естественным, необходимым и неизбежным. Он пишет: «Можно как угодно разлагать государство на атомы и собирать его из атомов, можно объявить его «отношением» или системой «отношений». Это не уничтожит того факта, что психологически всякое сложившееся государство есть как бы некая личность, у которого есть свой верховный закон бытия.

Для государства этот верховный закон его бытия гласит: всякое здоровое и сильное, т.е. не только юридически «самодержавное» или «суверенное», но и фактически самим собой держащееся, государство желает быть могущественным. А быть могущественным — значит обладать непременно «внешней» мощью. Ибо из стремления государств к могуществу неизбежно вытекает то, что всякое слабое государство, если оно не ограждено противоборством интересов государств сильных, является в возможности (потенциально) и в

² Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 61.

действительности (de facto) добычей для государства сильного»³.

Любое государство, по Струве, сверхразумно и внеразумно, властными отношениями иррационально связывающее воедино отдельных индивидов. Имманентно и трансцендентно государству свойственно стремиться к своему могуществу, усиливать свою власть внутри страны и вовне. «Переставая исполнять это самое важное, наиболее тесно связанное с мистической сущностью государства назначение, власть начинает колебаться и затем падает»⁴. Поскольку государственное могущество, произрастая изнутри, с неизбежностью проявляет себя вовне, постольку «всякое живое государство всегда было и будет проникнуто империализмом»⁵. Поэтому идея вечного мира представляется Струве утопичной (здесь он дискутирует с Кантом), а война — бесспорным обнаружением мистической природы государства. Великая нация, полагает Струве, не может не проводить агрессивную внешнюю политику (в т.ч. вести завоевательные войны). Вопросы «легитимности» в проведении внешней политики — это «мелочь», перед которой государство не может останавливаться в борьбе за своё могущество. Так, Струве считал необходимым удерживать Царство Польское и Финляндию в составе Российской империи, поскольку потеря этой территории, с его точки зрения, вела к ослаблению имперской мощи. Индивидуализм и эгоизм отдельного человека, антропоморфно воплощаясь в свойствах государства, раскрываются в его способности «с радостью и даже с восторгом» приносить себя в жертву этому государству, поскольку последнее есть мистическое продолжение индивида: погибая за государство, личность гибнет за себя.

Струве указывает на тесную связь, существующую между государством, нацией и национальной культурой. Как он полагает, нация и национальность являются первичным органическим началом, своеобразной природной стихией, корнями уходящей в глубинную мистику социального бытия. Нация как стихия мягка, податлива и аморфна, однако именно здесь, на этом уровне, концентрируется потенциальная

³ Там же. С. 51.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Там же. С. 66.

энергия, которая затем может взорваться мощью великой культуры и государственности. Национальный дух находит своё объективное воплощение в культуре, имеющей, по Струве, универсальный, всесторонний характер и как бы формально закрепляющий уровень самосознания (в первую очередь в форме правосознания) народа. Культура, таким образом, есть непосредственная среда, где формируется волевое и сознательное начало нации — государство. Богатство, глубина и самобытность культуры определяет силовые возможности государства, его способность подчинять себе другие нации и государства. В этом плане борьбу между нациями и государствами Струве рассматривает как борьбу культур: побеждает та культура, в которой уровень правосознания, степень дисциплины и порядка оказываются выше. Таким образом, государство, по Струве, является квинтэссенцией культуры.

Среди представителей русской философии естественного права позиция Струве по проблемам войны и мира, международных отношений и внешней политики империалистических государств — наиболее открытая, во многих отношениях крайняя (он не срывал, что является «русским империалистом»), в чём-то циничная и потому нередко вызвавшая возражения. Так, в 1917 г. на страницах журнала «Русская мысль» (редактировался Струве) разгорелась полемика между Струве и Е.Н. Трубецким. Дискуссия, во многом характерная и показательная, была многоплановой, участницы её не вполне слышали и понимали друг друга. В основе данной полемики лежало не существование позиции Струве, а её форма, слишком откровенная и циничная. Струве сказал то, с чем по существу были согласны многие русские либералы, но обоснование этой сути (великодержавие России и её право на завоевательную войну) требовало, по их мнению, более тонкой и развернутой аргументации. Е.Н. Трубецкой, в частности, упрекал Струве в том, что тот отрицал применимость категорического императива к условиям войны и предложил вместо кантианской формулы идею «патриотического национального эроса» (об этом шла речь выше). Сам Трубецкой предложил рассматривать антиномию индивидуальной и национальной (государственной) морали в свете церкви Христовой, в рамках которой данная антиномия снимается, поскольку благодать Божия, с точки зрения автора, задаёт один и тот же императив поведения отдельного лица

и государства в целом. Таким образом, делает вывод Трубецкой, деятельность христиански ориентированного государства (в т.ч. во внешней политике), в конечном счёте, не должна нарушать религиозно понятый категорический императив. Понятно, что аргументы Трубецкого не имеют видимых преимуществ перед позицией Струве.

Отличаются противоречивостью взгляды Трубецкого на проблему национализма и завоевательных войн. Через всё творчество Трубецкого красной нитью проходит мысль о том, что все народы едины, представляют собой «один духовный Иерусалим», являются ветвями одного дерева, корень которого — Иисус Христос. Народные герои (Ахилл, Илья Муромец, Зигфрид) — это варианты общечеловеческих типов, имеющих всеобщее значение. Национализм противоречит объединительной идее христианства, отрицает всеединство человечества, ведёт к «братоубийственному раздору народов». Яркий пример тому — Германия, национализм которой взрастил милитаризм и развязал войну. Критикует Трубецкой и современное ему империалистическое государство, которое, как он полагает, ввергнув народы в войну (имеется в виду Первая мировая война) и принеся им неисчислимые страдания, обнажило ложь великодержавия, национализма и милитаризма⁶.

Вместе с тем Трубецкой, подобно Струве, полагает, что в международных отношениях господствует «закон кровавой борьбы за существование, который царствует в низшей природе. Перед каждым народом ежеминутно становится альтернатива — поедать других или самому быть съеденным»⁷. Поэтому он оправдывает военное усиление России, ведение ею активной внешней политики. Развивая идеи Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьёва об исключительной исторической роли России, Трубецкой усматривает роль Российской империи в том, чтобы освободить малые народы Европы (болгар, сербов, греков) от порабощения империалистическими державами и тем самым начать совершать дело святой Софии — объединять народы во Христе. Россия осуществит свою религиозно-историческую миссию при условии решения национального вопроса у себя в стране (в частности, при-

⁶ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 397–398.

⁷ Там же. С.404.

знав независимость Польши). В этом случае Россия вправе завоевать Константинополь (там находятся важнейшие православные святыни) и стать центром православного мира⁸. Очевидно, Трубецкой развивает ту же имперскую идеологию, что и Струве, но на несколько иной философской основе. Соответственно завоевательная война в его понимании — важное средство проведения внешней политики государства и отстаивания его интересов (религиозных, национальных, территориальных, экономических).

«Во время войны, — отмечает Трубецкой, — все живут с удвоенной силой — и личности, и общественные группы, и целые народы. Вопрос «быть или не быть?» ставится необычайно остро перед всеми; и жизнь повышается именно потому, что она вынуждена отстаивать себя, утверждать себя в борьбе с надвигающимися отовсюду силами смерти»⁹. Война, по Трубецкому, формирует национальное самосознание и правосознание, соединяет людей в единое историческое целое — нацию. Война способствует взаимопроникновению нации, отдельной личности и государства, обостряет чувство духовного родства между гражданами страны, заставляет их почувствовать связь с прошлыми и грядущими поколениями. Поднимая мощную волну патриотизма, война, в конечном счёте, оздоравливает и усиливает государственную власть. Трубецкой призывает бороться с классовой рознью, т. е. последняя, основывающаяся, с его точки зрения, не на любви к родине, а на классовой материальной выгоде, разъедает патриотизм и ведёт к предательству национальных интересов¹⁰.

Трубецкой также обращает внимание, что развитие в России демократических начал (прежде всего парламентаризма в лице Думы) привело в значительной степени к просвещению масс, повышению их доверия к власти и, в конечном счёте, к «созданию атмосферы гражданственности и патриотизма».

Если Трубецкой лишь затрагивает тему соотношения демократии и войны, то С.А. Котляревский детально её исследует (он опубликовал в 1909 г. фундаментальный труд «Правовое государство и внешняя политика»). Котляревский — сторонник правового государства, но в отличие, на-

⁸ Там же. С. 365, 377.

⁹ Там же. С. 387.

¹⁰ Там же. С. 399, 401.

пример, от Новгородцева или Кистяковского, которые субстанциальной основой правового государства считали право, он полагал, что право и сила равнозначны в деле организации правового государства. Право и сила, с точки зрения Котляревского, внося антиномизм в жизнь правового государства, делают демократию неустойчивой системой институтов. В этом смысле правовое государство — это только тенденция, которая в большей или меньшей степени может воплощаться в политико-юридическом механизме. В качестве системы неустойчивого равновесия правовое государство крайне чутко реагирует на изменение условий в международных отношениях и тем более на войну. Согласно логике Котляревского, право как совокупность идеальных ценностей подчиняет своему влиянию сначала отдельные национальные государства и лишь во вторую очередь международные отношения в целом. Поскольку в межгосударственных отношениях господствует не столько право, сколько сила, постольку правовое государство постоянно находится под прессингом силы. Практически это означает, что правовое государство балансирует в своей внутренней политике от права к силе и наоборот, в зависимости от складывающейся международной обстановки. Котляревский подчёркивает, что национальные интересы государства (например, его территориальная целостность) стоят в другом логическом ряду, нежели правовые ценности. Внешнеполитические функции могут иметь различные юридические механизмы, но по содержанию они никогда не могут идти вразрез с национальными интересами. Национальные интересы, делает вывод Котляревский, стоят выше права и различных юридических механизмов¹¹. Во время войны правовая государственная власть способна перерасти в деспотическую, если этого требует защита национальных интересов. Инстинкт самосохранения нации и её воля к победе становятся на время войны основой государственной жизни, поле права резко сужается, права человека могут быть существенно ограничены¹².

Однако, несмотря на довольно значительный скептицизм Котляревского относительно возможностей правового госу-

¹¹ Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. М., 1909. С. 36–37, 39, 284.

¹² Там же. С. 40.

дарства в деле борьбы за право в международных отношениях, именно с развитием демократии он связывает их стабилизацию и управляемость. Здесь Котляревский выступает как типичный представитель естественно-правовой философии. Он полагает, что межгосударственные отношения, характер войны претерпели существенные изменения со времени падения абсолютистских режимов в Европе благодаря индивидуализации человеческой личности. Индивидуализм (ядро либерализма), развивая в человеке самосознание, чувство собственного достоинства и самоуважения, требует относиться к личности как к одной из высших ценностей. Это означает, что важнейшим императивом правосознания западных обществ является требование защиты человека и его прав при любых обстоятельствах, в т.ч. в условиях войны. Индивидуализация и основанная на ней демократизация общественной жизни неизменно (хотя, возможно, и недостаточно быстро) ведут к борьбе за мир, гуманизации средств и способов ведения войны и международных отношений в целом. Выборная власть вынуждена учитывать сложившиеся стереотипы общественного правосознания и в известной мере подчинять им свою политику¹³.

С религиозно-персоналистических позиций рассматривает проблему соотношения государства и войны Н.А. Бердяев. В представлении Бердяева война есть проявление разрыва связи Бога и человека, «безбожной автономии самоутверждающихся мировых и человеческих сил». Бердяев подчеркивает, что война имеет метафизические, духовные основы. Поскольку греховный мир представляет собой борьбу Бога и дьявола, постольку в известном смысле мир всегда находится в состоянии войны. Материализованное, внешнее проявление войны — это лишь логический результат войны в области духа. Человек как греховное существо находится во власти воинственных инстинктов. Война опасна тем, что кровь всегда порождает кровь, непрекращающееся насилие, ведущее к перерождению людей. Война есть зло прежде всего потому, что она является крайней формой господства общества, государства и нации над личностью. Люди могут воевать лишь при ослаблении личного сознания и усилении сознания группового. Вместе с тем, Бердяев отмечает, что в падшем

¹³ Там же. С. 289, 310–311.

мире война может быть средством противостояния злу (например, освободительная или оборонительная война). Кроме того, позитивный смысл войны раскрывается в том, что она выводит народы из состояния мещанского застоя, заставляет их острее почувствовать трагизм жизни, что создает предпосылки для возвращения к Богу. Первая мировая война, по Бердяеву, как раз и стала тем «трагическим фактом» во всемирной истории, который перевел цивилизованные общества в новое качественное состояние, сформировал новые стереотипы человеческого поведения. Мир вступил в эпоху, когда борьба против войны становится великой этической и христианской задачей. Прекращение войн Бердяев связывает с религиозным преображением духа людей, созданием всемирной федерации народов, преодолением национализма и суверенитета государств¹⁴.

Подобно Струве, Бердяев усматривает непосредственную связь между нацией, государством и войной. Как уже отмечалось выше, если под народом Бердяев понимает некую природную совокупность людей, то нация представляет собой идеологизированное общество, стремящееся к этатизму и милитаризму. Нация глубже, чем народ, связана с государством. Нация постоянно воспроизводит национализм, являющийся формой идолопоклонства и рабства, порождённого экстернизацией и объективацией. Используя аппарат психоанализа, Бердяев правильно отмечает: «Когда самое дурное для человека переносится на коллективные реальности, признанные идеальными и сверхличными, то оно становится хорошим и даже превращается в долг. Эгоизм, корысть, самомнение, гордость, воля к могуществу, ненависть к другим, насилие — всё делается добродетелью, когда переносится с личности на национальное целое. Для нации всё позволено, во имя её можно совершать преступления... Мораль нации не хочет знать человечности»¹⁵.

Национализм, непосредственно формирующий агрессивную природу государства, толкает последнее к развязыванию войн. Государство, готовящееся к войне или ведущее войну, всегда выступает в качестве орудия национализма. В этом смысле война, считает Бердяев, есть фатум государства.

¹⁴ Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 307.

¹⁵ Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995. С. 99.

Государство готовит войну экономически, идеологически, психологически. Власть, исповедующая национализм, объявляет нацию и государство высшими ценностями, а человеку предлагается принести себя в жертву этим земным богам. Психологическая атмосфера, связанная с войной, являет собой актуализацию коллективного бессознательного. Государство, стремясь добиться волевой и организационной мобилизации масс, погружает их в национальные мифы, приводящие к парализации личной совести и индивидуального сознания. Используя идеологический аппарат, государство создаёт образ «врага» в лице других наций, в результате чего происходит обезличивающая и обезличивающая объективация¹⁶.

Несмотря на осуждающий пафос и национализма, и войны, Бердяев в известной мере оправдывает и то, и другое. Он считает необходимым вывести обсуждение проблемы захватнических войн за рамки морали и посмотреть на данный процесс с точки зрения объективных законов всемирной истории. Философ пишет: «Мировая борьба народов в истории определяется не моральными прерогативами. Это — борьба за достойное бытие и исторические задачи, за историческое творчество... Борьба народов нужна для высших целей мирового процесса»¹⁷. Бердяев оправдывает образование империй, поскольку они, с его точки зрения, ведут к объединению человечества, к универсализации жизни, в определённом смысле борются с национализмом. Так, Бердяев усматривал определённые позитивные возможности российской империи в случае, если она даст свободу Польше и освободится от агрессивного национализма. В целом следует отметить, что Бердяев в своих рассуждениях о прогрессивном характере войн (заставляют человечество двигаться вперёд) и великодержавных народах, создающих империи и определяющих судьбы мира на определённом отрезке истории, во многом следует за Гегелем.

¹⁶ Там же. С. 93–94, 96.

¹⁷ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 180–181.

СЫТИН А.Г.

Вопрос об истоках и основаниях наших побед
в общественной мысли России XIX–XX веков

Отечественная война 1812 года, победа в этой войне, в последующих за ней европейских походах русской армии, закончившихся вступлением русских войск в Париж в 1814 году — без сомнения, одно из важнейших событий отечественной истории, одна из крупнейших наших побед, оказавших влияние на ход не только российской, но и мировой истории. Эта победа, говоря словами В.В. Зеньковского, «дала огромный толчок развитию идейной и общественной жизни в России»¹, способствовала росту национального самосознания. Можно сказать также, что эта победа стала одной из важнейших опор нашего национального самосознания, представляя собой то, чем в истории, в делах наших предков безусловно можно гордиться. Она стала, говоря словами известного литературоведа и историка В.В. Кожина, «высочайшим выражением русского гения»².

Победа в войне 1812 года в огромной степени способствовала развитию в России общественной мысли, которая в конкретных политических условиях нередко выражалась в литературной и публицистической формах. По мысли писателя Валерия Ганичева, и в целом «великая (*русская* — А.С.) литература вышла из подвига 1812 года, она выросла из Победы под Бородино и Малоярославцем, из разгрома захватчиков на Березине, взятия Парижа...»³.

Необходимость дать отпор могущественному врагу, вторгшемуся на нашу землю, потребовала огромного напряжения сил и ярких патриотических чувств. Поэтому неудивитель-

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. С. 196.

² Кожин В.В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 334.

³ Ганичев В. Эхо 1812 года // Завтра. Июнь 2012. № 24.

но, что опыт этой войны нашел выражение прежде всего в литературе, а особенно в поэзии, в ярких эмоциональных формах. Характеризуя строй чувств того времени, А.С. Пушкин писал в повести «Метель»: «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество!* Как сладки были слезы свидания! С каким единомыслием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю!»⁴

Постепенно к эмоциональным впечатлениям от событий военного времени стало добавляться все более рациональное осмысление ее опыта и уроков. Осмысление опыта 1812 года — одна из «сквозных» тем русской мысли и русской литературы, которая, по существу, также является у нас формой общественной мысли, по крайней мере, в XIX веке. В опыте этой войны изучения заслуживает многое — например, военное искусство в наиболее успешных сражениях, опыт сбережения военной силы, опыт партизанских действий, создания отрядов самообороны, опыт организации полевой медицины, опыт «отрезания» армии противника от источников необходимых ресурсов, роль в войне «национальных» воинских частей — и многое другое. Однако в политико-философском масштабе, думается, одним из самых ключевых, а, может быть, и самым ключевым вопросом осмысления опыта этой войны является вопрос о том, *как стала возможна победа* над полководцем, которому много лет не было равных в Европе, и над армией, которую официально именовали «Великой». Вопрос этот оказывается представляющим отнюдь не только исторический интерес и для последующих времен, поскольку в истории нашей страны периоды побед и значительных достижений чередуются с периодами относительного застоя, явного регресса, кризисов и тяжелых испытаний. К осмыслению опыта победы в 1812 году добавляются осмысление победы над Смутой в 1612 году, в Великой Отечественной войне в 1945 году, крупных достижений послевоенного времени, и таким образом формируется в определенном смысле традиция осмысления побед и достижений нашей цивилизации в целом. Обобщению и анализу основных идей этой традиции, базирующейся изначально на опыте осмысления

⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Изд. 2-е. Т. 6. Художественная проза. М., 1957. С. 112.

побед 1812 года, и посвящена настоящая статья. Разумеется, автор не претендует на всеобъемлющий характер такого анализа, здесь будут намечены лишь некоторые из наиболее важных его направлений.

С позиций рационального анализа, победа России в войне 1812 года сколь очевидна (хотя сегодня и ее стараются поставить под сомнение — достаточно напомнить хотя бы передачу Алексея Пивоварова «Отечественная. Великая», прошедшую в эфире НТВ 7 сентября 2012 года, где был в качестве исходного поставлен вопрос: «Кто победил в этой войне?», и утверждение, что победила Россия, высмеивалось как наивное и устаревшее), столь же в ряде отношений и невероятна. Ведь в начале этой войны преимущество армии Наполеона выглядело подавляющим.

В самом деле, на стороне Наполеона было прежде всего значительное преимущество в военной силе — более 600 тысяч солдат против примерно 240 тысяч в русской армии. Огромно было и преимущество «Великой армии» в тяжелом вооружении. Одна Франция не смогла бы выставить такой армии, однако, после завоевания значительной части Европы, Наполеон смог воспользоваться военной силой этих стран — так, только поляков в составе «Великой армии» было не менее 100 тысяч; в целом же состав его армии российские авторы того времени характеризовали как «двунадцать языков», то есть в ней были представители не менее 20 народов, и не только мобилизованные, но и добровольцы из многих стран Европы. В определенном смысле можно сказать, что, во всяком случае, на первых ее этапах, для России эта была война едва ли не со всей Европой. Кроме того, на армию завоевателей работала и экономика завоеванных стран. В России жива была память суворовских побед, однако армия Наполеона имела более «свежий» опыт побед, в том числе и над российскими армиями (в 1805 году под Аустерлицем и в 1807 году под Фридрихсландом), и, несомненно, несла в себе «дух победителей». Наконец, «в арсенале» французов был полководческий гений Наполеона, который никто не ставил под сомнение. Победа при таком изначальном соотношении сил — явление в истории войн весьма редкое и тем более заслуживающее интереса.

Почему все-таки при таком балансе сил в итоге победила Россия? Вопрос этот в определенной степени остается дис-

куссионным и сегодня, хотя недостатка в выдвигаемых версиях нет. изучение этого вопроса привело к выделению ряда факторов такой победы, соотносительную значимость которых нам предстоит оценить.

Исторически первыми были выдвинуты на передний план факторы личностного порядка. Здесь необходимо также сказать о том, что первые работы по истории данной войны носили. Так сказать, официальный характер, не могли выйти в свет без августейшего их одобрения, что наложило некоторый отпечаток на их содержание, особенно на оценку действий в ходе войны царствующих особ. Такие обстоятельства в определенной мере повлияли, например, на достаточно в целом основательные труды Д. Бутурлина, М. Богдановича и Михайловского-Данилевского⁵. Скажем, в известном труде Д. Бутурлина наряду с весьма здравыми оценками важнейших факторов победы читаем: «В событиях 1812 года главной причиной была благородная и великодушная мысль императора Александра продолжать войну до последней крайности. Не позволив утратить себя неудачами, сколь бы велики оные ни были, или обольстить наивыгоднейшими предложениями со стороны неприятеля»⁶. В этой оценке звучит, как представляется, некая заданность. Несомненно, личности императоров и основных военачальников оказали достаточно заметное влияние на события 1812 года, и здравый смысл Александра I и его решимость не идти на невыгодные России условия мира с Наполеоном сыграли свою роль в исходе войны. Уместными и достаточно яркими были и обращения Александра к народу посредством рескриптов к своим подчиненным, например, его рескрипт к главнокомандующему в Петербурге фельдмаршалу графу Салтыкову от 13 июня (по старому стилю) 1812 года, где были, в частности, такие слова: «Оборона отечества, сохранение независимости и чести народной принудили Нас перепоясаться на брань. Я не

⁵ См: *Богданович М.* История отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 1–3. СПб., 1859; *Бутурлин Д.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. 1–2. СПб., 1837; *Михайловский-Данилевский.* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1–4. СПб., 1843.

⁶ *Бутурлин Д.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. М., 2011. С. 422.

положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем»⁷. Несомненно, решимость Александра продолжать борьбу сыграла в исходе войны положительную роль. Однако назвать ее главной причиной побед было бы, пожалуй, преувеличением. Во всяком случае, во французском командовании были, в общем и целом, не менее яркие личности.

Трудно всерьез анализировать чисто теологические интерпретации русской победы. Так, например, историк и публицист XIX века Надлер писал, что помощь Всевышнего спасла русского царя и народ вопреки громадному преимуществу противника, вопреки их собственной розни, их временному ослеплению и малодушию⁸. При таком подходе правильные или неправильные действия исторических действующих сил можно бы и вообще не рассматривать, поскольку исход событий-де целиком определяется высшими силами.

Другая группа факторов, которую отмечали писавшие об этой войне, — в основном объективного и естественного свойства. Так, например, известный историк начала XX века М.Н. Покровский писал, что «на помощь русской армии пришли время, пространство и климат»⁹. Конечно, природные и естественные факторы сыграли в этой войне свою роль. Однако обе армии находились в ней, вообще говоря, в одинаковых природных условиях, хотя для русской армии они и были более привычными. В первоначальной французской и европейской историографии немало говорилось о том, что наибольший и непоправимый вред нанесли наполеоновской армии не армия противника, а нестерпимые для нее холода. Однако сегодня и французские историки признают, что этот фактор отнюдь нельзя считать решающим. Осень 1812 года была в России относительно теплой, минусовые температуры начались лишь в конце октября, и все основные сражения произошли при вполне «терпимой» для французских войск погоде. Именно при вполне привычной для французов погоде была, например, повержена армия Наполеона под Ма-

⁷ Цит. по: Бутурлин Д. Цит. соч. С. 79.

⁸ См.: Алексеев В.П. Отечественная война в русской исторической литературе // Отечественная война и русское общество. Т. 7. М., 1911. С. 398.

⁹ Цит. по: Алексеев В.П. Цит. соч. С. 315.

лоярославцем¹⁰ Трагедия французов при Березине, когда многие погибли или получили смертельные обморожения в воде, оказалось связана не с морозом, а как раз с оттепелью, приведшей к тому, что через реку невозможно было переправиться без наведения мостов. А пострадали от холодов остатки французской армии лишь тогда, когда в военном отношении уже все было решено. Кроме того, тот факт, что зимой в России бывают холода, безусловно, был Наполеону известен, и то, что французская армия оказалась к ним не подготовлена, говорит скорее всего о просчетах командования и прежде всего о том из них, что боевые действия в России будут успешно для французов закончены до наступления зимы.

Российские пространства, несомненно, явились для наполеоновской армии проблемой, и, если учитывать качество дорог, способствовали затяжке времени ее продвижения. Однако, как и в случае климата, Наполеон, конечно же, знал об этих пространствах, и скорее здесь можно говорить о его стратегических ошибках. В этом смысле, думается, прав уже упоминавшийся нами Д. Бутурлин, полагающий, что Наполеон «упустил или пренебрег важное правило», состоящее в том, чтобы не слишком отдаляться от *опоры* своих действий — источников пополнения и снабжения армии всем необходимым¹¹. «Единая ошибка сия, — пишет Бутурлин, — ниспровергает предприятие, соображенное одним из величайших военных гениев, когда-либо существовавших, и поддерживаемое исполтинскими средствами, доставленными ему содействием большей части Европы»¹². Очевидно, что Наполеон не предполагал в России столь длительных боевых действий. Нужно при этом заметить, что трудные переходы французских войск обуславливались и иными, кроме собственно расстояний, причинами, и прежде всего умелой тактикой российской армии, вынудившей их именно к таким переходам. Кроме того, пространство как средство ослабления армии противника нужно было еще суметь использовать, и Барклай де Толли, а затем и Кутузов продемонстрировали высокое искусство «воевать пространством».

¹⁰ См. об этом, например: *Кожин В.В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра.* М., 1997. С. 337.

¹¹ *Бутурлин Д.* Цит. соч. С. 422.

¹² Там же.

Одним из фундаментальных фактов войны 1812 года, без сомнения, является тот, что наполеоновская армия слабела не только в сражениях, но и в переходах, и даже в стоянии на месте, как, например, во время ее пребывания в Москве, как будто бы сам воздух России участвовал в изгнании и истреблении ее завоевателей. Интересные соображения о причинах этого содержатся в работах уже упоминавшегося нами М. Богдановича и одного из самых основательных исследователей этой войны А.Н. Попова. Богданович пишет, например, о том, что Наполеон привел в Россию разноплеменную армию, которая могла одерживать победы под началом самого Наполеона, но не была в состоянии переносить труды и невзгоды тяжелого похода¹³. Действительно, это была уже не та армия, которая одерживала грандиозные наполеоновские победы, — она была в бою достаточно храброй, но уже не такой единой и сплоченной, а во время пребывания в Москве — склонной к пьянству и мародерству.

А.Н. Попов пишет о существенных стратегических и тактических просчетах Наполеона. Так, большим преимуществом его тактики ранее были стремительные и неожиданные маневры войсковых частей. Однако при действовании огромными массами войск, как это было в русской кампании, такая тактика становится невозможной¹⁴.

Здесь выступает и другой очень важный фактор: в российском походе наполеоновской армии постепенно стало просто нечего есть. Голод и сегодня рассматривают как одну из важных причин ее очень большого ослабления. У этой проблемы есть несколько аспектов. Прежде всего она связана с самой численностью наполеоновской армии. Все предыдущие победы Наполеона были одержаны меньшими по численности, но более мобильными армиями. О наполеоновской же армии в том виде, в каком она перешла через Неман и вторглась в Россию, А.Н. Попов, думается, вполне обоснованно писал, что «таких огромных масс не в состоянии продовольствовать никакая, хотя бы и богатая, страна своими местными средствами»¹⁵. Это вызвало необходимость для наполеоновской армии тащить за собой весьма крупные обо-

¹³ Богданович М. Цит. соч. Т. 3. С. 393–394.

¹⁴ См.: Алексеев В.П. Цит. соч. С. 310.

¹⁵ Цит. по: Алексеев В.П. Цит. соч. С. 310.

зы, которые, несомненно, снижали мобильность этой армии и в любых столкновениях могли стать добычей противоборствующей стороны. Однако и запасов, содержащихся в этих обозах, никак не могло хватить для пропитания этой армии в условиях достаточно длительной войны. Наполеон, без сомнения, во-первых, полагал, что война не будет особенно длительной, а, во-вторых, полагался на то, что его армия сможет найти себе пропитание уже в России. Однако эти расчеты не оправдались по причинам, о которых мы скажем ниже.

Еще одним важнейшим фактором, обусловившим победу России, стали, без сомнения, действия российских войск. Односторонним и примитивным представляется взгляд, согласно которому «Великую армию» победили не российские войска, а российские природные условия. Об относительном характере воздействия природных условий мы уже говорили выше. Что же касается роли российской армии, то ее действия, без сомнения, нанесли наполеоновским войскам весьма серьезный ущерб. Во-первых, это были весьма умелые действия российского командования. Несмотря на известные разногласия в штабе, основные решения российского военного руководства были хорошо продуманными, а порой и высокоталантливыми. Так, безусловно верным было решение уходить от генерального сражения, пока наполеоновская армия была в полной силе, хотя оно и вызвало достаточно широкое недовольство в армии, желавшей сражаться. Блестящим был маневр российских войск после оставления Москвы, заставивший Наполеона впоследствии отступать по уже знакомой ему Смоленской дороге, где его армия уже фактически не могла найти себе достаточного пропитания. Разумной была и тактика параллельного преследования отступающей наполеоновской армии с быстрыми частичными атаками по ее краям, вконец истощившая силы «Великой армии» и позволившая избежать новых значительных потерь в российской армии, потерь, которые уже не были безусловно необходимы. (Для сравнения можно отметить, что тактика сбережения солдатских жизней была чужда Наполеону, который руководствовался ясно сформулированным им принципом, что «слава и честь оружия — вот первейший долг, направляющий полководца во время боя; благо и сохранение жизни людей —

дело второстепенное»¹⁶. Стараться сберечь остатки армии он стал уже лишь во время безнадежного отступления, когда военные успехи в России стали для него уже явно невозможными. Отношение его к своим солдатам, безусловно, проявилось и в том, что он оставил свою отступающую армию, находившуюся уже в плачевном состоянии, и уехал в Париж). Способными увлекать за собой в сражение личным примером и показывать высокие образцы мужества показали себя русские военачальники на Бородинском поле.

Во-вторых, настоящую храбрость и мужество проявляли российские офицеры и солдаты, о чем писали впоследствии в своих воспоминаниях даже и французы. Нужно заметить, что расхожее выражение, будто с Наполеоном сражалась-де «армия рабов», неверно уже хотя бы потому, что рекрутская служба строилась таким образом, что, взятый в армию, крепостной крестьянин, если оставался жив в боях, служил в ней 25 лет и затем возвращался уже свободным. Разумеется, бойцы далеко не любой армии могли удостоиться знаменитой оценки Наполеона, высказанной после Бородинского сражения, что в нем французская армия заслужила победу, но русская армия заслужила быть непобедимой. При этом в наиболее тяжелых сражениях мужество российских войск проявлялось в особенно высокой степени. Например, о Бородинском сражении сохранились свидетельства генерала Ермолова о том, что в нем каждый горел усердием, каждый превосходил себя, и фельдмаршала Кутузова, что желание каждого было умереть на месте и не уступить неприятелю.

Немалую роль сыграло, конечно, и партизанское движение, истребившее, по имеющимся оценкам, не менее 30 тысяч французских солдат. Нужно сказать, что применительно к войне 1812 года партизанским движением принято называть два различных явления. Одно из них — это «летучие» отряды регулярной армии, в которых так прославился, например, Денис Давыдов. Это, разумеется, была просто соответствующая обстоятельствам (и весьма успешная) тактика регулярных российских войск. Но было и действительно самостоятельное, «идущее снизу» партизанское движение, отряды которого состояли главным образом из крестьян.

¹⁶ *Бонапарт Н.* Императорские максимы. М., 2003. С. 27.

Здесь нужно заметить следующее. Выше мы говорили о проблеме голода в наполеоновской армии, так сильно ее ослабившей. Но ведь эта проблема тесно связана и с действиями российских крестьян. Известно выражение Наполеона, что тот народ, который не хочет кормить свою армию, будет вынужден кормить чужую. Однако до похода в Россию ему, по-видимому, было незнакомо такое явление, что даже в условиях оккупации чужую армию могут и не кормить. Фундаментальное значение для исхода войны, думается, имел тот факт, что народ России. Взятый в целом, вовсе не собирался кормить чужую армию. По свидетельствам современников, в ожидании прихода оккупационных войск большинство жителей российских городов и особенно деревень не оставались в своих жилищах, а, прихватив все, что можно было с собой взять, уезжали в другие места, уходили в леса — или, если уехать не было возможности, создавали отряды самообороны. Именно невозможность добыть пропитания в российских деревнях и стала неодолимой проблемой для «Великой армии». Таким образом, фактором огромного значения стало решительное нежелание огромного большинства российских крестьян сотрудничать с оккупантами. Партизанское же движение крестьян стало одним из выражений этого фундаментального фактора. Примечательно, что в это время в России существовала особая награда — медаль «За любовь к Отечеству», которой награждали наиболее отличившихся партизан.

Как отмечает исследователь начала XX века В.П. Алексеев, фактически «весь народ в своем целом принял довольно широкое участие в войне 1812 года. Наибольшее участие в войне приняли низшие классы, и особенно крестьянство... Некоторые местности были обязаны своею целостью исключительно крестьянам»¹⁷.

Посильную помощь армии оказывало в это время далеко не только крестьянство. Исследователи отмечают, что во время войны очень широкое распространение получило явление добровольчества¹⁸. Помимо создания партизанских отрядов,

¹⁷ Алексеев В.П. Народная война // Отечественная война и русское общество. Т. 4. М., 1911.

¹⁸ См. об этом, например, в книге: Тончу Е. Истоки и традиции московского добровольчества. М., 2010.

оно выразилось, например, в формировании ополчения. Известны случаи, когда в ополчение просились целые группы населения, например, московские ямщики, студенты московского университета, другие представители учащейся молодежи. Массовый характер приняли пожертвования деньгами и вещами. Всего на содержание ополчения была собрана огромная по тем временам сумма в 40 миллионов рублей¹⁹.

Несомненно, что эта война стала поистине отечественной. Как писал Александр I, вспоминая о своем приезде в Москву в дни войны, «нельзя не быть тронутым до слез, видя дух, оживлявший всех, и усердие, и готовность каждого содействовать общей пользе»²⁰. Поразительным было в это время и единство общества. Помимо уже упоминавшихся категорий населения, в создании и деятельности партизанских отрядов, например, принимали участие и некоторые священнослужители, а некоторые из богатых людей не только создавали на свои средства отряды ополчения, но и лично вели их в бой. Мужество и готовность сражаться с врагом проявляли в эти дни и женщины — достаточно назвать хотя бы знаменитую «кавалерист-девицу» Наталью Дурову или создательницу и командира партизанского отряда крестьянку Василису Кожину.

Важно понять, почему в эти дни возник такой патриотический подъем и такое единство общества, столь увеличившие общую силу страны. Думается, очень важно, что стране в это время грозила действительно серьезная опасность, и люди ощущали необходимость, не жалея себя, защищать все, что было им дорого, — своих близких, свои очаги, свою веру, самую возможность жить в соответствии со своими представлениями о добре и зле. Как писал, например, участник этой войны, офицер и писатель Федор Глинка об этой ситуации крайней опасности: «О, как душа заговорила! / Народность наша поднялась: / И страшная России сила / Проснулась, взвихрилась, взвилась»²¹. В условиях такой безусловной и общей готовности сражаться за то, что люди считали действительно своим, жизненно важным, силы их увеличивались многократно.

¹⁹ Там же. С. 21.

²⁰ Цит. по: Жаринов Д.А. Первые впечатления войны. Манифесты // Отечественная война и русское общество. Т. 3. М., 1911.

²¹ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 2009. С. 116.

Интересно написанное уже ряд лет спустя размышление того же Федора Глинки о том, за что, по его мнению, сражались в этой войне русские люди: «Русский ополчался за снега свои — под ними почивают прахи отцов его. Он защищал свои леса — он привык считать их своею колыбелью, украшением своей родины; под мрачную тению сих лесов покойно и весело прожили предки его. Русский с восхищением дышал студеным воздухом зимы и с веселым сердцем встречал лютейшие морозы, ибо морозы сии, ополчаясь вместе с ним за землю его, познобили врагов ее. Русский сражался и умирал у преддверия древних храмов, он не выдал на поругание святыни, которую почитает и хранит более самой жизни. Иноземцы с униженною покорностию отпирали богатые замки и приветствовали в роскошных палатах вооруженных грабителей Европы; русский бился до смерти на пороге дымной хижины своей. Вот чего не предчувствовали иноземцы, чего не ожидали враги наши!»²². Думается, здесь необходимо еще иметь в виду, что в русской культуре особую ценность имеет не то, что может приносить наибольшую выгоду, а то, что воспринимается как нечто безусловно праведное, высокое, священное (что выразилось во множестве источников от «Русской правды» до, например, лозунга евразийцев: «не правовое государство, в государство правды»). И задача отразить нападение вторгшегося на русскую землю иноверного врага, безусловно, воспринималась в 1812 году нашими соотечественниками как задача священная, что в огромной степени придавало им сил.

Таким образом, победа, одержанная Россией в 1812 году, была не только победой армии, но, по существу, победой всей нашей цивилизации, оказавшейся способной, защищая свои основы перед лицом действительно смертельной опасности, на исключительную степень мобилизации ресурсов, что и сделало возможным невероятную, казалось, победу над превосходящим по силам врагом. В этом и состоит, думается, важнейший урок этой победы: в России возможно огромное увеличение совокупной силы и дееспособности общества, когда оно вдохновляется целью, которую воспринимает как действительно праведное и жизненно необходимое общее дело.

²² Глинка Ф.Н. О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.museum.ru/1812/library/Glinka3/index.html>

Раздел II.
ГОСУДАРСТВО И ОТЕЧЕСТВО: ПОЛИТИКО-
ФИЛОСОФСКИЕ РАКУРСЫ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

ШАМШУРИН В.И.

Патриотизм и патристика (об историософии
и политике в событиях 1812 года)

Если говорить об историософии как о философии, рассматривающей конечную суть истории во всём, что касается природы, человека и Бога, то историософия России, явленная, прежде всего, в Лаврентьевской летописи, т. е. «Повести Временных Лет», ставит свои главные задачи уже в самом названии этого ключевого древнего памятника русской письменности и культуры. «Временные», т. е. преходящие лета, перед которыми — Вечность. В греческой философии, как известно, эти времена называются «хронос» и «кайрос». Соответственно, Россия начинается, как некий проект, с Крещения, т. е. идентичность, тождество носит метафизический, или, если угодно, культуроцентрический характер. А не биоцентрический, оргиазмический, связанный с рождением героя и его подвигами, как это чаще бывает в истории (Латин, Эней, Персей, Моисей, Ромул, Беовульф и т.д.). История России начинается с социально-сакрального действия, т. е. Крещения, которое, к тому же принимается народом добровольно: «людье с радостью идяху»¹. И с его отражения — фиксации (как диахронического в названии улицы — «Крещатик» в Киеве; так и синхронического в самой «Повести»).

В письменной культуре, как традиции самоосознания истоков самотождества-идентичности, ранние источники — всегда предварения. Если угодно, предвидения или стратегическое планирование определённых упований на пути Спасения. Описываемые испытания, как «Божье попустительство» — не кара, а вразумление, научение, испытание и воспитание твёрдости намерений, исправление, привитие дерзновений и решимости, утверждение твёрдости характера. И, прежде всего, — лечение, исцеление. Это также касается

¹ Повесть Временных Лет. 3-е изд. СПб., 2007. С. 53.

нашествия иноземцев. Какие — то страны воспитываются до-вольством и покоем. Россия — военными испытаниями. По Нестору, человеку трудно, вообще вряд ли возможно, судить о глубинах Божественного замысла и предопределений. Одно может быть ясно: внешняя история — всегда проекция, точнее, самопроекция внутреннего состояния того или иного народа. И таково исправление с «безграничной любовью», — считал Нестор. «Да никто не дерзнёт сказать, что ненавидимы мы Богом! Да не будет! Ибо кого так любит Бог, как нас возлюбил? Кого так почтил он, как нас прославил и превознёс? Никого! Потому ведь и сильнее разгневался на нас, что больше всех почтены были и более всех совершили грехи. Ибо больше всех просвещены были, зная волю Владычную, и, презрев её, как подобает, больше других наказаны. Вот и я, грешный, много и часто Бога гневлю и часто согрешаю во все дни»².

Стремление к рассмотрению истории России чрез призму теории «последних времён» и преддверия «Последнего Времени, или Исхода» — исконная, повторяю, тема русской культуры. Особо ярко она прозвучала в 1812 году, в который раз чётко подтвердив мысль о том, что Православие — основа жизни России и в истории преходящей, и в истории вечной.

По Л.А.Тихомирову, реформа Петра I и после него — это попытка завоевания России европейской культурой, как, именно, «замена»-«вытеснение», а не «взаимодействие-дополнение» и «сосуществование». Нашествие Наполеона — лишь последняя проверка успеха этого предприятия и штрих в доказательстве этой версии, как именно успешной. Иначе нашествие просто необъяснимо. В самом деле — что было надо Европе «двунадесяти языков» в России, кроме закреп-

² Там же. С. 233. Здесь особенно показательна позиция Восточнохристианской Святоотеческой Патристики. Вот, обращённые к Богу, слова Петра Дамаскина: «Без Тебя я не произошёл бы из небытия и не могу ни жить, ни спастись. Что Ты хочешь, то и твори с созданием Твоим! Но верую, что, будучи благ, Ты устроишь и мне благое, хотя я и не познаю, что это полезное, но я и недостойн знать, и не прошу научиться, чтобы получить покойствие, может быть, это мне бесполезно. Не смею просить и облегчения какой-либо брани, хотя я и немощен, и во всём отягощён, но не знаю, что мне полезно. Ты ведаешь всё и — как ведаешь — сотвори: только бы мне не погрешить, что бы ни случилось; но хочу или не хочу, спаси меня!» (Пётр Дамаскин. Творения. М., 2009, С. 186).

ления и окончательного установления духовной экспансии военно-политическими средствами (опасности чего прекрасно понимал Александр Невский) в противном случае просто не ясно. Ведь о нефти и газе тогда ещё не знали. Да и не было в них нужды. Сейчас эту традицию культурного экспансионизма, который вообще отрицает право России на культуру, продолжают последователи Наполеона — представители «ценностной политологии» — и не только во Франции. Они говорят — у России нет культурных ценностей, а есть биоресурсы и углеводороды. Это отсталая, второсортная страна. Поэтому она — энергетический агрессор, диктующий Западу свою волю... Всё было бы так, если бы сами оппоненты России не имели к этим ресурсам никакого интереса и не пользовались ими. Другими словами — были бы «ангельского чина». Пока же потребление традиционных энергоресурсов только возрастает. И если не на получение альтернативных источников энергии, то на производство аппаратуры, по производству этих альтернативных источников энергии... Получается плохо скрытое недоброжелательство-зависть вперемешку с гностическим лицемерием. А в основе всего этого — мечты о желательных захватах-конфискациях.

Прекрасно об эсхатологии русской историософии, как единстве прошлого и будущего в настоящем, т. е. в «нас» и в нашем «стоянии» на определенных культурных позициях, в нашем культурном угле зрения, как вечном, сказал А.С. Пушкин: «Два чувства дивно близки нам, / В них обретает сердце пищу: / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам. / На них основано от века, / По воле Бога самого, / Самостоянье человека, / Залог величия его»³.

Вторжение «двунадесяти языков» следует рассматривать именно как следствие. О причинах — экономических, политических, особенно военных, особенно дипломатических, т. е. внешних, сказано и говорится до сих пор очень много. Об историософских, метафизических, культуртрегерских, цивилизационных — гораздо меньше и, в основном, художественно-поэтическими средствами. Но даже А.И. Герцен, совершенно в либерально-демократическом стиле, и прежде, и теперь говорящем о России неприязненно и с позиций «стороннего наблюдателя» в сослагательном наклонении

³ Пушкин А.С. Соч. в 3-х тт. Т. 1. М., 1985. С. 496.

«эта страна», «этот народ», даже он полностью метафизичен и историософичен, «традиционен», давая оценку событиям 1812 г.: «Народ этот убеждён, что у себя дома он непобедим; эта мысль лежит в глубине сознания каждого крестьянина, это — его политическая религия. Когда он увидел иностранца на своей земле в качестве неприятеля (*курсив мой — В.Ш.*), он бросил плуг и схватился за ружьё. Умирая на поле битвы за «белого царя», пресвятую богородицу, — он умирал на самом деле за неприкосновенность русской территории»⁴.

Для А.С. Пушкина лукавый космополитизм-беспочвенничество не приемлем в словесности даже стилистически. Для него «Москва», «Россия», «Бородино» — явно не «травматические», как принято сейчас говорить о патриотизме и религии в либерально-постмодернистской среде, термины. Они сладостны Пушкину, он с ними в единстве: «Москва... Как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много в нём отозвалось! / ... Напрасно ждал Наполеон / Последним счастьем упоённый, / Москвы коленапреклонённой / С ключами старого Кремля: / Нет, не пошла Москва моя / К нему с повинной головою. / Не праздник, не приемный дар, / Она готовила пожар / Нетерпеливому герою / Отселе, в думу погружён. / Глядел на грозный пламень он»⁵.

Пушкин именно историософичен: «Гроза двенадцатого года / Настала — кто тут нам помог? / Остервенение народа, / Барклай, зима иль русский бог? / Но бог помог — стал ропот ниже / И скоро силою вещей / Мы очутились в Париже, / А русский царь — главой царей»⁶.

О теории и практике «борьбы противоположностей» как сути западной культуры, которая не терпела раньше и не терпит теперь рядом с собой ничего самобытного и непохожего как равного следует говорить особо. Однако и раньше, и теперь периодически возникает требование: «Россия, мир, будьте, как мы, или не будьте». В соответствии с этой речевой всякое иное, другое — опасно и подлежит уничтожению. Противоположностям — можно только бороться. Эта манихейская, монтанистская, идущая от Августина и Тертуллиана

⁴ Цит. по: Михайлов О.Н. «Недаром помнит вся Россия...» // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 3–4.

⁵ Пушкин А.С. Соч. в 3-х тт. Т. 2. С. 307.

⁶ Там же. С. 349.

на, традиция в западном христианстве до сих пор неизменна. Особенно монтанизм Тертуллиана, в котором уже есть предварение-деление людей на «высших» и «низших» («духовных» и «душевных») и умаление роли Церкви в спасении. На Востоке — противоположности не исключают, а «симфонически» взаимодополняют друг друга. И это, конечно, для Запада, то «безумие и соблазн», которые надо уничтожить.

Об этом, как известно, у первых славянофилов, особенно у А.С. Хомякова⁷, особенно у И.В. Киреевского — очень

⁷ А.С. Хомяков спрашивает, почему о России на Западе пишут с такой злобой и ложью, на чём они основаны, чем мы её заслужили? И сейчас эти вопросы так же актуальны, как и во времена Алексея Степановича, т. к. с тех времён мало что изменилось. И продолжает, — всегда о нас один отзыв — насмешка и ругательство; всегда к нам одно чувство — смешение страха с презрением. Не того бы желал человек от человека. Согласимся с Хомяковым, объяснить эти враждебные чувства в западных народах, которые развили у себя столько семян добра и продвинули так далеко человечество по путям разумного просвещения — трудно. Тем более, что Европа не раз показывала сочувствие даже с племенами самыми дикими. Странно, что Россия, полагает А.С. Хомяков (и с большой долей юмора при этом!), одна имеет как будто бы привилегию пробуждать худшие чувства европейского сердца. Кажется, считает Алексей Степанович, у нас и кровь индоевропейская, как и у наших соседей, и кожа индоевропейская (а кожа, как известно, дело великой важности, совершенно изменяющее все нравственные отношения людей друг с другом, — иронизирует он), и язык индоевропейский, да ещё какой! Самый чистейший и чуть-чуть не индийский; а всё-таки мы своим соседям не братья. И тут Хомяков ставит серьёзнейший исторический вопрос: почему на Россию столько нашествий? «Недоброжелательство к нам других народов, очевидно, основывается на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы и на невольной досаде пред этою самостоятельной силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе европейских народов. Отказать нам в наших правах они не могут, мы для этого слишком сильны; но и признать наши права заслуженными они также не могут, потому, что всякое просвещение и всякое духовное начало, не вполне ещё проникнутые человеческою любовью, имеют свою гордость и свою исключительность» (Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Хомяков А.С. Учение о Церкви. СПб., 2010. С. 258).

много, подробно и никаких (!) возражений-опровержений с западной стороны пока ещё на этот счёт не было, что очень показательно. У Пушкина вся религиозная историософия — в нескольких словах. Но каких! Именно раскрывающих «конечные сущности». Вот что Александр Сергеевич пишет в 1831 г. «Клеветникам России»: «Бессмысленно прельщает вас / Борьбы отчаянной отвлага — / И ненавидите вы нас... / За что ж? ответствуйте: за то ли, / Что на развалинах пылающей Москвы / Мы не признали наглой воли / Того, под кем дрожали вы? / За то ль, что в бездну повалили, / Мы тяготеющий над царствами кумир / И нашей кровью искупили / Европы вольность, честь и мир? / ... Так высылайте ж нам, витии, / Своих озлобленных сынов: / Есть место им в полях России, / Среди нечуждых им гробов»⁸.

Вообще же, не чтить, уничтожать другую культуру небезопасно. Почитание другого человека, другой культуры учит опыту почтения «Другого». Метафизически «Другого». Об этом — много у С.С. Аверинцева. Особенно в его работе, посвящённой семье⁹, одной из главнейших идей которой яв-

⁸ Пушкин А.С. Соч. в 3-х тт. Т.1. С.500. Об этом же у Н.М. Языкова в стихотворении «К не нашим»: «О вы, которые хотите / Преобразить, испортить нас / И обнемечить Русь! Внемлите / Простосердечный мой возглас! / Кто б ни был ты, одноплеменный / И брат мой: жалкий ли старик, / Её торжественный изменник, / Её надменный клеветник; / Иль ты сладкоречивый книжник, / Оракул юношей-невежд, / Ты, легкомысленный сподвижник / Беспутных мыслей и надежд; / ... / Надежда, сила, крепость наша — / Ничто вам! Русская земля / От вас не примет просвещения, / Вы страшны ей: вы влюблены / В свои предательские мненья / И святотатственные сны ! / ... / Умолкнет ваша злость пустая, замрёт неверный ваш язык: / Крепка, надёжна Русь святая, / И русский бог ещё велик» («Издrevле сладостный союз...»: Антология поэзии пушкинской поры. Кн. П. М., 1984, С. 137–139. Не менее определён и Ф.И. Тютчев: «Не верь в Святую Русь кто хочет / Лишь верь она себе самой, — / И Бог победы не отсрочит / В угоду трусости людской» (Тютчев Ф.И. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1980, С. 116). Или: «Напрасный труд — нет, их не вразумишь, / Чем либеральней, тем они пошлее, / Цивилизация для них фетиш, / Но недоступна им её идея / Как перед ней ни гниётся господа, / Вам не снискать признания от Европы; / В её глазах вы будете всегда / Не слуги просвещения, а холпы» (Там же. С. 191).

ляется то, истинное, миролюбие в светском, безрелигиозном плане, в рамках которого возможны только механические взаимоотношения, т. е. столкновения — просто невозможно. В этом плане — кощунственное отношение французов к Церквям, в которых вводили лошадей (как и в Константинополе — крестonosцы в 1209 г.) — очень показательно.

Интересно и даже неожиданно тема «Другого» в связи с событиями 1812 года раскрывается у Ф.И. Тютчева. При этом, как и у А.С. Пушкина, историософия в её художественно-поэтически совершенном виде выражена афористично и в нескольких словах. Повествуя о переправе «двунадесяти языков» через Неман перед лицом Наполеона: «Победно шли его полки / Знамёна чудные шумели / ... Лишь одного он не видал... / Не видел он воитель дивный, / Что там на стороне противной, / Стоял Другой — стоял и ждал... / И мимо проходила рать — / Всё грозно-боевые лица, / И неизбежная Десница / Клала на них свою печать ... / И так победно шли полки, / Знамёна гордо развивались, / Струились молнией штыки, И барабаны заливались... / Несметно было их число — и в этом бесконечном строе / Едва ль десятое чело / Клеймо минуло роковое...»¹⁰.

Историософскими, по сути, являются и прозаические, точнее, антирусские настроения в самой России, которые были и до 1812 года, и после. Однако в их основе, как это ни парадоксально, идея священства и праведности должного и непримиримости к недолжному. Идея Православная, по форме, но лаицизированная, по сути, в основе которой не мир, а борьба. Борьба стандарта, «должного», с земным началом. Или, наоборот (что не так уж и важно), — конфликт реального, земного, как истинно сущего начала, с идеаль-

⁹ Семья как особый пример любви и мира здесь уместна особо — если у ней нет духовно-религиозной составляющей, то даже она теряет смысл и превращается в свою противоположность — арену борьбы и ненависти. «Самая плотская ласка, чтобы не стать несносной мерзостью, должна знаменовать и символизировать самое духовное, что может быть: безоговорочное взаимное доверие. Супруги, которые приближаются друг к другу, чего-то не простив, припрятав камень за пазухой, практикуют блуд в браке» (Аверинцев С.С. Брак и семья: несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи // Человек. № 4. 2004. С. 111).

¹⁰ Тютчев Ф.И. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1980. С. 137.

ными выдумками. Так или иначе, противостояние идеи и наличного существования. Например, Святой Руси и земной родины. По сути отечественное западничество, например декабризм, — это прежде всего (при всей многомерности и неоднозначности этого явления) иллюзионистская, гностическая ересь в Православии, которая, как соблазн, существовала всегда, но никогда не получала догматического утверждения. Так или иначе, русское западничество в своём именно русском стремлении к святости, но, преимущественно, в светском понимании святости как более всего в виде «земного благополучия» именно на Запад всегда переносило и переносит идею «Святой Руси». Запад и становится в этой связи «святой Русью». А наличное и историческое — ненавистно. Забываются, правда, опасности такого подхода, ярко обозначенные уже в иудаизме — «земное благополучие» (шелом), всегда чреват переходом в «земной ад» (шеол).

Отчасти, эта идея, да ещё и с опорой на возможности и оправданности насильственных трансформационных процессов одного в другое, звучит уже в эпоху Ивана Грозного. Как обоснование — у самого Ивана IV; и как предостережение — у Ивана Пересветова. Речь идёт о сомнениях последнего относительно того, достойна ли Москва в силу своего земного несовершенства быть Третьим Римом? Здесь не только несурезица, но и путаница, не различение статусов Святого и земного, допущение насилия «в благих целях».

Дихотомия «немецкого порядка» и «русского безобразия» или пораженческая установка, в соответствии с которой «куда нам до просвещенной Европы» — этот тренд в историософии России отчётливо и ясно именно как тренд-учение, даже мировоззрение, а не как отдельная идея-рефлексия (как её выражает, скажем, А. Курбский) появляется, преимущественно, именно в пред- и пост- Наполеоновскую эпоху. Характерны в ярко карикатурном виде примеры Шиншина в «Войне и мире» Л.Н. Толстого, который полагал, что Россия обречена на поражение с Наполеоном («сидел бы ты Ерёма дома и точил свои веретёна»). И Смердяков в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского («Россия-с, Марья Ивановна — одно невежество»). В более сдержанном, «теоретически-корректном» виде — соответственно П. Безухов и А. Болконский в «Войне и мире» (сочетавшие, впрочем, совершенно парадоксально, как часто было и есть в нашей культуре, интеллектуальный

скептицизм с беззаветным, до самопожертвования, служением Родине). И Иван Карамазов в «Братьях Карамазовых» — трагически так и не разрешивший для себя эту непоследовательность.

В исторической реальности такими людьми были князь Н.А. Саблуков и П.Я. Чаадаев. Декабристы — скептики, отступники от собственной культуры ещё идут в ополчение и даже воюют против нашествия «двунадесяти языков» Европы, предводительствуемой Наполеоном. Но потом интеллектуально работают на проигравшего на военном поле противника, всячески развивая идею «проигравшего победителя», которые живут хуже «проигравшего побеждённого». При этом формируется нигде более не встречающаяся, по очень точному определению в «Бесах» Ф.М. Достоевского, либеральная культурная прослойка-оппозиция — антипатриотичная по своей сути. Таковы декабристы в 1825 году — как «пораженцы», так и «предрешицы». Подобный же эффект в виде требования поражения в войне «собственного правительства» появится у левых в России в Первую мировую войну; а идею «проигравших победителей» будут культивировать диссиденты-шестидесятники после Второй мировой войны.

В этой связи хочется задать следующий вопрос, обращённым к социологической науке? Они таковы, что даже в современный кризисный период государство, как определённый социально-политический институт и, так сказать, определённый феномен культуры, сохраняло, сохраняет и будет сохранять (ничего сопоставимого рядом просто нет и, реально, не ожидается) свои объектно-статусные и функционально-ролевые позиции в социальных отношениях гражданского общества. И задача социолога — проследить прямые или косвенные звенья в «цепи приказов» государства в его руководстве гражданским обществом. А многочисленные эксперименты по созданию «безгосударственных устройств», как известно, пока ни к чему хорошему не привели и не приводят. И задача социолога состоит в том, чтобы проследить «длину» цепочки и количество составляющих её звеньев в виде управленческих решений, исходящих именно от государства при появлении того или иного социального события. Причем, государства — «своего»; или для него — «чужого». Если своего, то исследователь стоит на патриотических позициях. Если на рецепции чужого, то, несмотря на

весь декларируемый с помощью псевдо-патриотической риторики (допустим, религиозный, или антитоталитарный, или космополитический, или либерально-гуманистический пафос), — мыслитель, тем не менее — отступник, «агент интересов», компрадор. И не важно, сознательно или бессознательно он лоббирует и работает в пользу приоритетов сначала информационного, а, затем и экономического, военно-политического превосходства другого государства.

Почему так происходит? Потому, что юридически давно уже стало аксиомой: если опыт был успешен где-то в других странах, то это ещё не значит, что он будет успешен в собственном краю. Возможно, его придётся насаждать как инородное, чужое начало, преимущественно военно-административными средствами, другими словами — «завоёвывать», и не важно, какая будет элита — «местная» или «пришлая», по сути, она будет только чужой. И это тот самый случай, против которого, как известно, предостерегал в своё время заведующий кафедрой теоретической политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.С. Панарин в книге «Народ без элиты»¹¹.

А вот что писал на этот счёт другой представитель Московского университета, выходец из Германии (по происхождению — немец), а, затем, профессор, заведующий кафедрой права; потом — декан нравственно-политического факультета и ректор Московского университета Теодор Баузе (1752–1812). Сам он себя называл — Фёдором Григорьевичем. Так вот, незадолго до нашествия событий 1812 года он утверждал следующее в своей речи, посвящённой тогдашней элите России. По его мнению, любое перенесение, в частности, на русскую почву целиком западного (например, немецкого) правосознания даже с самыми благими намерениями будет весьма опасным. В лучшем случае — бесполезным делом. Необходимо создавать, считал Баузе, самостоятельную, как именно стоящую на отечественной прецедентно-нормативной и институциональной почве, на основании именно русской культуры, философии права. Ещё точнее — именно «иерополитику»¹² (так можно было бы назвать то, что можно обозна-

¹¹ Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2000.

¹² Напомню, что первая, в плане источниковедения, опубликованная в России книга по философии с точки зрения дисциплинарной на-

читать и как «историософию права»). Вот эта-то философия политики и права и помогла бы объяснить сходства и различия русской жизни сравнительно с западноевропейской¹³. На таких же позициях стоял известный русский юрист, специалист, кстати, по римскому праву С.Е. Десницкий.

Вообще, в своём большинстве русские юристы XIX — начала XX веков были славянофилами. Если перефразировать известные слова Э. Бёрка, сказанные про историков, в применение к добросовестному гуманитарно-исследователю вообще, то «истинный юрист или консерватор, или он не юрист». Другими словами, политическая программа лозунгов: «Россия — это чёрная дыра, которая если что-то и может, то привести в недоумение соседние страны», или «тюрьма народов», или «поражения собственного правительства», или «распада и гибели тоталитарного монстра», в которых «прогрессивно реформируемый» объект, прежде всего, не имеет права на существование. Юридический смысл такой программы может быть квалифицирован как призыв к «поток и разграблению» в интересах другой страны. Это именно «пораженчество» или, по точному определению А.С. Хомякова, — «добровольное холопство». Никаких других научных и культурно-юридических или философско-исторических оправданий здесь нет и быть не может. Тем более в отношении страны, имеющей не просто более чем тысячелетнюю историю, а историю беспрецедентно экстремального существования. Т. е. опыта выхода из максимально неблагоприятных ситуаций. И не учитывать этот опыт просто непростительно, даже — преступно. По справедливому замечанию В.И. Коваленко, это «смердяковщина», т. е. нигилизм, социальный цинизм, эмоциональное отрицание исторических корней, духовных идеалов и ценностей с вполне определёнными политическими целями. Борьба с искажениями (тоталитарной государственности) переходит в разрушение государственности, как таковой. «Слова Смер-

правленности и аутентичности — это: «Ифика («этика» — Ш.В.), иерополитика, или Философия нравоучительная преуподобления, изъяснена к наставлению и пользе юным» Афанасия Миславского, архимандрита Печерского. Киев, 1712.

¹³ Подробнее см.: Баузе Т. Слово о юриспруденции, методах её изучения и преподавания // Избранные труды профессоров нравственно-политического отделения Московского Университета, М., 2010. С. 19.

дякова: «Россия-с, Марья Ивановна, — одно невежество, Россию завоевывать нужно. Придут французы и покорят её, а тогда я в Париже открою парикмахерскую» перестали сегодня восприниматься как литературная реминисценция. Естественной реакцией в этих условиях стал рост настроений ведущего в никуда националистического фундаментализма (в России) или национал-сепаратизма в ближнем зарубежье, на некоторых бывших автономных и даже исконно русских территориях»¹⁴.

Вместе с тем, здесь нужно помнить и об очень опасной крайности в виде так называемой конспирологии — «теории кулис», теории «заговоров» или «сионских», «масонских», «финансовых», «коммунистических», «капиталистических» (каких угодно) «мудрецов, тайно правящих миром». О чём говорит теория заговоров, в чём её итоги, а, главное, — какова продуктивная критика в виде вопросов, на которые пока эта теория не даёт ответов? Главная идея этой теории — борьба за мировое господство (военное, экономическое, информационное, биологическое, геополитическое, — какое угодно). Главные здесь и ближайшие нам теоретики — Гегель, Маркс, Дарвин и Клаузевиц. Если нет борьбы, нет и истории. Из современных отечественных авторов наиболее определён в этом отношении Б. Капустин, согласно которому, история без войны, это, так сказать, «деньги на ветер».

Но вот в чём проблема — юридически и экономически эта теория совершенно не подтверждается, — если говорить об итоговых стадиях её осуществления, а не о предварительных декларациях, заявляемых накануне окончательных управленческих решений. Исторические факты таковы: политика борьбы (если только это не популистские лозунги) ведёт к её эскалации, т. е. отвлечению от политики мира, как публично-правового регулирования огромного количества населения. Результаты таковы — сначала дефицит продуктов, затем репрессии против недовольных дефицитом, затем богоборчество как оправдание легитимности насилия. Вообще государство в этом случае присваивает себе не несвойственные ему субъектно-личностные свойства гносеологического

¹⁴ «Консерватор» — эксперт, гражданин, правитель. Государство, общество, частная жизнь, познание («Круглый стол») // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. № 4. 1995. С. 5–6.

и онтологического субъекта, каковые могут быть только экзистенциальными и сакральными, т.е. у человека или Церкви. У светской организации могут быть функции, т.е. должностные обязанности, связанные с обслуживанием, управлением, сервисом и логистикой. Главнейшая же функция государства — публично-правовое регулирование интересов, т.е. защита гражданского мира и согласия. Если же первичной становится вторичная функция (право на легитимное насилие), то государство разрушает самоё себя. Без единого исключения в истории. Если только, повторяю, агрессия не носит исключительно риторический характер. Но и здесь раньше или позже появляется конфликт между рефлексиями и реальной управленческой практикой. Так или иначе, но юридически не персонифицированные (в духе традиций римского права — тот же Кодекс Наполеона или, как сейчас в США — законы и поправки, носящие имена политиков — Джексона-Веника, например), «анонимные» нормы, законы, институты и ветви власти по определению не только не эффективны, но и недееспособны. Сами по себе «законы», «юридические механизмы», «институты» без их приложения суть абстракции. Пусть даже и «абсолютные», но без человеческого участия — бездействующие созерцательные идеи и не более того. Управление, уповающее на автоматизм «анонимных», «кулуарных» структур безответственно и неэффективно. Хотя бы потому, что не способно в непрерывном, а, главное, «ручном» режиме постоянно контролировать цепь приказов. Примером того служат кризисные явления в политике, такие, как события 1812 года или современный кризис, за устранение последствий которого не взялась, как известно, ни одна транснациональная, международная структура. В статусном и ролевом плане позитивные решения взяли на себя только национальные государства.

Другими словами, конспиративная структура может инспирировать, инициировать политическое событие, но в виде именно мятежа, протеста, революции, т.е. хаоса. Но, чтобы вести успешную политику по выходу из кризиса, например, с помощью экспроприации сначала внутренних, а затем и внешних ресурсов, нужен политик, например, Наполеон. Выход из кризиса — всегда на плечах официальных и *персонифицированных* государственных структур. И в этом — тоже уроки событий 1812 года. Их, если угодно, историософия.

Как известно, о «масонстве» французской революции и периода правления Наполеона — море литературы: от Н.А. Бутми — до Л.А. Тихомирова и славянофилов второй волны. Как тут не вспомнить слова У. Черчилля о том, что масоны, как мужья, поскольку до женитьбы они ничего о супружеской жизни не знают, а потом — ничего о ней не говорят.

В любом случае, или мы имеем историософию борьбы, т.е. смерти, или историософию «стяжания Духа мирна», т. е. жизни. Вообще же, конспирологическая апологетика борьбы-смерти весьма спорна ещё и потому, что стоит на довольно зыбких основах — на идее сверхчеловечества, носителя сверхидеи (без чего невозможен сверхскачок — прорыв в высшее состояние из низшего), т. е. утверждение «высших» и «низших» людей («сверхчеловеков-суперменов, людей X»). И Наполеон — политическое осуществление этой историософемы. Но не в рясе или строгом сюртуке финансиста или промышленника, а в военном мундире.

Утверждение «сверхчеловечества», например, Наполеона, как лидера, по его же словам, «с особой звездой» (да ещё и во внехристианском контексте, без Воскресения и Бессмертия) очень странно, т. к. все смертны и живут в одном и том же зоне — тленном, низшем. А высшее как таковое, не только не предполагается, но и отрицается. В ранее упомянутых концепциях Мани, Монтана высшее и низшее не сходятся. Есть борьба, а «сретения» нет. Или земное устраняет небесное. Или наоборот. Но результат — один и тот же — господство. Поэтому и Фейербах, и Маркс выступают в одной и той же культурной традиции.

В Православной Христологии — земное и небесное сходятся и сходятся во Христе-Спасителе. Русские авторы — участники событий 1812 года стояли и защищали историософию жизни не только и не столько силой слова; но и с оружием в руках. И победив в Париже, не мстили и не порабощали, оставив побеждённым право на жизнь и благодарную память о себе.

Собственно говоря, победа России в 1812 году — это загадка; чудо, которое произошло скорее «вопреки», а не «благодаря» обстоятельствам. И даже вопреки элите, которой (как и сейчас) историософия внешнего успеха была ближе спасения души. Благодаря внутренней стойкости народа и его культуры. Зададимся вопросом: а что было бы для России её

поражение в войне с Наполеоном? Общее мнение того времени, изложенное твёрдостью войска, народа и царя, можно найти у Д.В. Давыдова. Согласно оценке того времени, по крайней мере, до Бородинского сражения была такова: если с Наполеоном будет подписан мир, и Россия признает своё поражение, то нам, считал Давыдов, придётся пойти в Индию сражаться за французов. «Я теперь обращаюсь к себе собственно: если должно непременно погибнуть, то лучше я лягу здесь! В Индии я пропаду со ста тысячами моих соотечественников, без имени и за пользу, чуждую России, а здесь я умру под знаменами независимости, около которых столпятся поселяне, ропщущее на насилие и безбожие врагов наших... А кто здесь? Может быть и армия, определённая действовать в Индии?»¹⁵.

Собственно говоря, перед Россией в очередной раз в её истории вопрос стоял ребром: либо она побеждает Наполеона, либо она будет уничтожена. И прежде всего, её культура уйдёт в небытие. В лучшем случае — будет воевать в Индии. И никаких сомнений на этот счёт быть не может. Вот как трагически оценивал реальную ситуацию до Бородина, возглавив партизанский отряд, и без всяких надежд на оптимизм Д.В. Давыдов: «Между тем, неприятельская армия стремилась к столице. Несчётное число обозов, парков, конвоев и шаек мародёров следовало за нею по обеим сторонам дороги, на пространных тридцати или сорока вёрст. Вся эта сволочь, пользуясь безначалием, преступала все меры насилия и неистовства. Пожар разливался по сей широкой черте опустошения, и целые волости с остатком своего имущества бежали от сей всепожирающей лавы, куда — и сами не ведали»¹⁶. Особую и своеобразную трудность для отряда Давыдова составило то, что он назвал «остервенением поселян», т. е. — действительное общее и добровольное ополчение жителей, когда с кольями, топорами и огнестрельным оружием стояли все — и стар, и млад. В том числе и против его отряда. После длительных переговоров, когда выяснялось, что партизаны — казаки и гусары Давыдова — русские, солдатам сразу же подносили хлеб, пироги и пиво на вопрос: «Отчего вы

¹⁵ Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 179.

¹⁶ Там же. С. 189.

полагали нас французами?», крестьяне, по обыкновению отвечали. «Да вишь, родимый (показывая на гусарский ментик Давыдова), это, бают, на их одёжу схожо». — «Да разве я, — недоумевал Давыдов, — не русским языком говорю?» — «Да ведь у их всякого сбора люди». После этого Давыдов надел мужичий кафтан, отпустил бороду, а вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая и заговорил «языком народным».

Особо следует отметить то, на что обычно не обращают внимания — на отступление Наполеона — именно оно показало всю меру страшных испытаний, которые обрушились на Россию. Обычно на отступление войск Наполеона принято смотреть как на паническое бегство. Не так было на самом деле. Враг был очень силён практически до взятия Парижа, и это делает победу России особо значимой. Вот мнение очевидцев — непосредственных участников событий. Особую ценность представляет свидетельство Давыдова: он как никто другой провёл всю кампанию на линии столкновений с неприятелем. «Хотя Наполеон с остатками своего некогда грозного полчища поспешно отступал пред нашими войсками, однако, могущество этого гиганта было далеко ещё не потеряно. Вера в его непобедимость, слегка поколебленная описанными событиями, существовала ещё во всей Западной Европе, не державшей ещё восстать против него. Наша армия после понесённых ею трудов и потеря была весьма изнурена и слаба; ей были необходимы сильные подкрепления для того, чтобы с успехом предпринять великое дело освобождения Европы, главное бремя которого должно было пасть на Россию»¹⁷. Опять-таки, во имя чего? Давыдов совершенно исторософичен в определении целей в такого рода судьбоносных испытаниях: «священный долг всякого народа — дорожить своим достоинством, спасать и защищать всеми мерами и всеми средствами это нравственное бытие своё, неразрывно сопряжённое с его бытием вещественным»¹⁸.

Русская армия в тяжелейших условиях противостояния огромным консолидированным военно-экономическим ре-

¹⁷ Там же. С. 266.

¹⁸ Давыдов Д.В. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году? // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 284.

сурсам наполеоновской Франции, имевшей в своём распоряжении огромнейшие возможности не только Европы, но и, практически всего мира, нанесла ей, тем не менее, сокрушительное поражение.

Поэтому особая тема, которую Давыдов (и не только он, но и многие непосредственные участники событий) считает особо важной — это опровержение совершенно несправедливого, сложившегося буквально сразу после победы России в Западной Европе мнения, согласно которому Россия не нанесла ни малейшего вреда армии Наполеона. И будто эта армия погибла единственно от стужи, наступившей неожиданно и в необыкновенное время года. Мнение не только безосновательное, но и просто клеветническое. Даже если не принимать в расчёт, что сами по себе морозы — неудобны для всех: и захватчиков, и защитников; что идти в Россию и не предполагать, что там могут быть морозы — это верх легкомыслия (или высокомерия — что хуже, неизвестно), непростительного для полководца. Наконец, перелом и отступление Наполеона произошли в октябре, когда, по отзывам самих же французов (Давыдов социологически и исторически очень грамотно ссылается на подобного рода свидетельства, чтобы не быть заподозренным в пристрастности), никаких особенных морозов не было вовсе. По крайней мере, по утверждению самих французских источников, по крайней мере, до 25 октября «на обратном пути» до Дорогобужа (!) погода была «хорошая и стужа умереннее той, которую мы переносили во время кампании в Пруссии и в Польше в 1807 году и даже Испании среди Кастильских гор, в течение зимней кампании 1808 года, под предводительством самого императора...»¹⁹. Сам Давыдов при этом задаётся следующим вопросом: если французская армия при выступлении своём из Москвы состояла, по списку французского генерального штаба, «отбитому русскими войсками во время преследования, из ста десяти тысяч человек свежего войска», а, по словам всех историков кампании, представляла только сорок пять тысяч по прибытии своём к берегам Березины, то возникает недоумение. «Как же подумать, чтобы стодевятитысячная армия могла лишиться шестидесяти пяти тысяч человек единствен-

¹⁹ Там же. С. 291. (Давыдов имеет в виду воспоминания Шамбре, Жюмини, Гурго и самого Наполеона).

но от трёх- или пятисуточных морозов, тогда как гораздо сильнейшие морозы в 1795 году в Голландии, в 1807 году во время Эйлавской кампании, продолжавшиеся около двух месяцев сряду, и в 1808 году в Испании среди Кастильских гор, в течение всей зимней кампании, скользили, так сказать, по французской армии, не проникая в середину её, и отстали от ней, не разрушив ни её единства, ни устройства?»²⁰.

Всё это приводит к заключению, полагает Давыдов, что не стужа, а другое обстоятельство — причина разрушения нашествия. И, во-первых, это голод; во-вторых, непрерывные усиленные переходы и, в третьих, постоянное «кочевье», по его меткому определению, под открытым небом. Согласимся, что такого рода невзгоды испытывают обе противоборствующие стороны. Но одна способна выносить испытания с большим мужеством, чем другая. А, главное, способна постоянно организовывать, чинить эти неудобства другой стороне с большим постоянством и с неослабевающей энергией. И только тогда возможна победа. И всё это просто невозможно без «усилий, трудов и храбрости наших войск»²¹. Давыдов перечисляет, по крайней мере, семь (!) искусных действий со стороны русской армии, которые лишили Наполеона победы. Хотя их было, конечно же, гораздо больше. Это и перекрытие пути к хлебороднейшим губерниям; и события при Малоярославце, принудившие Наполеона обратиться на опустошённую Смоленскую дорогу: и фланговый марш от Тарутина до Березины; и Вязьма с Красным, и «чудесное» соединение трёх армий у Борисова на Березине — одна из Москвы, другая — из Финляндии и третья — из Молдавии и Волыни. И, наконец, непрерывные «наезды», и «неусыпный надзор» партизанских «партий» (в том числе — и самого Давыдова), отчего каждое движение противника «было тотчас известно нашему главнокомандующему и встречало противодействие»²².

Словом, подводит Давыдов к одному знаменателю причины гибели французской армии, «не от одной стужи, как стараются в том уверить нас неловкие хулители славы российского оружия, а посредством, что кажется, я достаточно

²⁰ Там же. С. 295.

²¹ Там же. С. 285.

²² Там же. С. 286.

доказал, глубоких соображений Кутузова, мужества и трудов войск наших и неусыпности и отваги лёгкой нашей конницы. Вот истинная причина гибели неприятельской армии, не что другое; всё прочее есть выдумка»²³. При этом как уже отмечалось, ни Пушкин, ни Давыдов не отделяли действий армии от действий всего народа России, поднявшегося, как один, против неприятеля — «народного остервенения», по их удачному и краткому определению.

Не менее показательны и свидетельства других современников, например, Ф.И. Глинки, воспоминания которого имел в виду Л.Н. Толстой, устами Андрея Болконского повествуя Пьеру Безухову об известном случае отказа русских солдат от водки накануне Бородинской битвы: «Рокот барабанов, резкие звуки труб, музыка, песни и крики несвязные (приветный клик войска Наполеону) слышались у французов. Священное молчание царствовало на нашей линии. Я слышал, как квартиргеры громко сзывали к порции: «Водку привезли; кто хочет, ребята! Ступай к чарке!» Никто не шелохнулся. По местам вырывался глубокий вздох и слышались слова: «Спасибо за честь! Не к тому изготовились: не такой завтра день!» И с этим многие старики, освещённые догорающими огнями, творили крестное знамение и приговаривали: «Мать пресвятая богородица! Помоги постоять нам за землю свою!»²⁴. Известно, что накануне Бородинской битвы главнокомандующий велел пронести икону Смоленской богородицы по всей линии. «Это живо напоминало приуготовления к битве Куликовской. Духовенство шло в ризах, кадила дымились, свечи теплились, воздух оглашался пением, и святая икона шествовала... Сама собою, по влечению сердца, стотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую готова была упоить до сытости своею кровью»²⁵. Глинка ссылается на известное ответное письмо митрополита Платона императору Александру I по поводу иноземного вторжения, да ещё и с историсофскими ремарками, копии которого повсеместно ходили в то время по рукам русской общественности: «Любопытно заметить, что

²³ Там же. С. 295.

²⁴ Глинка Ф.И. Очерки Бородинского сражения // Там же. С. 321. См. также: Глинка Ф.И. Письма русского офицера. М., 1990.

²⁵ Там же. С. 320.

первосвященник наш, проникнутый, без сомнения, вдохновением свыше, почти предрёк судьбу Наполеона и полчищ его ещё прежде перехода неприятельского за Днепр. Он писал: «Покусился враг простереть оружие своё за Днепр, и этот фараон погрянет здесь с полчищем своим, яко в Черном море (имеются в виду библейские аналогии с Красным морем. — В.Ш.). Он пришёл к берегам Двины и Днепра провести третью новую реку: реку крови человеческой»²⁶.

А вот какой приказ Наполеона читали капитаны перед французскими ротами перед той же битвой: «Солдаты! Вот битва, которой вы так желали! Изобилие, отдых, все выгоды жизни, скорое примирении и слава ожидают вас в столице русской. От вас зависит всё получить, всем воспользоваться, только ведите себя как при Аустерлице, Фридлянде, Витебске, Смоленске. Сражайтесь так, чтоб позднейшие потомки могли с гордостью сказать о каждом из вас: «И он был на великом побоище под стенами Москвы!» Этот приказ, нарочно прочитанный на таких местах, где лежало много необруанных русских тел, воспламенил французов»²⁷.

Не удалось, потому что мужество столкнулось с мужеством превосходящим. По свидетельству того же Глинки, настроение войск прекрасно выразил генерал Милорадович, которого французы называли русским Баярдом; у нас, за удалство, немного щеголеватое, сравнивали его с французским Мюратом. При том, что он не уступал в храбрости ни тому, ни другому! А один из самых неустрашимых генералов, А.П. Ермолов, писал к нему: «Чтобы быть везде при вашем превосходительстве, надобно иметь запасную жизнь». «Бодрый, говорливый (таков он всегда был в сражении), он разъезжал на поле смерти, как в своём домашнем парке: заставлял лошадь делать лансады, спокойно набивал себе трубку, ещё спокойнее раскуривал её и дружески разговаривал с солдатами. «Стой, ребята, не шевелись! Дерись, где стоишь! Я далеко уезжал назад: нет приюта, нет спасения! Везде долетают ядра, везде бьёт! В этом сражении трусу нет места!»»²⁸. Ссылаясь же на зарубежные источники, Глинка приводит

²⁶ Там же. С. 302.

²⁷ Там же. С. 325. (Вспомним, что накануне, точнее «за день пред тем было сражение»).

²⁸ Там же. С. 333.

свидетельство Вентурини: «Русские пушкари были примерно верны своему долгу. Брали редуты, ложились на пушки и не отдавали их без себя. Часто, лишась одной руки, канонир отмахивался другою. У подножия редантов лежали русские, немцы и французы. Истекая кровью, они ещё язвили друг друга, чем кому было можно. Иные, как говорят, грызлись зубами!»²⁹. Приводит он и слова не только противников, но и старого русского солдата. «Под Бородиным (говорит он) мы сошлись и стали колотьяся. Колемся час, колемся два... устали, руки опустились! И мы, и французы друг друга не трогаем, ходим как бараны! Которая-нибудь сторона отдохнёт и ну опять колотьяся. Колемся, колемся, колемся! Часа, почитай, три на одном месте кололись!»³⁰.

Особо при этом отличались казаки, «щеголявшие разными проделками» и в буквальном смысле садившиеся французам на плечи! «Напрасно отмахивались французы и немцы длинными палашами и шпорили тяжёлых коней своих: донцы, припав к седлу, на сухопарых лошадаках мчались стрелами, кружили, подлетали и жалили дротиками, как сердитые осы. Солдаты русские, стоявшие на высоте Горок и вблизи Дохтуровой батареи, завидя удаљство придонское, развеселились: махали руками, хохотали и громко кричали: “Вот пошли! Вот пошли! Хорошо, казак! браво, казак! не жалеи француза!”»³¹.

Отчего, задаётся вопросом Глинка, в Бородине русские дрались так храбро? И приводит слова рядового русского солдата 1812 года, который, отметим, буквально воспроизводит слова известного Православного святого Макария Египетского, сказанные после иконоборческого Собора: «Пусть все обратятся, а я не обращаюсь!». — «Оттого сударь, что тогда никто не ссылался и не надеялся на других, а всякий сам себе говорил: хоть все беги, я буду стоять! Хоть все сдайся, я умру, а не сдамся! Оттого все стояли и умирали!»³².

Однако особенно рефлексивным является историософия С.Н. Глинки — (старшего брата Ф.Н. Глинки и тоже писателя), известного издателя и редактора «Русского вестника»,

²⁹ Там же. С. 363.

³⁰ Там же. С. 371.

³¹ Там же. С. 371.

³² Там же. С. 386.

сочинителя патриотического направления и также участника событий 1812 года, значимость которых он сравнивает с событиями года 1612-го. А нашествие Наполеона — с нашествиями Ксеркса, а потом — Мардония на греков.

По признанию С.Н.Глинки, самого русского автора, в юности он (и не только он), как и многие русские был бонапартистом, коим вскорости быть перестал. Вслушаемся в его аргументацию. Не является ли она своеобразным и довольно неожиданным обоснованием концепция Филофея «Москва — Третий Рим»? Вот его слова: «С отплытия Наполеона к берегам Египта, мы летели мыслию вслед подвигов юного и нового Александра-кесаря; мы думали, что его славою, его душою человечество расцветёт новой жизнью. Верх желаний наших был тогда тот, чтобы быть в числе простых рядовых под его знамёнами... Но не мы одни так думали, и не мы одни к этому стремились. Кто от зари жизни ознакомился с Леонидами, Эпаминондами, Пелопидами и другими героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом. Но Наполеон сваял с умов очарование, навеянное на них Бонапартом, на чреде самовластителя он гонительною рукою оттолкнул от себя и Древний Рим и Древнюю Грецию: льстило его всемирное римское владычество, но он страшился доблестей Цинциантов и Регулов»³³.

В соответствии с историко-софскими воззрениями С.Н. Глинки, жизнь — вообще есть странствование. И именно 1812 год показал, что она может быть ещё и «кочевьем». И там, где века утвердили «заселение и поселение». Несмотря на все ужасы событий, он свидетельствует: с отрядами пленных, которые представляли именно кочевье почти всех народов европейских (тут были и французы, и итальянцы, и германцы, и испанцы, и португальцы, и голландцы, и все отрывки двадцати народов) русские делились последним куском хлеба. «И у пленных навернулись на глазах слёзы. «Нас обманули! — вскрикнули несколько голосов, — нас обманули! Нам говорили, что русские варвары, волки, медведи. Зачем нас привели сюда?» — «Может быть, — отвечал я, — бог это сделал для того, чтобы вы увидели, что и мы люди, что и мы умеем любить людей и уважать человечество». Чудное дело! Всё это доводилось видеть и говорить в девятнадцатом столетии»³⁴.

³³ Глинка С.Н. Из «Записок о 1812 году» // Там же. С. 416.

³⁴ Там же. С. 426.

События 1812 года с особой ясностью показали — стратегия (и военная и политическая) есть искусство делать основное или общее предназначение войны, и искусство действовать, считает С.Н. Глинка, на души человеческие и умы жителей той земли, куда вносится оружие. При этом обязательно надобно знать «из вековых опытов», куда идёшь, зачем идёшь, с кем будешь иметь дело, и как и с чем выйдешь. И всё это надобно сообразить не только на основании штыков и пушек, но и на основании нравственном. Здесь С.Н. Глинка согласен с А.В. Суворовым, который полагал: «Без светильника истории тактика потёмки». По мнению С.Н. Глинки, великий тактик Наполеон это знал, но провидение ввело его в те потёмки, которые «не осветлились» даже пожаром московским. Советники (например, князь Понятовский и другие) предостерегали его и в Париже, и в Витебске, и в Смоленске. «Но мысль о Москве обхватила Наполеона бурным вихрем и винула его в стены Москвы. Война-нашествие не есть война обыкновенная. Подобно скале гранитной, Москва противупоставлена была нашествию, и оно, приразясь к ней, раздробилось и обессилело. Тут дымом рассеялись и все замыслы стратегические и все извороты тактические»³⁵.

Впрочем, свою историософию С.Н. Глинка основывает не только на взглядах Суворова. Но и на высказываниях Плутарха, Тацита, Вольтера, Б. Паскаля и Ж.Ж. Руссо. Первые два имели согласное мнение о том, что «живя, мы не живём; надежде жизнь вверяем». Эту точку зрения С.Н. Глинка подкрепляет соображением, в соответствии с которым сдачей Москвы Россия доказала Европе, что мы не приковываем независимости Отечества ни к улицам городов, ни к стенам столиц. А вот по поводу Руссо С.Н. Глинка скорее иронизирует. Здесь имеется в виду известное высказывание этого французского автора о том, что, когда Европа и Россия изменуют под бременем роскоши, тогда полудикие племена горные и степные нагрянут на Россию и на Европу. «Но что бы он сказал, если б при жизни его выхлынуло нашествие из недр образованной и роскошной Европы?»³⁶.

Впрочем, историософские ссылки С.Н. Глинки этим далеко не ограничиваются. В черед цитируемых — Монтень,

³⁵ Там же. С. 427.

³⁶ Там же. С. 428–429.

Лафатер, Н.М. Карамзин, Кондорсе. Но ссылки эти не только литературные. Жуковский, например, спешит к боевым знамёнам; а Кайсаров — меняет кафедру русской словесности Дерптского университета на шум грозных битв. «Батюшков, питомец сердца и Граций, был под градом пуль, картечей, был ранен и снова готовился под знамёна ратные. Князь П.А.Вяземский шёл по следам своих друзей, и был на битве Бородинской. Тогда самоотречение было живою поэзией души»³⁷.

Не менее поэтичен у С.Н. Глинки и Наполеон: «Сказывают, что Наполеон перед битвой Бородинской, обращаясь к Нарбону, сказал: «Сегодня и мирному дипломату доведётся блеснуть в эполетах. Сегодня будет бой. А что такое бой? Трагедия. Сперва выставка лиц, потом игра страстей, и, наконец, развязка». Но, видя, что трагедия Бородинская в сильный пошла разгром, он прибавил: “Сегодня развязка затянулась”»³⁸.

Вывод же русского военного историософа таков: гонит Наполеона внешнего Наполеон внутренний. Наполеон — раб самого себя, «в нём урок вселенной»³⁹. Что значит это загадочное высказывание — скорее метафора, чем философа? Смысл совершенно эсхатологический — полководец-Бонапарт затерялся в Наполеоне-завоевателе⁴⁰. Как бы то ни было, полагает С.Н. Глинка, «но провидение в лице Наполеона, просящего в Москве мира, послало свету великий урок, урок смирения силы человеческой, и какой силы? Наполеоновой!»⁴¹. И более того, по мнению русского автора (и с ним нельзя не согласиться), поле Бородинской битвы должно стать памятником, на котором надпись: «Мир праху двадцати народов нашествия тысяча восемьсот двенадцатого года!». «Мир и да будут равнины Бородинские и Семёновские примирением человечества европейского! На лице их, по неисповедимым судьбам провидения, в один день, в один час и на одном месте, почти все народы европейские испытывали силы в борьбе мужества с мужеством: пусть же после опыта кровавого равнины битвы Бородинской будут уравнением

³⁷ Там же. С. 432.

³⁸ Там же. С. 460.

³⁹ Там же. С. 461.

⁴⁰ Там же. С. 453.

⁴¹ Там же. С. 463.

взаимного уважения народов и да исчезнут тщеславные прения о превосходстве сил вещественных!»⁴².

Этот призыв к миру важен и для нас сегодняшних. И не только как призыв, но и как умудрённое страшным военным опытом историософское суждение о том, что такое Победа, о том, что побеждает. В схватке мира и борьбы побеждает мир. В Патристике, как мы знаем, одно из главных положений, донесённых до нас древнерусским языком: это «Мир» и «мір», т. е. победа сил «нравственных» над силами «вещественными». И в этом тоже один из уроков патриотизма.

⁴² Там же. С. 466.

БОЙЦОВА О.Ю.

Легитимация и патриотизм:
уроки Отечественной войны 1812 года

Юбилей Отечественной войны 1812 года не только ознаменовался всплеском интереса к истории России, но и послужил поводом для дискуссии по ряду теоретических и политико-философских проблем. Среди них важнейшее место занимает вопрос о природе и принципах патриотизма, актуализированный в контексте кризиса доверия к государственной власти, проявившегося не только в России, но и в ряде стран современного мира.

Темам легитимации — обеспечения лояльности к власти, политической поддержки правящей элиты, доверия к государству — мировая политическая мысль отводит если и не главное, то одно из наиболее значимых мест. Поэтому имеет смысл кратко остановиться на рассмотрении легитимности как центрального понятия данного проблемного поля¹.

1

Как правило, в самом общем виде легитимность определяется как характеристика власти, которая подчеркивает ее

¹ Литература по проблемам легитимности обширна, и в настоящей статье ее анализ не предусмотрен. В частности, можно указать следующие издания: Вебер М. Избранные произведения. М., Прогресс, 1990; Завершинский К. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис. 2001. № 2; Легитимность // Полис. 1993. № 5; Ледяев В. Власть: концептуальный анализ. М., РОССПЭН, 2001; Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., Наука, 2001; Beetham D. The Legitimation of Power. L.: Macmillan, 1991; Dogan M. Conceptions of Legitimacy // Encyclopedia of Government and Politics. L.: Routledge, 2003. Vol. 2. P. 116–219; Барнетт Р.И. Либертарианство и легитимность: ответ Хьюберту // Московский Либертариум, 2009 [электронный ресурс, режим доступа: <http://www.libertarium.ru/54098>].

социально-психологическое измерение и в которой фиксируется ее консенсусный аспект. Если же попытаться обобщить содержательные характеристики, то о легитимности речь обычно идет в том случае, если в обществе имеется принципиальное согласие в вопросе о праве применять власть. Усилиями Макса Вебера легитимность была представлена как специфицирующий признак политического порядка вообще и определена как признание власти подчиненными и их добровольное согласие ей покоряться, образующие основу любого институционализированного господства.

Консенсусный подход, проявляющийся, в частности, в трактовке власти как единства принуждения и добровольного согласия, имеет длительную историю в истории политической мысли. Примечательно, что само понятие «легитимность» появилось именно в XVII–XVIII вв. — в эпоху буржуазных революций в Англии и во Франции — и только в начале XIX в. получило широкое распространение в европейской общественной мысли. Это произошло благодаря усилиям французских роялистов, которые пытались доказать исключительность прав на государственную власть одной единственной политической силы — династии Бурбонов. В этот период «легитимность» и «легальность» использовались как синонимичные понятия, означающие правомочность власти, подтверждаемую законами, — в противовес захваченной власти, не имеющей правовых оснований. В роли подобного захватчика (узурпатора) выступал Наполеон Бонапарт, и конечной целью усилий его противников была полная делегитимация его правления.

В настоящее время понятие «легитимность» используется более широко. С одной стороны, сохраняется ее «вертикальный» аспект — характеристика взаимоотношения правящих и управляемых, и здесь веберовская трактовка по-прежнему сохраняет приоритет. Легитимность выступает атрибутом «верхов», но наделяют их этим атрибутом «низы» — добровольно исполняя приказы правящей верхушки и признавая ее право на насилие в отношении непокорных.

С другой стороны, в современном политологическом дискурсе понятие «легитимность» помимо вертикального используется и в горизонтальном измерении. В данном случае речь идет об атрибуте, которым наделяют друг друга участники взаимодействия, находящиеся на одной ступени социальной иерархии. Его смысл — признание за неким

субъектом политического действия прав на то, чтобы представлять определенную социальную группу, принимать решения и действовать в ее интересах. И здесь именно признание легитимности (или отказ в таком признании) влечет за собой важнейшие политические и экономические последствия, способные существенным образом изменить судьбы народов. Наиболее ярко это проявляется в сфере международных отношений, где правительство каждого государства выступает в качестве легитимного представителя своего народа и от его имени выстраивает систему взаимосвязей с другими политическими акторами.

Таким образом, основополагающее значение получает вопрос о том, каким образом и на каких основаниях происходит легитимация и делегитимация: как приобретается легитимность, какие инстанции наделяют ею, что оказывается более весомым — формально-институциональные (нормы, правила, законы, требующие признания правомочности имени этого актора), ценностные или еще какие-либо факторы.

Современные исследования процессов легитимации сосредоточены вокруг проблем источников и оснований политической поддержки, способов измерения ее уровня, определения индикаторов лояльности, установления причин приобретения и утраты политическими лидерами и политическими институтами доверия населения.

Ценностно-нормативные трактовки кладут в основу легитимности этические категории («благо», «справедливость»), пытаясь дать содержательное решение проблемы доверия к власти. Формально-рефлексивные стремятся выявить формы властных отношений и построить общие модели легитимации власти, отвлекаясь от конкретно-исторического содержания действий политических институтов. И в том, и в другом случае исследования лежат проблемном поле политической и правовой культуры, политического сознания и ценностных оснований политики.

Легитимация исследуется в различных ракурсах: и как особый политический институт, устанавливающий нормативный фундамент обоснования права на использование власти и процедур подтверждения политической поддержки; и как процесс создания концептуальных моделей оправдания права на власть определенных субъектов политики; и как специфическая социальная технология, конструирую-

щая отношения с объектами властного воздействия на основе определенных сценариев.

Надо сказать, что технологические аспекты легитимации занимают значительное место в политических исследованиях. Во многом это объясняется стремлением снизить степень неопределенности и непредсказуемости политики в ситуации обострения политической конкуренции в условиях демократического режима. Однако нельзя игнорировать и тот факт, что анализ механизмов достижения и воспроизводства легитимности имеет не только прикладное, но и фундаментальное измерение. Он позволяет ставить теоретические проблемы политико-философского уровня, затрагивающие, к примеру, когнитивно-коммуникационные и политико-социализирующие аспекты власти.

2

Говоря о значимости проблемы легитимности в мировой политической науке, все же трудно не признать, что эта тема занимает особое положение в интеллектуальной истории именно нашей страны. В России обсуждение правомочности действующей государственной власти почти всегда выходило за рамки решения сугубо практических вопросов, приобретая глобальный, философско-мировоззренческий характер, и в то же время редко оставалось сферой исключительно академических споров, оказывая прямое воздействие на реальный политический процесс. Наверное, можно уже говорить о своеобразной традиции — на рубеже веков в России обостряются споры об основах государства и его исторической миссии, об отношении элиты к народу и граждан к властям предрешающим, о политической поддержке истеблишмента и потенциале оппозиции. Так было и век, и два, и четыре века назад. И сегодня вопрос о доверии к государству снова предельно актуален — из кабинетов ученых и аудиторий он выплеснулся на просторы Интернета, а затем и на площади.

Сплав рациональной аргументации с эмоциями, разогретыми обострившимся противостоянием с политическими оппонентами, порождает пеструю палитру мнений о легитимности власти — от утверждения о необходимости России доверия к государству вообще и к действующему сегодня правительству в частности, до отрицания самой возможности их поддержки.

Перед учеными стоит непростая задача разобраться в этом клубке мнений, взглядов, убеждений и позиций. Для этого недостаточно эмпирическое исследование ситуации — необходимо обратиться к теоретическому осмыслению выдвигаемых версий, выявить как «точки консенсуса», как и «пункты расхождений», определить принципы и направление консенсусных стратегий, нацеленных на достижение национального согласия. И в этой связи понятие «патриотизм» оказывается едва ли не в центре внимания, а осмысление опыта народного единства в войне 1812 года приобретает ценность «культурного образца».

Наряду с опять-таки юбилейным 1612 годом народное единство в противостоянии врагу, сплочение сословий и добровольное подчинение интересам общего дела, готовность к совместным действиям для их защиты — да само и осознание наличия такого общего дела и такого единства — основная ценность, входящая в признаки патриотизма. В 1612 она связана с ополчением Минина и Пожарского, в 1812 — с войной, которая получила название отечественной.

Дискуссия о содержании понятия «отечественный» имеет довольно длинную историю: уже в XIX в. в российской историографии выделились две основных позиции. Первая видела *отечественность* войны в сплочении всех сословий вокруг престола и во всеобщей безусловной поддержке государственной власти. Данная позиция нашла отражение, прежде всего, в официальных документах, начиная с текста «Манифеста о народном ополчении» от 6 июля, где последовательно проводится идея единства народа и государства: «...ныне взываем ко всем Нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с Нами единоклюшным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений»². Примечательно, что в этом Манифесте Александр I, призывая к сплочению всех сословий вокруг трона, обращается к памяти 1612 года: «Да встретит он (*враг — О.Б.*) в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское Со-

² Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 32. № 25176. С. 388. [В электронном ресурсе Российской национальной библиотеки. Режим доступа http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=148].

словие! Ты во все времена было Спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! Вы всегда Теплыми молитвами своими призывали Благодать на главу России; народ Русский! Храброе потомство храбрых Славян! ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют»³.

В «Манифесте об изъявлении Российскому народу благодарности за спасение Отечества» от 3 ноября 1812 г. также подчеркивается не только всенародное единство перед лицом неприятеля, но и нераздельность Отечества и государства: «...торжественно от лица всего Отечества изъявляем признательность и благодарность Нашу всем Нашим верноподданным, яко истинным сынам России. Всеобщим их рвением и усердием доведены неприятельские силы до крайнего истощения и главною частию или истреблены, или в полон взяты. Все единодушно в том содействовали. Храбрые войска Наши везде поражали и низлагали врага. Знаменитое Дворянство не пощадило ничего к умножению государственных сил. Почетное купечество ознаменовало себя всякого рода жертвованиями. Верный народ — мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только Русскому народу свойственны... Толь великий дух и непоколебимая твердость всего народа приносят ему незабвенную славу, достойную храниться в памяти потомков»⁴.

Альтернативная позиция связывает патриотизм с освободительным движением, а защиту Отечества — с борьбой не только против чужеземцев, но и против собственного правительства, в случае если его политика носит антинародный характер. В качестве ее примера, как правило, приводят знаменитые слова А.А. Бестужева: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свобо-

³ Там же.

⁴ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 32. № 25257. С. 450–451. [В электронном ресурсе Российской национальной библиотеки режим доступа http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=148]

домыслия в России»⁵. Пишет об этом и Н.И. Тургенев: «Война 1812 года имела и другую особенность, которую не могли предотвратить, но которую всячески старались затушевать... Везде, в чисто русских губерниях, крестьяне вели партизанскую войну и мужественно бились. Когда неприятель удалился, — те из них, которые были крепостными, вполне естественно думали, что такое геройское сопротивление, преодоление стольких опасностей, навстречу которым они храбро шли, стольких лишений, самоотверженно перенесенных ради общего освобождения, — давали им право на свободу. Убежденные в этом крепостные некоторых местностей не хотели более признавать власть своих господ... Поэтому не было ничего удивительного для тех, кто знал их, что они старались сбросить ярмо собственного рабства после того, как с таким успехом способствовали освобождению страны от угрожавшего ей чужеземного ига... Если бы русская армия заключала уже тогда в своих недрах элементы прогресса, зародыши которых обнаружились в ней спустя некоторое время, то очень вероятно, что попытки освободиться проявились бы тогда не только среди крепостных, — так живо было в этот момент у русского народа сознание своей силы и собственного достоинства... Именно с момента возвращения русских армий в свою страну либеральные идеи, как говорили тогда, начали распространяться в России»⁶.

К трактовке, разделявшей интересы государственной власти и интересы народа в предельно жесткой форме, склонялись советские историки 30-х гг. XX в., оценивая события 1812 года как борьбу российского реакционного режима и прогрессивной армии Наполеона, в которой русский народ стремился к освобождению не столько от чужеземного, сколько от самодержавного ига⁷.

⁵ Письмо Александра Александровича Бестужева к Императору Николаю Павловичу из Петропавловской крепости. Гос. Арх. I. № 11 [электронный ресурс, режим доступа — // <http://decemb.hobby.ru/index.shtml?archive/pokaz1>].

⁶ Тургенев Н.И. Россия и русские // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825. М., 1989. С. 269–271.

⁷ См.: Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: Сб. статей. Пг., 1923; Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Москва. Издательство ЦК ВКП(б) Партиздат; 1933; Гуковские З. и Г. Крестьяне в 1812 г. М., 1932.

Однако нельзя не упомянуть о и том, что в развернувшейся в последние годы дискуссии ряд историков по сути оспаривают трактовку Отечественной войны 1812 года как образца всенародной солидарности и примера патриотической борьбы за национальные интересы. В основе данной позиции также лежит тезис об отсутствии единства государства и народа. В ее подтверждение приводятся свидетельства эпохи, к примеру, такие: «Странно, что в этот момент сильных потрясений, которые переживала Россия, не только наш тесный кружок, ... но и все окрестное общество равнодушно относилось к судьбам отечества. ... Никогда я не слышал в их разговорах ноты теплого участия к событиям времени. Все, по-видимому, интересовались только своими личными делами. Имя Наполеона вызывало скорее удивление, чем ненависть. Словом, общество наше поражало невозмутимым отношением к беде, грозившей России. Это отчасти могло происходить от отдаленности театра войны... Но главная причина тому, я полагаю, скрывалась в апатии, свойственной людям, отчужденным, как были тогда русские, от участия в общественных делах и привыкшим не рассуждать о том, что вокруг делается, а лишь беспрекословно повиноваться приказаниям начальства»⁸.

Сторонники данной точки зрения если и не отрицают само наличие единства сословий и патриотического порыва у всех сословий в период наполеоновского нашествия, то призывают к осторожности в выводах, по крайней мере, относительно простого народа, утверждая, что «русским крестьянам даже в годы Первой Мировой войны 1914–18 гг. ещё не было свойственно чувство национального патриотизма, тем более трудно говорить о нём, как побудительном мотиве их действий за сто с лишним лет до этого»⁹.

⁸ *Никитенко А.В.* Моя повесть о самом себе // Никитенко А. В. Записки и дневник. М., 2005. Т. 1. С. 60.

⁹ *Маркин А.С. Г. М.* Курин и отряд самообороны вохонских крестьян в 1812 году. См. также материалы, опубликованные на портале «1812» [электронный ресурс, режим доступа: www.1812.ru]; *Маркин А.С.* Война и миф (К вопросу об отечественной историографии крестьянской самообороны от неприятеля в 1812 году); *Агронов Л.И.* Восприятие событий Отечественной войны 1812 г. российским простонародьем); *Попов А.И.* Отечественная война 1812 года: «Новые открытия» и псевдопроблемы // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники.

Здесь не представляется возможным детальный анализ данной дискуссии. Какая бы из позиций ни была в большей мере подкреплена историческими свидетельствами и фактами, это ни в коей мере не может изменить тот факт, что *осмысление post factum* войны с Наполеоном имело ключевое значение для истории российской политической мысли.

3

Осмелюсь предположить, что именно публичное обсуждение происшедшего — вопросов о том, «что это было», что значили для России трагические события 1812 года, какие последствия повлекли за собой, какое место в истории занимали, и т.п. — сделало возможным помимо политико-практической или идейно-мировоззренческой, еще и *теоретическую* оппозицию верховной власти. В ходе осмысления национальной значимости войны вопрос о легитимности власти за пределы проблем династической преемственности и помещен в поле рационального обоснования.

Как известно, в истории России несложно найти примеры и бунта против правителя, и фактического отстранения монарха от власти, и его физического устранения в ходе дворцового переворота. Эти проявления нежелания и неготовности принять действующего правителя могли сопровождаться — и чаще всего действительно сопровождалась — делегитимирующей его власть «объяснением», оправдывающем неповиновение. Вопрос о принципах и моделях подобной делегитимации нуждается в специальном исследовании, способном подтвердить или опровергнуть нижеследующий тезис, высказываемый в качестве гипотезы. Отказ в повиновении мог опираться на различные аргументы — такие, к примеру, как спорность прав на верховную власть, сомнение в «чистоте» происхождения, признание наличия «более достойного» претендента и пр., — но не затрагивал вопросов *политического режима* как такового и не выдвигал альтернативные *формы правления* как в большей мере соответствующие благу Отечества.

Для того, чтобы подобное стало возможным, в сознании и мыслящей элиты, а и масс должно было произойти разграничение «служения Отечеству» и «служения престолу (государ-

ству)», отделение понятия «патриотизм» (любовь к Отечеству и нацеленность на его благо) от идеи необходимости безусловной поддержки государства в лице его правителей.

Парадоксально, но истоки такого разграничения можно найти в официальных документах высшей государственной власти. «Виновником» в этом можно считать Павел I, запретившего употребление слов «отечество», «общество» и «гражданин» и фактически противопоставившего понятия отечества и государства. Речь идет о «Высочайшем повелении 1797 года об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими»¹⁰, которое наряду с другими актами было нацелено на предотвращение влияния идей французской революции. Справедливости ради надо упомянуть о том, что историческая достоверность данного документа установлена лишь на основании вторичных свидетельств — о нем известно прежде всего из записок главного редактора «Русского вестника» С.Н. Глинки, а также из деловой переписки чиновников, ссылавшихся на данное повеление, и проч.

Наверное, можно найти косвенное подтверждение и в указах Александра I, который, как известно, негативно оценивал политику Павла I и считал необходимым отменить многие из его решений. В его правление происходит не просто возврат к термину «отечество», но и получает яркое выражение стремление подчеркнуть нераздельность отечества и государства. Война с Наполеоном осмысливается именно с этих позиций. Так, в «Манифесте о принесении господа Богу благодарения за освобождение России» от 25 декабря 1812 г. единство интересов государства и народа подчеркнуто с максимальной силой: «Войско, Вельможи, Дворянство, Духовенство, купечество, народ, словом, все Государственные чины и состояния, не щадя ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью к Отечеству, колико любовь к Богу»¹¹.

¹⁰ Высочайшее повеление 1797 года об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими. Сообщил В. С. Глинка из бумаг покойного издателя «Русского вестника» С.Н. Глинки // Русская старина. 1871. Т. 3. С. 531–532.

¹¹ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 32. № 25295. С. 486. [В электронном ресурсе Российской национальной библиотеки режим доступа http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=148].

Так или иначе, приходится считаться с тем, что в политическом дискурсе начала XIX в. решение «о запрете отечества» было общеизвестным. Об этом, к примеру, читаем у А.С. Пушкина в стихотворении «Послание цензору», которое датируется 1822 годом: «Ужели к тем годам мы снова обратимся, / Когда никто не смел отечество назвать, / И в рабстве ползали и люди и печать?»¹²

Еще более весомым свидетельством того, что разграничение «отечества» и «государства» приобрело четкие теоретические формы в результате осмысления Отечественной войны 1812 года, могут служить политические проекты декабристов, разработанные именно во благо Отечества и направленные против системы государственной власти¹³.

Роль такого разграничения трудно переоценить, поскольку оно принципиально меняет модель легитимации власти. То обстоятельство, что становится возможным *противопоставление* национального интереса интересу верховной власти, проблематизирует ответы, ранее бывшие очевидными. Так, к примеру, оказывается, что действия правительства могут противоречить национальным интересам, а «блага Отечества» приобретает ценностный приоритет перед «интересами государства» — оно превращается в критерий оценки действий верховной власти и основание доверия к ней. В свою очередь, это ставит вопрос о субъекте и способах оценки: кто и как определяет содержание национального интереса и того, в какой мере действия правительства ему соответствуют (или не соответствуют).

4

Если говорить о том, каким «эхом» отзывается разграничение «Отечества» и «государства», «патриотизма» и «поддержки правительства», можно, пожалуй, особо выделить следующее.

¹² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М.–Л., 1947. Т. 2. С. 270.

¹³ Литература по данному вопросу весьма обширна. См., в частности, публикации, признанные классическими: Восстание декабристов. Т. I — XVIII. М., 1925–1986; Мемуары декабристов. Северное общество, М., Издательство МГУ, 1981; Павел Пестель. Русская правда. М., 1993; Конституция. Соч. Никиты Муравьева, написанная его рукою в каземате крепости и представленная при ответах // Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.

Во-первых, поддержка государства переводится из области чего-то интуитивно понятного в статус решения, требующего рационального обоснования. Тем самым стимулируется как содержательная разработка моделей обоснования доверия к власти (в частности, политических теорий и идеологических концепций), так и оптимизация теоретико-методологического инструментария, позволяющего создавать эти модели, адаптировать их к меняющейся реальности и повышать их «привлекательность» в борьбе с иными версиями легитимации/делегитимации. При этом возникают весьма и весьма острые вопросы и об основаниях выбора между конкурирующими моделями, и о том, чего требует патриотизм в условиях «спора о ценностях» — принципиальности и неприемлимой борьбы за победу «своего» культурного образца или же готовности к уступкам и компромиссу ради общего согласия.

Во-вторых, обостряется дискуссия о релевантных институциональных решениях. Даже при наличии основополагающего ценностного консенсуса и принятии общей модели легитимации власти переход на уровень «практического патриотизма» неизбежно рождает расхождения при выборе конкретных способов служения Отечеству.

Споры о том, насколько адекватен определенный политический курс и данные политические институты национальному интересу и благу народа, требуют теоретической обоснованности решения сугубо практического вопроса о том, что должно именно стоять на повестке дня — сохранение выбранной траектории развития, ее корректировка или радикальное изменение.

В-третьих, в ситуации конкуренции моделей легитимации и делегитимации власти возникает задача целенаправленного формирования поддержки конкретных претендентов на роль защитника национального интереса (будь то правящая элита или оппозиция). Это делает необходимым изучение действенных в условиях данной культуры оснований легитимности — того, что Г. Моска называл «политической формулой»¹⁴, — а также технологий политического воздействия на личность и на массы.

¹⁴ См.: Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10, 12; Моска Г. Элементы политической науки // Социс. 1995. № 4, 5, 8.

В наши дни проблема соотношения патриотизма и поддержки правительства как никогда актуальна. Ответ на вопрос о том, является ли безусловная поддержка своего правительства обязательной составляющей патриотизма, требуется каждый раз, когда мы сталкиваемся — сформулируем в предельно общем виде — с (назовем это предельно общо) *участием* в делах государства некоего внешнего политического актора, будь то прямая вооруженная акция за или против правящей элиты или политическая и/или экономическая поддержка какой-то политической силы внутри страны против ее противников.

Это «участие» может расцениваться как «помощь», частичное «внедрение», «интервенция», «вмешательство во внутренние дела», «поддержка», «принуждение к миру» и проч. Понятно, что сама квалификация — вопрос политической ориентации. Формулировка политической позиции определяет в скрытом или явном виде и содержательное наполнение понятия «патриотизм», которое становится действенным оружием в идеологическом противостоянии политических сил.

Власти предрезающие, позиционируя себя как носителя национального интереса и законного представителя народа, используют его как ресурс легитимации своего политического курса. Сопротивление этому курсу, неприятие принятых решений (а в жестком варианте и сама критика представителей власти), расцениваются как антипатриотизм, «расшатывающий народное единство» и «льющий воду на мельницу врагов Отечества».

В свою очередь, для оппозиции патриотизм служит инструментом делигитимации проводимого курса и/или правящей элиты. Действия актуальной государственной власти характеризуются как не соответствующие, а то и прямо противоречащие интересам народа и Отечества. А ее представители — как минимум, как неспособные адекватно диагностировать политические реалии, прогнозировать результаты предпринимаемых шагов и выбирать верные альтернативы из спектра возможных политических решений. В данном контексте патриотизм заключается как раз в отказе от повиновения решениям власти, «влекущей нацию в пропасть», и, по ситуации, в признании необходимости корректировки (или полной смене) политического курса.

При содержательном различии формальная структура аргументации одинакова. Политический актор, претендую-

ций на легитимацию своей позиции, отказывает своим оппонентам в способности и/или желании адекватно выразить национальный интерес. Объясняется это по-разному: и «злой волей» («продажностью» и прямым предательством, порожденных своекорыстием), и «заблуждением», возникающим в результате воздействия манипулятивных технологий противника или же в силу «инородности» представителей элиты, не позволяющей им понять культуру народа.

Таким образом, любое протестное движение, отказывающееся в легитимности действующему правительству, выступает под лозунгами патриотизма. Охранительная позиция склонна обвинять в антипатриотизме любую оппозиционную силу.

В наши дни поиск ответа предельно усложняется рядом факторов. Прежде всего, речь идет о процессах интернационализации и глобализации политики, размывании национальных культур и универсализации моделей легитимации, — т. е. о процессах, которые поставили в центр политических и политологических дискуссий вопросы о роли государства и пределах его суверенитета в современном мире, о возможности сохранения политического курса, не зависящего от позиции мирового сообщества.

К ним примыкают и споры о формировании патриотической позиции и способах трансляции культурного образца в целом. Среди «усложняющих факторов» решения данной проблемы — ситуация мультикультурализма, ценностного плюрализма внутри одного государства при совпадении культурных паттернов аналогичных community разных стран.

Безусловно, было бы не вполне корректным «винить» во всем этом наполеоновское нашествие на Россию. Но столь не оспоримым представляется тот факт, что именно Отечественная война 1812 года послужила мощнейшим стимулом формирования мировоззрения, которое, противопоставив патриотизм как любовь к отечеству, с одной стороны, и поддержку государства, с другой, отказало российскому самодержавию в легитимности, — мировоззрения, столь значительно повлиявшего на судьбы нашей страны и всего мира.

СОЛОВЬЕВ А.В.

«Русская кампания»
или «Отечественная война» 1812?

Отечественная война 1812 года является важной вехой в истории России, но нельзя сказать, что она хорошо исследована историками, политологами, экономистами, социологами и другими специалистами. Это относится как к отечественным, так и к зарубежным исследователям. В этом смысле интересно, как освещается это событие в нашей стране и во Франции, странах-протагонистах этого судьбоносного события в европейской и мировой истории.

Во французской историографии это историческое событие, круто изменившее ход европейской истории первой половины XIX века, принято называть «русской кампанией», в то время как в нашей литературе ее называют «отечественной войной 1812 года». Почему так сложилось, и есть ли в этом какой-то политический смысл?

Сразу после войны появились достаточно многочисленные произведения о войне, носившие в значительной мере мемуарный и историографический характер, что не уменьшает их значения, так как они воспроизводили воспоминания очевидцев этого события, ценные своим фактологическим аспектом. Здесь уместно упомянуть таких авторов, как: Д. Бутурлин, М.Б. Барклай де Толли, М.И. Богданович, Е.В. Тарле, Ж. де Шамбрэ, М. Мортонваль, Ф. де Сегюр, К. Клаузевиц и др. Но уже тогда наметилась тенденция описания политического контекста событий Отечественной войны 1812 года и последовавшей кампании по освобождению Европы от Наполеона. Отдельные моменты такого подхода можно найти у участника войны К. Клаузевица в его работе «1812 год». Также мы встречаем элементы такого рассмотрения событий войны 1812 года у отечественных авторов. В своем трехтомном труде «История отечественной войны 1812 года, по

достоверным источникам» (1859 г.) М.И. Богданович подчеркивает заслуги отечественных и иностранных авторов в описании событий минувшей войны: генерала Бутурлина, генерала Михайловского-Данилевского, Милютина, Смитта, Гепфнера. Он отмечает, что при множестве иностранных сочинений о войне 1812 года «ни одно из них не соответствует ни важности предмета, ни современному состоянию науки»¹. Он делает исключение для нескольких описаний Отечественной войны 1812 года: «Воспоминания принца Виртембергского (*Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812 in Russland*), Записки графа Толя (*Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll*) и генерала де Шамбрэ «История похода в Россию» (*Histoire de l'expédition de Russie*). Кстати, последний автор стал родоначальником направления в философии, получившим название «философия войны». М.И. Богданович справедливо замечает: «При описании войны нельзя обойтись без сличения показаний обеих сторон, которое лишь одно может послужить к беспристрастному исследованию истины»². Это суждение в методологическом отношении остается актуальным не только в плане событийного аспекта войны, но особенно для политической оценки ее самых различных сторон. В этом капитальном труде автор продемонстрировал не только качества военного историка, но и незаурядные способности политического аналитика. Безусловно, его исследование носит исторический характер, но сопровождается рассуждениями о политических предпосылках войны, которые органично вплетены в повествование о событиях войны. В частности, в приложениях к тому I, мы находим переписку Императора Александра I с Наполеоном перед войной 1812 года, которая проясняет политическую сторону истоков войны. Если в письмах к Александру I, датированных 1810 годом, Наполеон обращается к нему «Господин Брат мой» и заверяет в своей дружбе и глубоком уважении, в «неизменных чувствах, которые не подвластны времени и событиям»³, то в письме от 28 февраля 1811 г., не меняя обращения, он

¹ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. СПб., Тип. Торгового дома С. Струговщика, Г. Похитонова, Н. Водова и Ко, 1859. Т. 1. С. IV.

² Там же. С. V.

³ Там же. Т. 1. С. 436–438.

предъявляет ему претензии политического характера, указывая на возможность войны между Францией и Россией: «В.В., разрыв союза и нарушение Тильзитских соглашений делает очевидным, что несколькими месяцами раньше или несколькими месяцами позже за этим последует война»⁴. В другой статье, опубликованной в «Военной библиотеке» под названием «Положение дел в политическом отношении при открытии похода во Францию 1814 г.» (1864 г.), вошедшей позднее в его книгу «История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I, по достоверным источникам», М.И. Богданович акцентирует внимание на политическом аспекте исторических фактов.

Оценки событий того периода у французских и отечественных авторов отличаются друг от друга. Это очевидно проявляется в политической и военной оценке Бородинского сражения, пожара в Москве, партизанского движения и т.д.

Показательно отношение к начавшейся войне, нашедшее отражение в обращениях, сделанных главами воюющих государств. Воззвание императора Александра I к своим подданным пронизано политическим содержанием, смысл которого заключается в спасении веры, престола и царства. Его слова наполнены высоким государственным пафосом. Наполеон же в обращении к своим войскам перед Бородинским сражением (называемым французами «битвой при Москва-реке») совершенно иначе расставляет акценты. В его послании звучит захватнический призыв, обращение к земным желаниям воинов, к их тщеславию: «Солдаты! Вот та битва, которую вы так желали. Теперь победа зависит от вас; она нам необходима; она даст нам изобилие, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение на родину. Поступайте, как вы это делали в Аустерлице, Фридланде, Смоленске, и пусть самые отдаленные потомки приводят в пример ваше поведение в этот день; пусть говорят о вас: Он участвовал в этой великой битве под стенами Москвы»⁵.

В анализе войны 1812 года заметны два подхода к ее трактовке. Это трактовка авторов, представляющих победившую сторону, и трактовка представителей побежденной державы.

⁴ Там же. С. 441 (перевод авт.).

⁵ *Mortonval M. Histoire de la guerre de Russie en 1812. 2-eme partie. Paris: Ambroise Dupont et C-ie, Libraires. 1829. P. 2-3, (перевод авт.).*

В определенном отношении, позицию нейтрального наблюдателя занимает К. Клаузевиц, участвовавший в этой войне на стороне России. В ряде случаев он критикует действия русских, пытаясь быть объективным в оценке той и другой стороны.

Интересно то, как называют эту войну французы и русские. Для французов — это «кампания 1812 года». Для русских — это «отечественная война 1812 года». Лексический аспект этой проблемы достаточно показателен. Несмотря на то, что «кампания» и «война» являются синонимами, эти понятия, на наш взгляд, совпадают не полностью. Здесь есть и этимологические расхождения и языковая практика их применения к определенным типам военных событий. В термине «кампания» акцент делается на военной стороне событий, в слове «война» в большей степени проявляется общественно-политическая и нравственная составляющие. Применительно к данному историческому событию трудно воспринимается словосочетание «народная кампания», и вполне нормально звучит «народная война». Для французов это была военная кампания, в которой Наполеон ставил политические цели, но характер военных действий, их предполагаемая небольшая длительность и предвкушение скорой победы определили имя, которое было присвоено этому военно-политическому событию. Кроме того, слово «война» (фр. *guerre*) восходит к германским корням и имеет значение «защита» или «оборона». Этот корень присутствует в названии современных вооруженных сил Германии (вермахт). Конечно, со стороны Франции, ни о какой обороне не шло речи. Кстати, участие русских войск в боевых действиях против войск Наполеона после их изгнания из России тоже носит название «заграничные походы» или же, «кампания», указывая на то, что действия происходят за ее пределами. Французы понимают отличие этих терминов, поэтому военные действия между наполеоновскими и испанскими войсками в Испании они называют «войной». Участие народных масс Испании в сопротивлении французам определили ее народный характер, который проявился в широком партизанском движении, получившим название «герилья». Это имя стало нарицательным во многих европейских языках (особенно романской группы) для обозначения партизанской войны.

Партизанская война против армии Наполеона в России проявила наличие в российском государстве центростреми-

тельных сил, направленных на сохранение системы взаимосвязей между различными слоями общества в борьбе против внешнего врага, наличие которого на какой-то период времени, как правило, сглаживает внутренние социальные и политические противоречия внутри государства. Партизанское движение в Отечественной войне 1812 года состояло из двух частей. Во-первых, это партизанские отряды, сформированные из регулярных частей (летучие отряды), а также из казаков. Этими армейскими партизанскими отрядами командовали опытные офицеры: Д. Давыдов, А. Сеславин, А. Фигнер и др. Во-вторых, это стихийно возникшее крестьянское партизанское движение под руководством Е. Четвертакова, С. Ерёменко, Е. Васильева, В. Кожинной, Г. Курина и др. Народная партизанская война была лишь одной из форм сопротивления русского народа иноземному захватчику. Кроме нее существовало пассивное сопротивление — уничтожение продовольствия и фуража, поджоги собственных домов, уход в леса и т.д. Еще одной формой участия русского народа в борьбе с нашествием Наполеона было массовое участие в ополчении. Масштаб народного сопротивления захватчику имел большое значение не только с военной точки зрения, но и с политической, так как способствовал укреплению национального духа россиян. Партизанское движение, объединившее, как ни странно, «угнетателей» и «угнетенных» стало знаковым событием того периода. Развернувшаяся партизанская война служила делу объединения людей различных сословий. В целом, Отечественная война способствовала превращению народа в нацию, явилась фактором формирования национальной идентичности.

Для России война 1812 года стала испытанием на прочность, проверкой жизнеспособности политической системы, инструментом интеграции общества. Интересно то, как называют переломное сражение в ходе войны при селе Бородино. В отечественной истории оно известно как «Бородинское сражение (битва)», у французов, как уже говорилось выше, «сражение при Москва-реке». Для русских это было сражение, которое предполагало дальнейшее сопротивление врагу. Кутузов и Александр I не предполагали разбить Наполеона в этом сражении, но рассчитывали нанести ему урон, который охладил бы завоевательный пыл «корсиканского чудовища». Да и Москва-река не была тем естествен-

ным рубежом, который играл бы исключительную стратегическую или тактическую роль при выборе места для предстоящего сражения. А для французов топоним, связанный с вожделенной целью (захватом столицы противника, определявшим по сложившейся в Европе традиции капитуляцию побежденного), имел большое значение. Надежда на победу ободряла императора. Он умело использовал возможности воздействия на умы своих солдат, офицеров и генералов. Перед началом сражения, когда утренние солнечные лучи, рассеяли ночной туман после дождя, шедшего накануне, и возвестили погожий день, Наполеон заметил громким голосом: «Вот солнце Аустерлица!». Это предсказание счастливого исхода вызвало аплодисменты командующих армиями, стоявших вокруг императора. Психологическая установка на победу была дана. Утверждать, что Наполеон был уверен в предстоящей победе, трудно. Есть свидетельства, говорящие о его не самой лучшей психологической форме в этот день. Это приписывают головной боли, насморку, урологическим проблемам императора⁶, но точного объяснения того факта, почему Наполеон не ввел в бой резерв для достижения неоспоримой победы, не приводит никто. Существует предположение, что он опасался, что не достигнет этим поставленной цели и лишится сил необходимых для дальнейшей борьбы с русскими. Видимо, в ходе сражения французский император осознал неизбежность дальнейших серьезных военных действий против армии Кутузова и постарался сохранить наиболее боеспособные подразделения для будущих событий. Скорее всего, именно неуверенность в возможности разгрома русской армии заставила его первым вывести свои войска из сражения.

Наполеон I обладал рядом преимуществ, которые он не сумел в полной мере использовать в ходе «русской кампании». Одним из таких преимуществ было то, что он в одном лице соединял верховную политическую и военную власть. Это давало несомненный выигрыш в быстроте принятия решений и в контроле их реализации. В этом смысле русская сторона компенсировала названное преимущество тем, что

⁶ См.: Земцов В.Н. «Французское» Бородино. Французская историография Бородинского сражения // Отечественная история, 2002. № 6. С. 40, 41, 44, 45.

действовала не по правилам («варварские обычаи»). Тем самым она девальвировала преимущество французов, лишив Наполеона возможности использовать военное превосходство, и тем самым сделав невозможным диктовать свою политическую волю Александру I.

В наше время часто возникает вопрос, является ли война 1812 года примером столкновения цивилизаций? Скорее нет, чем да. Вместе с тем, этот вопрос не столь беспочвен. Для определенной части населения России того времени вторжение Наполеона в Россию ассоциировалось с пришествием «антихриста». А со стороны французов Россия не воспринималась как представительница европейской культуры. Некоторые стереотипы, касающиеся образа жизни россиян, бытуют у французов до сих пор. Интересен факт, что и по сей день русский язык в университетах Франции изучается на факультетах восточных языков. Известно также, что император Франции говорил о России как о великой варварской стране. Верил ли он сам в это? Вряд ли, так как он обращается к главе российского государства как к равному себе и даже, более того, как к «брату». Но в политическом отношении использование образа варвара в отношении своего противника развязывает руки завоевателю и обосновывает право на завоевание и установление своих порядков на завоеванной территории, а также многое позволяет по отношению к населению «варварской страны». Такие случаи имели место в ходе войны со стороны французской армии, что вызвало у российского народа возмущение и гнев по отношению к завоевателю. Это прослужило одной из причин упорного сопротивления со стороны населения России и возникновения массового партизанского движения. Об этом пишет в своих дневниках Н.Н. Муравьев: «Не доходя одним переходом до Смоленска, мы на пути завтракали у помещика Волка, у которого были две прекрасные дочери лет двадцати. Слышалось впоследствии, что девицы эти увезены были французами и обруганы. Подобными неистовствами, часто повторяющимися, французы озлобили против себя народ»⁷.

⁷ Муравьев Н.Н. Записки. // Письма русского офицера. Мемуары участников войны 1812 года. М., Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2012. С. 208.

Война 1812 года привела в движение огромные массы людей как с одной, так и с другой стороны. Были необходимы меры по реформированию армии. Французам это удалось в большей степени, но и русская армия подверглась определенной модернизации, что положительно сказалось в дальнейшем. Война потребовала совершенствования различных способов ее ведения и обеспечения. Здесь можно говорить о тех прототипах «информационной войны», которые практиковались, особенно французской стороной⁸. Это касалось вопросов, связанных с людскими потерями, проблемой победы в сражениях, превосходстве в военном искусстве и ряда других аспектов военно-политического противоборства⁹. Существует очевидное различие в оценке Отечественной войны 1812 г. Событийная основа в целом совпадает (хотя не совсем: например, по поводу пожара в Москве), но то, что касается характеристики событий, есть существенные различия. В этом в какой-то степени проявляется психология побежденного и победителя. Проблема победы в войне имеет большое значение. Французы проиграли войну, но признаться в поражении трудно даже перед собой. Поэтому поиск удовлетворительного объяснения случившемуся является способом утешения уязвленного самолюбия. По французским источникам, армия Наполеона почти по всем параметрам превосходила русскую армию, но парадоксальным образом русские победили Великую армию и освободили Европу от наполеоновского ига.

Французский император сразу же после Бородинского сражения оценил его результат как бесспорную победу французов. Одним из аргументов являлись потери русских на поле битвы. Они значительно больше у русских. Объясняя причины этого, можно говорить о гениальности французского полководца, об огромном боевом опыте французских генералов, офицеров и солдат. Но нельзя забывать о том, что большие потери были вызваны решимостью русских, защитить свое отечество, свой уклад жизни, свой суверенитет.

⁸ См.: *Безотосный В.М.* Наполеоновские разведывательные службы в кампании 1812 г. // Новая и новейшая история, 2004. № 4.

⁹ См.: *Земцов В.Н.* «Французское» Бородино. Французская историография Бородинского сражения // Отечественная история, 2002. № 6. С. 38–51.

Даже большие потери (убитыми и ранеными) не сломили духа русской армии и не вывели ее из состояния боевой готовности, напротив, они свидетельствовали о воле к победе и готовности к самопожертвованию (взятых в плен русских было немного, около 800 человек). Это объясняется рядом факторов, среди которых важное место занимает патриотизм и уверенность в правоте дела, за которое сражались наши соотечественники. М.И. Кутузов, в свою очередь считал, что победа была одержана его войсками, что вызывало раздражение французского императора.

Численные потери русских войск (особенно, по французским источникам) вызывают, на первый взгляд, некоторое удивление. Обычно наступающие войска несут большие потери, чем обороняющиеся. Чем же в случае Бородинского сражения объясняется парадоксальное количество потерь русских войск? Кроме боевого опыта и полководческого гения Наполеона следует искать объективные причины. Убедительный ответ можно найти у Клаузевица, объяснявшего большие потери у русских чрезмерной плотностью их боевых порядков, слишком близким расположением резервов, беспримерной теснотой и глубиной построения. Это делало позиции русских войск уязвимыми для французской артиллерии. Вместе с тем, он оправдывает выбор данного рубежа для сражения, так как, по его мнению, других, более выгодных позиций, перед Москвой не было. Вообще, вопрос о потерях с той и с другой стороны достаточно спорный и запутанный. Для Наполеона большие потери русских войск были косвенным показателем его военной (а в перспективе, может быть, и политической) победы. Он был заинтересован в преувеличении численности потерь со стороны русских, так как это психологически положительно воздействовало на его войска и поддерживало его собственный имидж как непобедимого полководца. Через три дня после Бородинского сражения в Можайске в собственноручно составленном французским императором 18-м бюллетене Великой армии, пытаясь представить исход битвы как решительную победу, он оценивает французские потери в 10 тыс. человек, а русские — в 40–50 тыс.: «Не было подобного поля битвы. Из шести трупов один принадлежал французу, а 5 — русским». Если цифра потерь среди русских осталась приблизительно той же на протяжении столетий, то численность потерь фран-

цuzов постепенно увеличивалась, приобретая реальные очертания, и постепенно достигла 28–30 тыс. (А.-Р. Рамбо) и даже 35 тыс. бойцов (Ж. Блонд)¹⁰.

В поиске причин возникновения войны также видны определенные расхождения французских и российских точек зрения, особенно в современной литературе. Одним из достаточно распространенных во Франции объяснений является демографическая трактовка военно-политических событий¹¹. Методологическое обоснование этого подхода можно найти у таких известных французских социологов, как А. Сови и Г. Бутуль. Они указывают на демографический фактор как причину войн, побед и поражений. В этом смысле отечественные трактовки представляются более разносторонними и убедительными, так как не сводят причинно-следственную связь к одному фактору.

Вместе с тем, достаточно интересны новые прочтения исторических событий этого периода во французских источниках. Например, в почти четырехсотстраничной книге Мари-Пьер Рей «Страшная трагедия: новая история русской кампании»¹², вышедшей в январе 2012 г. в издательстве «Фламарион», автор пытается по-новому преподнести события войны 1812 года.

Такие отсроченные переосмысления событий минувших лет становятся весьма распространенными в ряде стран. Возник литературный жанр, названный «ухронией»¹³, основанный на «переписывании» истории. Такое искажение истории также называют «альтернативной» или «контрафактной» историей. Подобную трактовку событий войны 1812 года мы можем найти в романе экс-президента Франции В. Жискара

¹⁰ См.: Земцов В.Н. «Французское» Бородино. Французская историография Бородинского сражения // Отечественная история, 2002. № 6. С. 46, 48.

¹¹ Fugier A. La Révolution française et l'Empire napoléonien. Paris, 1954.

¹² Marie-Pierre Rey. L'Effroyable Tragédie : Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. Paris, Flammarion, coll. « Au fil de l'histoire », 2012.

¹³ Термин «ухрония» введен французским философом Ш. Ренувье в 1857 г. в рамках его теории, являвшейся утопической реконструкцией истории, рисовавшей воображаемую Европу в случае победы Наполеона в битве при Ватерлоо. Неологизм был создан по аналогии с термином «утопия», введенным Т. Мором в начале XVI в.

д'Эстена «Победа Великой армии» (Изд-во Plon, 2010 г.). Он воображает ситуацию, когда армия Наполеона побеждает в 1812 году русскую армию. После взятия Москвы, не дожидаясь холодов, еще до пожара Наполеон отводит свои войска из России и победно возвращается в Париж. Император устанавливает мир в Европе и превращает Францию в первую сверхдержаву. Показательно, что сам Наполеон широко использовал в воспоминаниях свои герменевтические способности толкования реальных событий. Он не придумывал факты, а лишь искусно истолковывал их, способствуя созданию легенды о себе и создавая свою версию событий.

Но историю трудно переписать. И как бы ни объяснял побежденный причин своего поражения, оно остается историческим фактом. Вольно или невольно, это находит отражение не только в трудах исследователей, но и в художественном оформлении их работ. На обложке книги Жака-Оливье Будона¹⁴ «Наполеон и Русская кампания 1812 года», вышедшей в издательстве Арман Колен в 2012 г., изображен французский улан, сидящий в печальной позе на трупе своей лошади посреди заснеженной русской равнины. Невольно вспомнилась похожая фотография, часто печатавшаяся в советское время: немецкий солдат, сидящий на станине своего разбитого орудия и зажавший голову руками. Можно предположить, о чем думает поверженный завоеватель, распрощавшийся с иллюзиями обещанного мирового господства. Очевидно, что история мало чему учит, если такие события повторяются. То, что они могут повторяться, уже в ходе войны 1812 года предсказывал Ф.Н. Глинка: «Настоящее повторяется в будущем так, как прошедшее в настоящем! Пройдут времена; лета обратятся в столетия, и настанет опять для некоего из царств земных период решительный, подобный тому, который ныне покрыл Россию пеплом, кровью и славою...»¹⁵. Только он не мог представить, что такого рода испытание вновь выпадет на долю России через сто двадцать девять лет и продлится четыре года.

Искажая историю, адаптируя ее к своим желаниям, целям и задачам, авторы вольно или невольно изменяют сло-

¹⁴ Жак-Оливье Будон, преподаватель современной истории в университете Париж IV – Сорбонна, Президент Института Наполеона. Является одним из ведущих специалистов и авторов работ по наполеоновской эпохе.

жившуюся политическую реальность, провоцируя нарушение стабильности и предсказуемости отношений между странами и народами. В этом смысле положительным является практика обращения к истокам событий. Публикация документов и свидетельств современников помогает людям разобраться в событиях, значение которых остается национальной ценностью для многих россиян. Здесь хотелось бы упомянуть изданную в 2011 г. Государственной публичной исторической библиотекой России к 200-летию Отечественной войны 1812 года книгу «Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала “Русская старина”».

Попытки французских исследователей объяснить поражение Великой Армии в «русской кампании» носят в большинстве случаев традиционный характер. Среди причин они называют пространство, климат, неистощимые человеческие ресурсы России, «варварские» обычаи русских, поджегших свою столицу. Однако поражение наполеоновской армии было вызвано целым рядом причин, среди которых названные предполагаемые причины могли играть определенную роль. Попытка свести поражение в войне к одному фактору не выдерживает критики. Это подметил еще К. Клаузевиц, утверждая: «... было бы переоценкой единичного фактора смотреть на пожар Москвы как на главную причину неудачи всего похода; обычно французы делают эту ошибку»¹⁶. Главные причины носили политический характер. Немецкий военный историк ясно указывает на это: «Отступление Наполеона было неизбежно, и самый поход его оказался неудавшимся с той минуты, когда император Александр отказался заключить мир. На достижении этого мира были построены все расчеты; в этом отношении Наполеон, конечно, ни минуты не обманывался»¹⁷. И чем дальше от нас это поворотное событие начала XIX века, тем понятнее политическая составляющая победы России. Талантливый русский

¹⁵ Глинка Ф.Н. Описание отечественной войны 1812 года до изгнания неприятеля из России и переход за границу в 1813 году // Письма русского офицера. Мемуары участников войны 1812 года. М., Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2012. С. 132.

¹⁶ Клаузевиц К. 1812 год. Изд. 2-е. М., Гос. воен. изд-во Наркомата Обороны СССР, 1937. С. 132.

¹⁷ Там же. С. 133.

и советский военачальник и теоретик. А.А. Свечин писал по этому поводу: «Полагаясь на тройное превосходство в численности своей армии, на превосходство своего стратегического и тактического военного искусства над русским управлением, Наполеон отказался от использования политических лозунгов, без которых большие завоевания, однако, не делаются»¹⁸. Для этого, по мнению Свечина, у Наполеона были веские причины. В то же время русские, со своей стороны, широко использовали политическое оружие как для борьбы в тылу Наполеона, так и в рядах его армии. Работа направлялась по трем линиям — немецкой, польской и южнославянской¹⁹.

В заключение следует отметить важность политической составляющей в любой войне, как бы она не называлась. Для россиян события 1812 года останутся «отечественной войной», а для французов «русской кампанией», в которой Наполеон потерпел поражение. Думается, что 200-летие важного исторического события, повлиявшего на ход мировой истории, послужит импульсом для новых глубоких исследований в этой области.

¹⁸ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., Академический Проект; Жуковский: Кучково поле, 2002. С. 329.

¹⁹ См.: там же. С. 330.

ВАСЛАВСКИЙ Я.И.

Наполеон Бонапарт и панъевропейская идея*

Великая французская революция и европейская военная кампания Наполеона Бонапарта оказали фундаментальное влияние на баланс сил на континенте. Новый французский император стал настоящей угрозой для сообщества европейских монархов, и объединение их усилий в борьбе с возмутителем спокойствия не вызывает удивления, равно как и Венский конгресс 1815 г., формально закрепивший реставрацию «донаполеоновского» состояния Европы.

В основе масштабного проекта Наполеона лежала идея создания «большой Европы» во главе с наиболее развитой, по мнению завоевателей, Францией. Одновременно взгляды и действия Наполеона обусловили формирование и развитие рядом европейских деятелей науки и культуры альтернативного видения Европы и ее будущего. Несмотря на существенные различия, взгляды Наполеона и его идеологических оппонентов объединяла общая идея единого европейского дома. Расходились идеологи указанных позиций в определенных аспектах данной идеи, способах, методах и средствах ее претворения в жизнь.

В данной публикации автор предпримет попытку сравнительного анализа идеологических оснований политики Наполеона Бонапарта и воззрений его идейных оппонентов с целью продемонстрировать фундаментальное влияние, которое обе перспективы оказали на дальнейшее развитие

* Данный материал был подготовлен автором по результатам научно-исследовательской стажировки на факультете международных отношений Лондонской школы экономики и политической науки (ЛШЭ), которая проходила в мае-июне 2011 г. в рамках совместного проекта МГИМО-Университета и ЛШЭ по изучению влияния наполеоновских войн на историю Европы. Совместный проект университетов реализуется на средства Благотворительного фонда Ф. Паулсена.

европейского континента. Данное влияние явственно ощущается и в наши дни, находя свое выражение в идеологическом фундаменте Европейского Союза.

Краткий полезный исторический экскурс

Если бы обыватель в XVIII в. пожелал получить представление о европейском континенте и обратился к «Энциклопедии» Д. Дидро, наиболее авторитетному тогда изданию и плоду эпохи Просвещения, он обнаружил бы совсем немного информации. Автор статьи о Европе французский философ-просветитель Луи де Жокур после объяснения происхождения ее названия отмечал, что Европа — это самый маленький из континентов, но в то же время — наиболее богатый и цивилизованный¹. Такая уверенность авторов Энциклопедии в превосходстве Европы подтверждалась главным — концентрацией ресурсов и технологий, хотя континент и уступал Азии по численности населения.

В своей работе «О духе законов» французский философ Ш.-Л. де Монтескье отметил другую важную черту, которая отличала Европу от остального мира, в особенности от Азии, с которой она составляет один материк. Бескрайние равнины Азии, не разделенные реками и горами, благоприятствуют развитию империй, поскольку только власть деспота в состоянии контролировать такие пространства. В Европе же существование естественных границ предопределило относительно небольшой размер государств, что, в свою очередь, способствовало укреплению духа независимости, свободы и осложняло создание и развитие империй.

Между тем, на практике в начале XIX в. было неясно, где начиналась и заканчивалась Европа. Границы ведущих западноевропейских держав в XVIII в. значительно не изменялись. Что касается восточной части континента, то исследователи не всегда относили ее к Европе. Так, Вольтер, как и Монтескье до него, не называл Россию европейской страной, а понятие «Восточная Европа» в целом пребывало еще в зачаточном состоянии².

¹ Encyclopédie, repr. of the 1756 ed. Stuttgart: 1966–1967. Vol. 6. p. 211–212.

² Подробнее см.: Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization and the Map of Enlightenment / Larry Wolff. Stanford: Stanford University Press, 1994.

С культурной точки зрения существовал консенсус относительно того, что Европа стала наследницей греческой и римской цивилизаций, а неотъемлемой частью ее культурной идентичности является христианство³. Оно, в свою очередь, способствовало развитию терпимости и гуманности в противовес деспотизму. Общее культурное пространство стимулировало развитие интеллектуального обмена между европейскими аристократами, писателями, учеными.

Вместе с тем, несмотря на существование такого широкого интеллектуального сообщества, слово «европейский» не означало тогда чего-либо принципиально отличного от «французского», «испанского», «английского» и т.д. В коллективном образе XVIII в. государства континента были самостоятельными единицами, тесно связанными в торговом и культурном отношениях, но разделенными экономическими, династическими и территориальными противоречиями.

Иными словами, отношения между европейскими государствами предполагали наличие соперничества. Интеллектуалы могли желать мира и развития торговли, но международные отношения оставались предельно реалистичной игрой с нулевой суммой в экономическом и территориальном аспектах. Патриотизм и любовь к своей стране, таким образом, означали, как минимум, неприязнь к другим государствам.

Войны, которые практически непрерывно шли в Европе с 1792 по 1815 гг., являются наиболее длительным периодом военных действий на континенте с начала XVIII в. Эти войны, которые принято называть «наполеоновскими», имели место на важнейшем для Европы этапе экономического развития, когда плоды промышленной революции, начавшейся в Англии, стали ощущаться в различных уголках континента. Военная кампания, направленная на покорение Европы, началась, однако, не в Англии, а во Франции, представлявшей собой в то время самую крупную военную державу, способную в одиночку противостоять не просто отдельным государствам, а целым коалициям, что продемонстрировали революционные войны и войны Империи. В отличие от военных конфликтов минувшего столетия, наполеоновские войны не повлекли за собой масштабных разрушений, одна-

³ Подробнее см.: *Voltaire. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations*, ed. by René Pomeau / Voltaire. Paris: Garnier, 1963.

ко имели серьезные экономические последствия для всего европейского континента⁴.

И роялисты, и либералы считали наполеоновский режим неизбежным результатом Великой французской революции, имевшей в качестве теоретического фундамента концепцию неограниченного народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо. Бенжамен Констан называл его «узурпацией», мадам Анна де Сталь и Анри Сен-Симон — «военным деспотизмом». Уже впоследствии, после реставрации Бурбонов, этот режим стали называть «бонапартизмом»⁵. Впервые термин «бонапартизм» был предложен в 1816 г. и мог указывать как на режим, созданный Бонапартом, так и на политическое течение, вдохновленное его сторонниками⁶.

Что же произошло с пространственным понятием о Европе, когда существовавшая структура политических взаимодействий на континенте начала рушиться в последнем десятилетии XVIII в. из-за революционных войн во Франции и ее последующей трансформации в империю с установлением бонапартистского режима? Когда Франция в 1792 г. объявила войну Австрии и Пруссии, большинство ожидало увидеть отчаянную оборону французской территории от превосходящих сил иностранных армий. Однако 20 лет спустя, в 1812 г., подданными Франции являлись уже около 40 млн. человек при собственном населении страны около 28 млн. К этому следует добавить примерно 35 млн. человек из стран-«сателлитов» Франции, что в целом составляло до 40% населения Европы⁷.

Результаты большинства предпринимаемых вплоть до сегодняшнего дня попыток охарактеризовать сущность наполеоновского правления не позволяют проанализировать роль одного из наиболее ярких лидеров Франции в развитии панъ-

⁴ *Crouzet F.* Wars, Blockade, and Economic Change in Europe, 1792–1815 / François Crouzet. The Journal of Economic History. Vol. 24. No. 4 (Dec, 1964). P. 567.

⁵ *Vardar B.* Structure Fondamentale du Vocabulaire Social et Politique en France de 1815 à 1830 / Berke Vardar. Istanbul: Edebiyat Fakültesi Basimevi, Impr. de la Faculté des lettres, 1973. — P. 207.

⁶ *Richter M.* Toward a Concept of Political Illegitimacy: Bonapartist Dictatorship and Democratic Legitimacy / Melvin Richter // Political Theory. Vol. 10. No. 2 (May, 1982). P. 186.

⁷ *Ellis G.* Napoleon / Geoffrey Ellis. London: Longman, 1997. P. 86.

европейской идеи. Причины этому самые разные — от чрезмерного внимания к военному гению Наполеона Бонапарта до акцентов на его управлении исключительно Францией.

Получить наилучшее представление о политике Наполеона Бонапарта и ее последствиях для Европы, на наш взгляд, можно, только совместив ее рассмотрение с анализом мнений критиков главного деятеля Франции XIX в. Континентальная кампания Наполеона привела к формированию двух принципиально отличных разновидностей коллективной идентичности европейских государств. Эта двойственность возникла, с одной стороны, как результат политики Наполеона Бонапарта, его видения Европы и роли Франции в ней, а с другой стороны — как реакция отдельных представителей европейского интеллектуального сообщества на позицию Наполеона и предпринимавшиеся им действия.

Любопытно, что данный перцепционный дуализм сохраняется до сих пор и является причиной неопределенности современных взглядов, в том числе, о месте и роли Европейского Союза в жизни европейцев, их политике, экономике и культуре. Иными словами, события в Европе в конце XVIII — начале XIX вв. оказали значительное влияние на последующее развитие континента вплоть до наших дней.

*Империя Наполеона Бонапарта
и ее идеологические основания*

Первая разновидность коллективной европейской идентичности связана с амбициозными устремлениями французских революционеров, а также режимов термидорианцев и Наполеона Бонапарта. Она основывалась на убеждении, что поскольку Европа являлась наиболее цивилизованной частью света, а Франция — наиболее цивилизованной страной континента, то аналогичные реформы и модернизация Европы должны привести к появлению единой Европы. Необходимо напомнить, что после битвы при Бувине в 1214 г. Франция стала первой и веками оставалась единственной великой державой средневековой Европы. К 1789 г. она была самой населенной страной континента, имела богатое культурное наследие и широкое разноплановое влияние⁸.

⁸ Geiss E. European Revolutions and the European System / Imanuel Geiss // History of European Ideas. 1989. Vol. 11. p. 354–355.

Европейские философы-утописты эпохи Просвещения, в том числе Ж.-А. Кондорсе, полагали, что распространение равенства в рамках одного государства ведет к исчезновению неравенства между странами, а в более отдаленной перспективе — между Европой и остальным миром. В отличие от монархов, которые оспаривали между собой превосходство и эксплуатировали варварство и бедность народов по всему миру ради собственной коммерческой выгоды, деятельность свободных республиканских правительств во Франции и Америке должна была, по их мнению, рано или поздно положить конец военным конфликтам в Европе и колониализму за ее пределами⁹.

Разумеется, очевидны различия между убеждениями Кондорсе и его коллег о том, что «солнце рано или поздно взойдет для всех свободных людей» и более прагматичной позицией Наполеона Бонапарта, которая заключалась в том, что то, что является благом для французов, является таковым для всех остальных. Тем не менее, обе указанные перспективы апеллируют к одной и той же фундаментальной идентичности вне зависимости от этнической принадлежности, традиций, культуры или иных обстоятельств. Упразднение институтов «старой» монархии во Франции и утверждение новых принципов, основанных на свободе, равенстве и братстве, вывели на первый план укреплявшееся политическое, правовое и культурное единство европейских государств-наций.

Для доказательства данного тезиса достаточно провести анализ документов французских революционеров. Главным таким документом, в котором нашли свое выражение универсалистские устремления, стала Декларация прав человека и гражданина 1789 г.¹⁰, в которой упоминалась не отдельно Франция, а все правительства и политические сообщества. В первоначальном понимании главенствующая роль Франции не должна была привести к насаждению французских стандартов и правил в других государствах и

⁹ Подробнее см.: *Condorcet J.-M. Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain*, ed. M. and F. Hincker / Jean-Marie Caritat de Condorcet. Paris: Editions Sociales, 1971.

¹⁰ Декларация прав человека и гражданина. 1789. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/dekl_pravfr.php.

уж тем более — не к их силовому завоеванию. Умеренные силы в Национальном собрании инициировали военную кампанию 1792 г. во многом не по внешнеполитическим, а по внутривнутриполитическим причинам и в связи с проблемами в самой Франции. Якобинцы отвергали логику «соревнования» между европейскими монархиями, которой руководствовались Бурбоны¹¹.

Во французской конституции 1791 г., главными принципами которой являлись индивидуальная свобода, личная неприкосновенность, независимое проявление личности в области веры, мысли, слова, а также политическая свобода, в смысле народного участия через представителей в законодательстве и управлении, четко постулировалась приверженность свободе и автономии (как минимум) других народов. В ней отмечалось, что Франция не будет вести завоевательных кампаний и использовать свою армию против свободы других государств и народов¹². Идеологическую лакуну между оккупацией и конфедерацией свободных государств Европы заполняли такие понятия, как «естественные пределы», «освобождение», «единство» и т.д.¹³

В данном контексте обозначились противоречия между принципами французских элит в 1790-е гг. и их практически шагами. Завоевательные устремления Франции нашли свое продолжение в период Директории — Голландия в 1795 г., северная Италия и Генуя в 1797 г., Швейцария в 1798 г. Однако одновременно стали очевидны сложности в продвиже-

¹¹ Furet F. Les girondins et la guerre: les débuts de l'Assemblée législative // F. Furet and M. Ozouf, eds., *La Gironde et les Girondins*. Paris: Payot, 1991; Schroeder P. *Transformation of European Politics, 1763–1848* / Paul Schroeder. Oxford: Clarendon Press, 1996.

¹² В частности, об этом говорил в своем выступлении в Национальной Ассамблее герцог Арманд Марк де Морморен (22 мая 1790 г.). Позднее этот тезис появился в шестой главе Конституции 1791 г.: «Французская нация отказывается от ведения каких-либо завоевательных войн и ни в каком случае не станет обращать свои вооруженные силы против свободы какого-либо народа». Подробнее см.: Конституция Франции 1791 г. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1791.htm>.

¹³ Подробнее см.: Richet D. *Frontières naturelles* // F. Furet and M. Ozouf, eds., *Dictionnaire critique de la Revolution francaise*. Paris: Flammarion, 1988.

нии ценностей Революции среди других народов, которые сами далеко не всегда разделяли их и были далеки от единства. Директория и затем французские консулы извлекали выгоду из проводившейся завоевательной политики, которая способствовала политическому и экономическому выживанию режимов. Французские революционные режимы в рамках новой идеологической концепции зачастую использовали логику, стратегию и тактику Бурбонов, в особенности это касалось комплектования (призыва) и развития армии, военных технологий, инженерной мысли и снабжения¹⁴.

Продолжая завоевания, французские политики и военачальники не могли полностью освободиться от универсалистских и, по сути, пацифистских убеждений якобинцев. В конечном счете, империя стала формой разрешения этого противоречия и своеобразной формулой, которая позволила Наполеону Бонапарту совместить приверженность превосходству Франции с единством европейских народов.

Попытки административной интеграции оккупированных территорий, введение наполеоновского кодекса, а также создание и развитие массивного бюрократического аппарата с включением в него местных элит на завоеванных территориях, были элементами общей политики, направленной на такое совмещение¹⁵. Необходимо отметить, что создание единого континентального кодекса законов всегда было одной из самых амбициозных целей правителей Европы, включая императора Юстиниана, испанского короля Филиппа II, Людовика XIV и, конечно, Наполеона Бонапарта. Фактическим современным воплощением этой идеи является Европейский суд¹⁶.

Наполеон полагал такую политику модернизации и административной унификации преимуществом своего режима, а также основанием его исторической легитимности. До конца своих дней Бонапарт оставался приверженным виде-

¹⁴ Более подробную информацию о преобразованиях во французской армии см.: Gat A. *The Origins of Military Thought from the Enlightenment to Clausewitz* / Azar Gat. Oxford: Clarendon Press, 1989. p. 25–53.

¹⁵ Подробнее см.: Woolf S. *Napoleon's Integration of Europe* / Stuart Woolf. London: Routledge, 1991.

¹⁶ Высший суд Европейского союза, решения которого не могут быть обжалованы.

нию своей империи как конфедерации, сходной по идеологическим основаниям с политическими конструктами в Древней Греции и в Америке.

С одной стороны, можно утверждать, что Наполеон уверенно подхватил знамя универсализма, или всеобщности, у своих предшественников и старался позиционировать себя как «универсального монарха»¹⁷. С другой стороны, все клише, которые получили режим и политика Наполеона, — «универсальная империя», «универсальное доминирование» и т.д. — во многом обусловлены реакцией европейской политической элиты, вызванной агрессивными внешнеполитическими действиями Бонапарта.

При анализе действий Наполеона необходимо учитывать, как минимум, два важных аспекта. Во-первых — то, что Бонапарт всегда анализировал различные возможности и в итоге выбирал наиболее практичный, хотя и не всегда наиболее реалистичный план («отрицательными» примерами здесь могут служить египетская и российская кампании). Во-вторых, внешняя политика Бонапарта постоянно пересматривалась и обновлялась в зависимости от обстоятельств и текущих потребностей. Применительно к системности действий Наполеона даже существует точка зрения, что у него никогда не было целостной имперской внешней политики¹⁸. Как утверждает ряд историков, Наполеон завоевывал ради того, чтобы завоевывать, у него не было долгосрочных стратегических целей¹⁹. Вместо них были краткосрочные цели, которые чаще всего заключались в необходимости победы над имевшимися оппонентами и в развитии континентальной системы под французской эгидой посредством экспансии. Поскольку каждая новая кампания означала для Франции и ее правителя появление новых противников, войны становились постоянными и могли прекратиться только в случае поражения Наполеона.

В ряде случаев французская оккупационная политика встречала сопротивление, и одним из примеров здесь может

¹⁷ *Dwyer P. Napoleon and the Universal Monarchy / Philip Dwyer // History. 2010. Vol. 95. P. 306.*

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *Schroeder P. Transformation of European Politics, 1763–1848 / Paul Schroeder. Oxford: Oxford University Press, 1996. Pp. xi, 230, 284, 393.*

служить Испания. Даже в странах, где французские войска изначально встречали как освободителей, вскоре активизировалось сопротивление: они постепенно превращались в оккупантов, поскольку активно использовали механизмы подавления, грабеж и репрессии для сохранения контроля над территориями и извлечения материальной выгоды. В довершение всего Франция стала активно разминать территории, примером чему может служить Кампо-Формийский мир, жертвой которого стала Венеция, поддерживавшая французов, но в результате указанной сделки оказавшаяся в руках австрийцев.

Бюрократическая унификация имела ограниченную практическую полезность и явно уступала по эффективности прямой, силовой форме реализации французских интересов. Тем не менее, несмотря на все издержки и нестыковки идеологических принципов с практическими шагами, империя Наполеона Бонапарта была неразрывно связана с универсалистскими традициями Просвещения и представляла собой новаторское для рассматриваемого периода видение европейской гегемонии Франции, резко контрастировавшее с предшествовавшими моделями соперничества европейских монархий и баланса сил на континенте.

*Отпозиция Наполеону
и ее основные идеологи*

Альтернативное видение общего «европейского дома», возникшее в результате революционных событий во Франции, предложили философы-либералы, не принявшие наполеоновскую имперскую модель. Основное отличие данного видения заключалось в неприятии амбициозных военных планов французских правительств. В своей критике продолжительной военной кампании и ее разрушительных последствий авторы концепции в конечном счете поставили под сомнение космополитические идеалы, которым были столь привержены наиболее влиятельные идеологи Просвещения.

Основные черты антиимпериалистского подхода изложены в работах А. де Сталь и Б. Констана. Эти авторы, хотя и работали в рамках французской традиции, родились на территории «дочерних республик», которых непосредственно коснулись империалистские устремления французских

режимов. Замок мадам де Сталь, находившийся недалеко от Женевы, на долгие десятилетия стал местом сбора политических эмигрантов и центром сосредоточения интеллектуалов, размышлявших о будущем европейской политики и культуры²⁰.

Критики объединения Европы под «руководством» Франции в основном придерживались логики известного философа и политического мыслителя Ш.-Л. Монтескье, который остро критиковал административный централизм французской монархии, считал его признаком абсолютизма, а подавление местной и региональной самостоятельности называл неотъемлемой чертой деспотизма. В частности, Монтескье писал: «Монарх, знающий положение каждой из своих провинций, может создавать различные законы и допускать существование разнообразных обычаев. Но деспот ничего не знает и ни за чем не может следить; его приемы всегда одинаковы; он всем управляет своею суровою волею, которая всюду одинакова; все уравнивается под его стопами»²¹.

В произведениях мадам де Сталь акцент сделан на национальную специфику в рамках европейской культуры и философии, в том числе на вкладе в континентальное наследие итальянских, испанских, германских и английских деятелей, который, по ее мнению, был малоизвестен и потому недооценен в самой «виновнице торжества» — Франции. Автор придерживалась идеи Монтескье о благотворном влиянии смешения народов севера и юга Европы, породившем разносторонность европейской культуры и многообразие национальных традиций, культурных особенностей и талантов. Революционные процессы во Франции и последовавшие военные кампании в этом контексте рассматривались как, прежде всего, заведомо непродуктивная попытка одностороннего навязывания культурных ценностей одной страны целому континенту. Мадам де Сталь критиковала политику «денационализации», которую, по ее мнению, проводил

²⁰ Kholer P. *Madame de Staël et la Suisse* / Pierre Kholer. Lausanne and Paris: Payot, 1916.

²¹ Монтескье Ш.-Л. О духе законов. Книга Шестая / Ш.-Л. Монтескье. Режим доступа: http://www.montesk.info/article/oduhe_kn1_104.html.

Наполеон Бонапарт, и считала, что Европа в состоянии освободиться от деспотизма только будучи сообществом наций²².

Таким образом, описываемое видение Европы не имело ничего общего с «республикой писем», в которой преобладали комплексные и «продвинутые» воззрения французских деятелей науки и культуры. Оно предполагало наличие интегрированной общности, основанной и зависящей от национальных культур и традиций для сохранения политической свободы и стимулирования оригинальности взглядов²³.

В своем сочинении «О духе завоеваний и узурпации власти» Б. Констан предпринял попытку показать отрицательные стороны империализма. По его мнению, в отличие от древних племен, которые боролись за выживание и для удовлетворения своих инстинктов, властители и полководцы XIX в. действовали хладнокровно, будучи движимыми только завистью. Разумеется, в данном случае можно возразить, что зависть также определяется инстинктами, но суть различий, на которые указывает Констан, ясна. В то время как древние империи уважали традиции и обычаи покоренных народов, оставляя им возможность культурной автономии, в рамках имперской модели XIX в. активно насаждались монополия и однообразие в сферах государственного управления, права, культуры и даже языка.

Чтобы представить себе масштабы такого подавления, достаточно вспомнить, что правители Священной Римской империи управляли подданными, говорившими на большом количестве разных языков, при этом сами императоры нередко знали несколько языков. Так, говорят, что Карл V Габсбург разговаривал на испанском с Богом, на французском — с любовницей, а на немецком — со своей лошадью. Также следует принимать во внимание динамику развития европейских языков. Известно, что многие языки, являющиеся сегодня в Европе языками меньшинств — бретонский, окситанский, валлонский, пьемонтский — ранее были доминирующими.

²² Подробнее о взглядах А. де Сталь на политику Наполеона Бонапарта см.: *Guillemin H. Madame de Stael et Napoléon / Henri Guillemin. Paris: Seuil, 1987; Balayé S. Madame de Stael, Lumières et Liberté / Simone Balayé. Paris: Klincksieck, 1979.*

²³ Подробнее см.: *Fontana B., ed. The Invention of the Modern Republic / Biancamaria Fontana. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.*

Уже тогда путешествовавшим по Европе было крайне важно оставаться понятыми при визитах в различные государства и территории.

Подавляя местные особенности, имперская модель оказывала разрушающее влияние на идентичность, чувство собственного достоинства покоренных народов, лишала их воли к сопротивлению и делала из них пассивных объектов реализации политических и военных амбиций завоевателей, готовых к восприятию любых сигналов²⁴.

В противовес «силовому» однообразию наполеоновской империи Констан предлагал идею ассоциации европейских наций, связанных торговыми интересами, а также общим стремлением к свободе и миру. Таким образом, деспотизм Бонапарта и, в частности, навязанные торговые ограничения в виде континентальной блокады Англии, представлялись как бессмысленные и напрасные, способные спровоцировать развитие антагонизма между европейскими государствами, прежде всего — между «свободной» Англией и остальной Европой. По мнению Констан, пока Англия оставалась свободной, триумф деспотизма был невозможен, так как тесные связи между ней и европейскими государствами позволяли вести ресурсный, торговый и культурный обмен и не допускать идейной монополии апологетов деспотизма.

Общее и частное

В сочинении Констан «О духе завоеваний и узурпации власти» предложено видение свободной от войн, ориентированной на континентальную торговлю, выступающей единым фронтом против деспотизма Европы. В такой Европе деньги свободно циркулируют сквозь национальные границы, граждане отказываются брать в руки оружие, если ясно не понимают причины, ради чего это необходимо делать, а также могут свободно передвигаться по Европе в поисках лучших условий для жизни и правителей. Очевидно, что воззрения Констан в различных формах нашли свое выражение сегодня в законодательстве, денежно-кредитной, миграционной политике и в других сферах жизнедеятельности и функционирования Европейского Союза. В данном кон-

²⁴ Fontana B., ed. *The Political Writings of Benjamin Constant* / Biancamaria Fontana. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. p. 73–74.

тексте видится их благотворное влияние на историческое развитие Европы.

Однако одновременно не следует забывать, что Констан создал этот труд буквально накануне поражения окончательного поражения Наполеона Бонапарта, что, возможно, отвлекает наше внимание от определенных недостатков предложенной им позиции для современной ему ситуации.

Прежде всего, можно предположить, что такая свобода была бы столь же подвержена различным рискам, в том числе нестабильности, от которой не была застрахована и империя Бонапарта. Доказательство этому является экономический кризис, последовавший за окончанием наполеоновских войн в 1815 г.²⁵

Парадоксально, но порой торговля столь же успешна в устранении национальных и местных различий, как и война. Она превращает население Европы в «большую массу людей, которые, несмотря на то, что имеют разные имена и формы общественной организации, фактически одинаковы по своей природе»²⁶. В таком свете долгосрочные последствия развития международной рыночной экономики ведут в том же направлении, что и имперские кампании — в сторону создания большого, безликого и потенциально недовольного рынка.

Безусловно, военные кампании Наполеона Бонапарта продемонстрировали европейским правительствам множество опасностей революций и несдерживаемых имперских амбиций. Одновременно в континентальной политике показала свою нежизнеспособность модель XVIII в., в рамках которой произвольный, даже спонтанный баланс между европейскими державами, реализующими свои национальные интересы, поддерживался исключительно торговым и военным соперничеством. Стало очевидно, что такое видение является нереалистичным и столь же утопичным для XIX и будущих веков, как идеалы всеобщего братства и мира, предложенные идеологами Просвещения.

²⁵ *O'Leary J.* Malthus's General Theory of Employment and the Post-Napoleonic Depressions / James O'Leary // *The Journal of Economic History*. Vol. 3. No. 2 (Nov. 1943). P. 186.

²⁶ *Fontana B.*, ed. *The Political Writings of Benjamin Constant* / Biancamaria Fontana. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 73–74.

В рамках продолжительного переговорного процесса, начавшегося с заключения Парижского мирного договора 1814 г. и продолжившегося на Венском конгрессе 1814–1815 г., оформилось новое представление европейских элит о будущей жизни Европы: политическая и военная стабильность, баланс сил на континенте не могли более зависеть от односторонних действий различных монархических династий на национальном уровне, конкуренции династий и их альянсов за влияние. Европе требовалось создание системы безопасности и развития, которую можно было бы контролировать и регулировать на континентальном уровне.

Общей позицией участников Венского конгресса являлось желание восстановить в статусе «законных» правителей-суверенов и в целом вернуться к положению дел, существовавшему до Великой французской революции, после которой начался интенсивный процесс реформирования внутриевропейских границ. Часть наполеоновских изменений, Конгресс, вместе с тем, принял решение сохранить: например, количество германских государств сократилось с трех сотен до «всего» четырех десятков, также была поддержана идея сохранения больших «буферных» государств для контроля над потенциально конфликтными зонами. Весьма радикальное предложение Пруссии о разделе Франции было отклонено, вместо этого последнюю восстановили в границах 1790 г., лишив всех завоеванных территорий, но де-факто сохранив за ней статус одной из ведущих европейских держав. Создание Четверного союза²⁷ позволило институционализировать механизм регулярных консультаций и согласованных действий между ведущими европейскими государствами и управлявшими ими монархическими династиями, связанными густой сетью различного рода связей, включая родственные.

Нежелание континентальных грандов возвращаться к старой и, по сути, самоуправляющейся системе отношений между европейскими государствами образца XVIII в. свидетельствовало о появлении нового видения будущего Европы, которое стало достойным ответом наполеоновскому империа-

²⁷ В Четверной союз, созданный в ноябре 1815 г., вошли Россия, Англия, Австрия и Пруссия. Союз был нацелен на проведение в жизнь решений Венского конгресса, в первую очередь относительно Франции. В дальнейшем переродился в Священный союз.

лизму. При этом следует учитывать, что формирование новых идеологических позиций было бы невозможным без самого Наполеона и его яркой политической и военной карьеры.

Одновременно необходимо отметить, что новая модель Европы, созданная по результатам Венского конгресса с преобладанием интересов великих держав в ущерб малым государствам, имеет очень мало общего с концепцией А. де Сталь и ее сторонников, в рамках которой север и юг Европы объединяются и «смешиваются» ради общего мира, свободы и сотрудничества.

Можно утверждать, что войны и прочие конфликты в Европе в XIX в. явились продолжением противостояния двух рассмотренных идеологических перспектив. Вместе с тем, Венский конгресс стал своеобразной «точкой невозврата» в процессе формирования современных представлений о Европе. После окончания наполеоновских войн европейская идентичность не представляла более простую совокупность отдельных традиций, религиозных и культурных особенностей. Идея о единой Европе обрела практическое политическое воплощение, и европейским государствам теперь требовалось определить и обозначить свое место в общем континентальном доме и видение взаимодействия с соседями, причем не только непосредственно граничащими с конкретным государством, а в целом в контексте континента. В дальнейшем панъевропейская идея, несмотря на разного рода конфликты и разрушительные войны, получила дальнейшее оформление, в XX–XXI вв. найдя свое воплощение в Европейском Союзе и его институтах.

Раздел III.
ВОЙНА 1812 ГОДА: ОБРАЗ И РЕАЛЬНОСТЬ

АЛАСАНИЯ К.Ю.

«Культурная память» о войне 1812 года в российской
и европейской общественно-политической мысли:
постановка проблемы

Понятие «культурной памяти» может обретать различные смыслы, в зависимости от того, в какой научной сфере и в каком терминологическом контексте оно рассматривается. Так, один из известнейших российских семиотиков Ю.М. Лотман через понятие памяти определяет культуру. В работе «Память в культурологическом освещении» Лотман пишет: «С точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, то есть надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, то есть пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы»¹. Следует подчеркнуть, что термин «текст» в семиотическом понимании есть осмысленное сообщение, логически завершенная последовательность знаков, относящаяся не только к языковым фрагментам, но к явлениям самого разного рода: литературным, историческим, музыкальным, живописным, архитектурным и прочим.

Сама культура, по Лотману, суть коллективная память. Следовательно, общая, коллективная память является культурной памятью. Однако культурная память не является хранилищем текстов, сообщений, событий, а пребывает в динамике: «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (то есть хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива

¹ Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн. 1992. С. 200.

и «как бы перестает существовать». <...> Память не является для культуры пассивным хранилищем, а составляет часть ее текстообразующего механизма»². Таким образом, согласно семиотической концепции, важнейшим свойством культурной памяти является потенция к актуализации событий прошлого.

Мысль об актуализирующей способности культурной памяти можно встретить в работах знаменитого французского социолога Мориса Хальбвакса. Однако данная концепция описана в других терминах. Хальбвакс говорит о том, что в общественном сознании неизбежно воспроизводятся коллективные воспоминания, которые представляют собой реконструкцию прошлого, происходящую под воздействием современности. Эти воспоминания, которые исследователь называет «коллективной памятью», необходимы обществу, поскольку конституируют ту или иную социальную группу, являются залогом ее идентичности³. Коллективная память оказывается инструментом, используемым для того, чтобы идентифицировать себя в современности. Понятия коллективной памяти и памяти культурной сближаются, поскольку речь идет о необходимости актуализировать воспоминания с целью понять ситуацию в настоящем. Культурная память есть нечто, что имеет отношение к прошлому, настоящему и будущему.

Соотнесенность культурной памяти с категорией времени рассматривается также в концепции немецкого историка культуры, египтолога Яна Ассманна. Ассманн подчеркивает, что любая культура немислима без воспоминаний живых об ушедших. Вместе с тем в рассуждениях историка повторяется мысль, о том, что культурная память обязательно связана с социальными группами, для которых она служит условием самоидентификации, укрепляя в них ощущение единства и собственного своеобразия. Она имеет «реконструктивный характер», то есть имплицитированные в ней ценностные идеи, степени релевантности, равно как и все

² Там же. С. 201.

³ См., например, *Halbwachs M. Les cadres sociaux de memoire*. Paris. 1925; *Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас*. 2005. № 2-3 (40-41). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>

транслируемое ею «знание о прошлом», непосредственно связаны с актуальной для настоящего момента ситуацией в жизни группы⁴.

Итак, в каждой из приведенных выше концепций ключевым является суждение о том, что в определенный момент времени, сообразуясь с потребностью, общество обращается к фактам прошлого, чтобы лучше понимать происходящее в настоящем и оценивать будущее. Культурная память представляет собой феномен коллективного сознания, который может быть формализован при определенных условиях в виде разнообразных текстов (в самом широком понимании этого термина), памятников культуры.

С точки зрения функциональности, культурная память, с одной стороны, выступает как инструмент самоидентификации народа. С другой, — является отражением национального характера, менталитета нации.

Концепцию национального характера в научном сообществе принято относить к разряду дискуссионных. Действительно, единой точки зрения на данный феномен нет. Однако существует достаточно обширная база философских, исторических, культурологических исследований, в рамках которых утверждается существование некоторой совокупности характеристик (преимущественно ценностных), которые позволяют говорить о национальных особенностях той или иной общности⁵.

Очевидно, что любое обобщение, основанное на анализе ценностных характеристик, невозможно без обращения к вопросу о роли стереотипов в формировании национального характера и о степени их влияния на формирование культурной памяти народа. Вывод о стереотипизации связан как с критерием ценностной обобщенности, на основании которого формируется концепция национального характера, так

⁴ См.: *Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München., 2002. S. 56.* Перевод по Арнаутова Ю.А. *Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под. ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 47–55.*

⁵ К числу таких исследований можно отнести сочинения О. Шпенглера, А. Тойнби, Н.Я. Данилевского, В.С. Соловьева, Н.М. Бердяева, Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского и др.

и с взаимовлиянием функций, которые выполняет культурная память.

Интерпретация понятия «культурная память» во взаимосвязи с категориями национального характера и стереотипа влечет за собой вопрос о существовании в национальной истории событий, которые можно было бы назвать «универсальными». Под «универсальными событиями» можно понимать масштабные исторические события, обращение к которым происходит наиболее часто, осмысление которых способствует самоопределению нации, помогает идентифицировать характерные особенности народа.

Примером одного из таких событий мировой истории могут служить Наполеоновские войны. В контексте поставленных проблем особый интерес представляет сопоставление развития событий и отношения к ним в России и Франции — странах, противостоящих друг другу в войне 1812 года. Для того, чтобы попытаться оценить значимость этого события для каждой из стран, необходимо понять, какие умонастроения царили в России и Франции перед началом войны.

Действительный член Императорского Русского военно-исторического общества П. М. Андриянов спустя сто лет после войны 1812 года напишет: «Великое дело свершилось на Руси век тому назад. 1812 г. ознаменован в истории русского народа гигантской борьбой. С одной стороны ополчилась Западная Европа во главе с величайшим полководцем, Императором Франции Наполеоном, с другой стороны стал одинокий, но великий Русский народ»⁶. В этом высказывании сконцентрированы стереотипические представления как о самой войне, так и противниках: война 1812 — «великое дело», «гигантская борьба»; Франция — страна, выступающая под предводительством «великого полководца», Россия — «одинокая», но «великая». Безусловно, эти стереотипы представляются обоснованными.

Известно, что перед началом войны 1812 года численность наполеоновской армии превосходила 600 тысяч человек. Армия была многонациональной: французы составляли примерно половину от численности армии. Другую часть со-

⁶ Андриянов П.М. Великая Отечественная война. (По поводу 100-летнего юбилея) М., 1912. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museum.ru/1812/Library/Adrianov/index.html>

ставляли австрийские, польские, прусские, итальянские, испанские, голландские, швейцарские, баварские, саксонские войска. Фактически это была армия Европы. Силы были велики. Следует отметить при этом, что энергия французского правительства была направлена не только на создание мощного военного потенциала, но и на формирование общественного мнения.

На протяжении властвования Наполеона пропаганда работала безупречно во многом благодаря тому, что французская пресса подвергалась жесткой цензуре, а героический образ императора создавался как раз в прессе⁷. Фактически пропагандой руководил сам император. Наполеон писал статьи для французской газеты «Монитор». Как известно, в 1807 «Монитор» получил монополию на всю политическую информацию, остальные газеты могли только перепечатывать то, что уже сообщалось в главной газете Франции. Основной задачей «Монитор» было прославлять великого императора и великую страну.

Исследователи отмечают, что после заключения мирного договора в Тильзите и до начала войны 1812 года во французской прессе встречается мало публикаций о России⁸. Однако тематика немногочисленных сообщений, публикующихся, прежде всего, в «Монитере», характеризует специфику формирования образа России в общественном сознании французов.

Современный российский историк — исследователь Франции эпохи Наполеоновских войн — Н.В. Промыслов в одной из своих работ дает подробный обзор публикаций о России, появлявшихся в газете «Монитор» накануне войны 1812 года⁹. «Монитор» пишет о суровом российском климате, стихийных бедствиях в России¹⁰. Причем точные сведения

⁷ См., например, *Туган-Барановский Д.М.* «Лошадь, которую я пытался обуздать» (печать при Наполеоне) // Новая и Новейшая история 1995. № 3.

⁸ См., например, *Corbet Ch.* L'opinion française face à l'inconnue Russe. (1799–1894). Paris, 1967.

⁹ *Промыслов Н.В.* Образ России на страницах газеты «Монитор» накануне войны 1812 г. // Европа. Международный альманах. Вып. 6. Тюмень, 2006. С. 64–74. Электронный источник. Режим доступа: <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Promyslov-Evropa2006.html>

¹⁰ *Moniteur Universel*, 1811. №№ 292, 297, 322, 331, 350.

соседствуют с эмоциональными сообщениями об «ужасах российской погоды». Особое внимание на страницах газеты уделяется темам, связанным с обширной территорией России, богатствами русской земли, отношениям России с соседями (например, Китаем)¹¹. Вместе с тем перед самым началом войны появляются статьи, в которых говорится о том, что в России нет достойных полководцев. Генерал Каменский умер, новый командующий российской армии в Румынии — М.И. Кутузов — действует не очень эффективно. Из рапортов генерал-квартирмейстера Дунайской армии, опубликованных в газете следовало, что победа под Рущуком не была большим успехом российских войск, так как пленных взято не было, а турецкую армию не преследовали, дав ей спокойно отойти с поля боя¹².

Таким образом, формируется образ огромной, богатой страны, которая, безусловно, представляет угрозу для Франции. Вместе с тем Россия не настолько могущественна, чтобы не покориться великому полководцу Наполеону. Созданию такого мнения способствует и то, что в газете практически отсутствовали статьи, посвященные России как политическому союзнику Франции.

Автор обзора газеты «Монитор» замечает, что читатели «оставались в неведении относительно истинных отношений между бывшими союзниками до 4 июля, когда был опубликован отчет о заседании сената, на котором зачитывали обращение императора о начале войны с Россией. К этому сообщению прилагались тексты союзных договоров с Австрией (от 14 мая 1812 г.) и Пруссией (от 24 февраля 1812 г.)¹³. Французов поставили перед фактом: война с Россией неизбежна. Очевидно, император, контролировавший процесс распространения «необходимой» информации, был уверен, что этого достаточно.

Ситуация в России перед началом войны была принципиально другой. Несмотря на то, что подготовка к войне велась с 1810 года, и к 1812 году был проведен целый ряд

¹¹ Moniteur Universel. 1811. № 297.

¹² Moniteur Universel. 1811. № 216.

¹³ *Промыслов Н.В.* Образ России на страницах газеты «Монитор» накануне войны 1812 г. // Европа. Международный альманах. Вып. 6. Тюмень, 2006. С. 64–74. [Электронный источник]. Режим доступа: <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Promyslov-Evropa2006.html>

преобразований по усилению военной мощи государства, военные реформы не были реализованы в полной мере. К моменту начала войны на западных границах России было сосредоточено примерно 220 тысяч русских солдат (треть от армии Наполеона). Уровень подготовленности высшего командного состава русской армии и в смысле профессиональном и в смысле идеологическом не оставляла сомнений.

Исследователи отмечают, что Россия образованная и читающая не испытывала недостатка в литературе, посвященной ситуации в Западной Европе и во Франции, в частности. Однако, если в довоенный период в России преобладали переводы западноевропейских авторов, то с началом войны появляется все больше сочинений собственно русского происхождения. Надо заметить при этом, что в случае с переводной литературой довоенного периода ситуация обстояла следующим образом: эпоху коалиционных войн с подачи в основном английских авторов политика Наполеона подвергалась жесткой критике, и эти сочинения переводились на русский язык. В период формального мира с Наполеоном предпочтение отдавалось переводам французских текстов, где, разумеется, образ французского императора был положительным.

В 1812 году ситуация в корне меняется. Правительство создает фонд, который поощряет писателей и публицистов, пишущих тексты, развенчивающие героический образ Наполеона, способствующие патриотическому подъему¹⁴. В сочинениях начала войны Бонапарт предстает в образе тирана, поработителя Европы¹⁵.

Один образ сменился другим. Одно стереотипическое представление уступило место другому, и, как любой стереотип, отпечталось в массовом сознании. Необходимо отметить, что эти стереотипы, их смена, могли иметь воздействие на публику читающую, образованную. Однако, учитывая сложившуюся ситуацию (прежде всего, численное превосходство армии Наполеона над армией Александра), власти необходимо было действовать таким образом, чтобы поднять народные массы на сопротивление врагу.

¹⁴ Сироткин В.Г. Наполеон и Александр. М., 2003. С. 393.

¹⁵ См., например, Уваров С.С. Император всероссийский и Бонапарт. СПб., 1814.

Современный историк В.В. Лапин пишет, что «принципиальным отличием Отечественной войны 1812 года от прочих вооруженных конфликтов России с другими державами было вовлечение в нее гораздо более широких кругов общества, нежели это наблюдалось ранее. И вовлеченность здесь понимается не только как прямое действие, но и как персональное сопереживание. Важным стало и усиливавшееся после изгнания Наполеона представление многих россиян о личном участии в историческом событии мирового масштаба»¹⁶. Очевидно, что к сопереживанию можно подвигнуть, только апеллируя к самым важным и в то же время понятным образам, укорененным в национальном характере.

Сложность задачи, стоявшей перед российской властью в начале войны, можно оценить, если обратиться к исследованиям, посвященным рассмотрению природы русского национального характера. Так, спустя почти сто лет после войны 1812 года в рассуждениях о психологии русского человека В.О. Ключевский напишет, что характер великоросса формировался под воздействием сложных географических условий: «Жизнь удалёнными друг от друга, уединёнными деревнями при недостатке общения, естественно, не могла приучать великоросса действовать большими союзами, дружными массами. Великоросс <...> боролся с природой в одиночку, в глуши леса с топором в руке. <...> Великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами. Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен... Словом, великоросс лучше великорусского общества. Должно быть, каждому народу от природы положено воспринимать из окружающего мира, как и из переживаемых судеб, и претворять в свой характер не всякие, а только известные впечатления, и отсюда происходит разнообразие национальных складов, или типов... Сообразно с этим и народ смотрит на окружающее и переживаемое под известным углом, отражает то и другое в своём сознании с известным преломлением»¹⁷. Русский человек силен физи-

¹⁶ Лапин В.В. Великий юбилей «Великой години» // Звезда. 2012. № 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2012/7/la10-pr.html>

¹⁷ Ключевский В.О. Лекции по русской истории. М., 1937. Т. 1. С. 324–325.

чески и духовно, но при этом замкнут; готов работать, если есть доказательства насущной необходимости этой работы, но не готов к общению.

Наконец, Ключевский приводит пословицы («лбом стены не прошибешь», «только вороны прямо летают»), раскрывающие с одной стороны, стремление добиться цели, вопреки всем трудностям, с другой, — опасение идти к цели прямым путем. «Природа и судьба, — пишет Ключевский, — вели великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями»¹⁸. Выводы Ключевского представляются особенно значимыми, поскольку, благодаря им, раскрывается противоречивость характера русского народа.

Важно отметить при этом, что подтверждение замечаниям Ключевского об особенностях характера русского народа, можно найти, например, в сочинениях представителей французской культуры. Так, Жермена де Сталь в книге «Десять лет в изгнании» пишет: «К счастью для русских, они по-прежнему остались народом, который мы именуем варварским, иначе говоря, ими движет инстинкт — подчас благородный, всегда невольный и предполагающий раздумья при выборе средств, но не при рассмотрении цели; я сказала, к счастью для русских, не потому что намерена восхвалять варварство, но потому что под этим словом я разумею некую первобытную энергию, которая одна способна заменять нациям удивительную мощь, даруемую свободой»¹⁹.

Учитывая противоречивость национального характера, связанную с этим непредсказуемость общественных реакций, власть должна была обращаться к таким представлениям, которые позволили бы русскому человеку определить четкий ориентир, к образам, воздействие которых было бы неоспоримым. И эти образы были найдены.

Практически в каждом из документов-обращений (обращения российских полководцев к армиям, знаменитые афи-

¹⁸ Там же. С. 325.

¹⁹ *Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании.* Цит. по Тимашева О.В. Война 1812 года в книгах Жермены де Сталь «Десять лет в изгнании» и Армана де Коленкура «Мемуары» (Лица, судьбы, персонажи). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.borodino.ru/index.php?page=to-read&type=view&DocID=50455&CM3__CM3= o0ft0vcqmg 74t85d mu 798ct293

ши графа Ростопчина, манифесты Александра I) присутствуют одни и те же образы-символы, понятные представителям самых разных слоев российского общества. В качестве наиболее яркого примера можно рассмотреть отрывки из «Манифеста о сборе внутри Государства земского ополчения» от 6 июля 1812 года. «Божьей милостью Мы, Александр Первый, Император и Самодержец Всероссийский... Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести свое оружие внутрь России... Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска Наши... Мы уже воззвали к первопрестольному граду Нашему Москве; а ныне взываем ко всем Нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским, приглашая их вместе с Нами единокорным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не вникая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и Духовенство! Вы всегда молитвами своими призывали благодать на главу России; народ Русский! Храброе потомство храбрых Славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках никакие человеческие силы вас не одолеют»²⁰.

Государь обращается как к обществу в целом, так и к каждому сословию в отдельности. Основной объединяющий призыв состоит в том, чтобы защищать не просто родную землю, но защищать свою веру. Отсюда повторения слова «Бог», «Божья милость», «благодать». Враг предстает в этом тексте в образе зверя. Трудно представить образ более мощный и понятный для православного человека. Вместе с тем, посыл этой речи состоит в том, что враг хитер и опасен, но сокрушим. Сокрушим при помощи веры. Сила русского народа, способность побеждать подтверждена историей. Неслучайно в «Манифесте» названы имена конкретных исторических личностей, которые заслужили доверие народа.

²⁰ 6 июля 1812 г. // Высочайшие указы и манифесты, относящиеся к войне 1812 г. СПб., 1912. С. 7–8.

В литературе, посвященной анализу событий 1812 года, представлены различные точки зрения (от резко негативных до позитивных), касающиеся оценки военной и идеологической тактики государственной власти в период войны. Однако основная цель (пробудить в народе патриотические чувства) стоявшая перед властью в ситуации войны, была достигнута, в том числе, благодаря обращению к стереотипам, укорененным в народном сознании.

В целом можно сказать, что война 1812 года для французов-современников Наполеона — это очередная военная компания в череде прочих, целью которых было завоевание мира; для русских — война за Веру и Отечество, война за идею. И будучи войной за идею, война 1812 года в воспоминаниях потомков сама по себе становится идеей, порождающей новые идеи и представления.

В «Апологии сумасшедшего» П.Я. Чаадаев писал: «История всякого народа представляют собою не только вереницу следующих друг за другом фактов, но и цепь связанных друг с другом идей. Каждый факт должен выражаться идеей; чрез событие должна нитью проходить мысль или принцип, стремясь осуществиться: тогда факт не потерян, он провел борозду в умах, запечатлелся в сердцах, и никакая сила в мире не может изгнать его оттуда. Историк приходит, находит ее готовую и рассказывает ее; но придет он или нет, она все равно существует, и каждый член исторической семьи как бы не был он незаметен и ничтожен, носит ее в глубине своего существа»²¹.

Культурная память не сводится к датам, именам, фактам. Она — идея, которая настолько глубоко укореняется в сознании народа, каждого человека, что дает импульс для рождения новых идей. Идея может быть выражена через символ. Символ же способен к порождению новых символов, актуальных для настоящего момента²².

«Бородино», «Кутузов», «пожар Москвы», «Денис Давыдов» — слова-символы, вызывающие у русского человека вполне конкретные ассоциации, связанные с восприятием собственной страны как страны величественной, сильной, способной противостоять врагу. Эти символы развиваются в идеи, которые также получают отражение в текстах самого

²¹ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 151.

разного характера — литературных, философских, политических. Идеи наследие войны 1812 года составляет чрезвычайно важный пласт в истории политической мысли.

Победа в войне 1812 года была поводом для размышления над дальнейшей судьбой России, которое воплощается в различных идейных и философских течениях — западничестве и славянофильстве, русской религиозной философии. Несмотря на то, что в рассуждениях о будущем России акценты расставляются по-разному, речь всегда идет о мощнейшем потенциале развития великой страны — будь то критика П.Я. Чаадаева «квасного патриотизма», нежелания обращаться к Западу²³ или резкое неодобрение К.С. Аксаковым навязывания западноевропейских образцов русскому народу²⁴.

В одной из своих работ, размышляя о роли войны 1914 года в истории России, Н. Бердяев напишет: «Великий раздор войны должен привести к великому соединению Востока и Запада. Творческий дух России займет, наконец, великодержавное положение в духовном мировом концерте. То, что совершалось в недрах русского духа, перестанет уже быть провинциальным, отдельным и замкнутым, станет мировым и общечеловеческим, не восточным только, но и западным. Для этого давно уже созрели потенциальные духовные силы России. Война 1914 года глубже и сильнее вводит Россию в водоворот мировой жизни и спаивает европейский Восток с европейским Западом, чем война 1812 года. Уже можно предвидеть, что в результате этой войны Россия в такой же мере станет окончательно Европой, в какой Европа признает духовное влияние России на свою внутреннюю жизнь»²⁵.

Здесь можно наблюдать совершенно особый взгляд на роль войн во взаимоотношениях России и Европы. Философ рассматривает войну как возможность развития взаимовлияния государств друг на друга. Очевидно, что Бердяев говорит, прежде всего, о Первой мировой войне, но упоминание

²² См. Бельгий А. Символизм как миропонимание. М., 1994.

²³ Чаадаев П.Я. Сочинения и письма. М., 1914. Т. 2. С. 194–195.

²⁴ См. Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России // Ранние славянофилы. М., 1910.

²⁵ Бердяев Н. Судьба России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1918_15_01.html

войны 1812 года представляется в данном контексте чрезвычайно значимым.

Война 1812 года впервые показала не только потенциал России как политической единицы, но как мощного духовного центра, который способен противостоять врагу физически и морально. При этом главным аргументом возможности влияния России на Запад оказывается факт победы в войне.

В одной из работ знаменитый французский историк Пьер Нора написал: «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти. <...> мир затопила нахлынувшая волна воспоминания, прочно соединив верность прошлому — действительному или воображаемому — с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью»²⁶. Исторические факты есть действительность прошлого, а их интерпретация — воображаемое настоящего. Важно в данном случае одно: верность прошлому, память о нем помогает человеку в настоящем и дает надежду на будущее.

²⁶ Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>

КИЙЧЕНКО К.И., СЫЧЕВА А.С.

Роль кинематографа в формировании представлений
о событиях Отечественной войны 1812 года

В нынешнем году внимание широкой общественности привлечено к 200-летию юбилею Отечественной войны. За два минувших столетия события той славной эпохи блестящих побед русского оружия осмыслялись, изучались, интерпретировались и реинтерпретировались многими историками, философами, общественными мыслителями. Но ничуть не меньший вклад в создание канонических образов героев войны 1812 года внесли и художественные, в первую очередь — литературные, произведения. В отечественной литературной традиции очень тесно переплетаются фактологическая точность и художественный вымысел. Творчество Льва Николаевича Толстого — яркий тому пример. Однако, когда говорят о различных источниках наших представлений о событиях Отечественной войны, меньше всего внимания уделяется кинематографическим произведениям, посвященным 1812 году. А зря, ведь киноязык — уникальное средство художественной рефлексии по поводу исторических событий, а кинопроизведения — мощнейший источник формирования мифов и представлений в массовом сознании.

Настоящая статья посвящена осмыслению вклада киноискусства в формирование наших представлений об эпохе Наполеоновских войн и того как виделись события 1812 года тем, кто отмечал столетний юбилей Отечественной войны. Сопоставление двух юбилеев способно наглядно продемонстрировать трансформацию мифологии 1812 года. Нашим предкам Отечественная война виделась несколько иначе, чем видится нашим современникам, и еще больше будет отличаться представление о ней наших потомков. И немалую роль в формировании этих представлений играют визуальные образы. О них и пойдет речь.

В начале XX века мир активно осваивал достижения технического прогресса. Одно из изобретений (или даже научных открытий) постепенно завоевывало право на звание нового искусства — синематограф. Хотя разнообразные аппараты по фиксации и воспроизведению движущихся изображений конструировались в огромном количестве на протяжении XIX века, звание изобретателей кино оказалось закреплено за братьями Огюстом и Луи Люмьер. Для появления нового искусства, обладающего массовостью и доступностью, было необходимо соединение двух талантов: деятельности изобретателя Луи Люмьера и организационного гения его брата Огюста. Именно благодаря усилиям последнего кинематограф не остался запатентованной игрушкой для элиты, а в течение всего одного года стал известным и популярным развлечением по всему миру: операторы братьев Люмьер уже к лету 1896 года достигли России, а к декабрю проводили съемки и демонстрации нового зрелища в самых дальних уголках мира. Вскоре кинематограф обрел своих многочисленных поклонников и деятелей. Обозначились две основные линии развития нового искусства: линия братьев Люмьер (документальное кино) и линия Жоржа Мельеса (игровое кино, феерии, фантазии).

В контексте разговора о художественных реконструкциях событий 1812 года наиболее интересна комбинация этих двух линий, совмещающая документальную фиксацию реальности и художественно-мифологическую «надстройку». В 1912 году широко отмечалось столетие изгнания Наполеона из России. Разумеется, кинематографисты не могли остаться в стороне. К этому времени, за 17 лет своего существования, кинематограф не только стал привычным и распространенным развлечением, но оказался и одной из форм осмысления социальной жизни.

Киноискусство от своего рождения социализировано и политизировано. Кинематографист не может быть беспристрастным и объективным. Казалось бы, оператор-документалист отстраненно фиксирует происходящее, впоследствии представляя на экране объективную реальность. На самом деле, осмысление и интерпретация реальности неизбежно возникает при любой киносъемке, т. к. оператор-режиссер принимает целый ряд субъективных решений: что и когда снимать, как поставить камеру, в какой момент начать кру-

тить ручку аппарата... А потом — что из материала предложить к показу, как смонтировать отдельные кадры и сцены, когда, где и кому показать фильм.

Кинематограф стал формой осмысления общественных явлений; формой новой, необычной, обладающей целым рядом ярких отличительных особенностей от всех прежних, привычных форм. Кино — доступно, понятно и массового. Первые сеансы проводились в кабаках, барах, на ярмарках и в балаганах; но кинематографу понадобилось всего около десяти лет, чтобы получить для себя специальные залы — кинотеатры: «в 1902 г. единственный вид кинотеатров, приносивших доход как во Франции, так и в США, — ярмарочный балаганы»¹. Распространение нового зрелища проходило быстро; плата за вход была необременительна, сеанс — непродолжителен и динамичен, поскольку состоял из нескольких разных коротких сюжетов, а при этом — информативен. Зачастую краткие документальные сюжеты служили своего рода «выпусками новостей». Так новое искусство стало еще и средством массовой коммуникации, а значит, и особым механизмом индоктринации и политического манипулирования.

В первую очередь сеансы предназначались людям, лишенным образования, а вместе с этим — доступа ко многим формам рефлексии по поводу социальной и политической реальности: литературе, театру и т.п. Постепенно формирующийся киноязык обладал интернациональностью, доступностью и простотой, поскольку обращался к зрителю, используя динамичные визуальные образы. Кинематографисты развили идеи, которыми руководствовались художники церковного изобразительного искусства, перенося на стены храма «Библию для неграмотных». При просмотре фильма определенную зрительскую реакцию порождают не только отдельные статичные и подвижные визуальные образы, но и их комбинация, соединение и столкновение, возможные благодаря ключевому свойству кинематографа — монтажу: внутрекадровому (ракурс, масштаб изображения, мизансцена, движение камеры, движение объектов в кадре) и межкадровому (склейки отдельных эпизодов)². Выдающийся кинема-

¹ Садуль Ж. История киноискусства от его зарождения до наших дней. М., 1957. С. 44.

² Подробнее см.: Кино. Энциклопедический словарь. М., 1987. С. 274.

тографист Сергей Эйзенштейн в своей первой теоретической работе «Монтаж аттракционов» провозглашает агрессивную силу кино, способного подвергать зрителя «чувственному и психологическому воздействию, опытно выверенному и математически рассчитанному на определенные эмоциональные потрясения воспринимающего»³. По Эйзенштейну кинематограф позволяет обращаться к подсознанию зрителя, вызывая те или иные реакции на уровне рефлекса. Впоследствии он определит несколько видов монтажа, только один из которых — интеллектуальный — будет работать с разумом зрителя. Монтаж преимущественно, как и все кино, работает со зрителем на уровне чувств, эмоций, рефлексов. Например, сверхзадачей фильма «Броненосец Потемкин» авторы видели мировую революцию, устроенную публикой кинотеатров разных стран под впечатлением от просмотра ленты.

Хотя до 1925 года, в котором был выпущен этот знаменитый киношедевр, должно было пройти еще немало времени, уже к 1912 году кино завоевало не только право на внимание, но и определенный статус. В год столетия Отечественной войны было невозможно упустить возможность привлечения общественного внимания к празднованиям через самое молодое и набирающее популярность искусство.

В 1910-х гг. на мировом кинорынке наибольшим спросом пользовались картины из Франции, США и Италии. Фильмы, сделанные на родине кинематографа — Франции, отличались изобретательностью: Жорж Мельес научился при помощи стоп-кадров, наплывов, ускоренной съемки и других приемов показывать кинематографические фокусы и ловко вплетал их в канву фантастического повествования. Другие — воплощали на экране бульварные романы и газетные сплетни. Третьи — запечатлели на киноплёнке великих артистов «Comedie-Francaise» во главе с Сарой Бернар. Американцы, первыми вышедшие на простор натуральных съемок, предлагали публике увлекательные вестерны, а начинающий свою карьеру великий Дэвид Уорк Гриффит подошел к осмыслению специфических особенностей работы актеров в кино. В то же время самого Гриффита, а вместе с ним и многих других зрителей, поражали итальянские пеплумы:

³ Эйзенштейн С.М. Избранные сочинения в шести томах. Т. 2. М., 1964. С. 270.

масштабные постановки на античные и библейские сюжеты, с огромной массовой, батальными сценами, впечатляющими декорациями и новаторской для своего времени операторской работой, отличающейся подвижной камерой.

Удивительно, но российский зритель предпочитал качественным французским, захватывающим американским, поражающим воображение итальянским фильмам отечественные картины, хотя они были слабее по всем характеристикам. Актеры не играли, а весьма карикатурно и манерно позировали перед киноаппаратом, операторы работали без изысков, возводимые декорации были условны, костюмы и грим — неаккуратны, режиссура была очень незрелой. Французский оператор Луи Петрович Форестье, приехавший работать в Россию на студию Ханжонкова, испытал потрясение, оказавшись внутри российского кинопроцесса: «Вдруг к нам подошел режиссер и заявил, что съемка окончена и все обстоит благополучно. Я был потрясен и долго не мог понять, что может получиться при такой работе. Однако, все меня уверяли, что фильм должен выйти очень хорошим. Когда спустя несколько дней я посмотрел «Маскарад» на экране, то убедился в том, что было мне ясно и ранее, после посещения съемки в Крылатском: технически фильм был на очень низком уровне. Меня особенно поразил большой успех, который «Маскарад» имел у публики. Только некоторое время спустя я убедился в том, что русские — большие патриоты, любят фильмы на сюжеты близких их сердцу произведений русских писателей и поэтому принимают картины своих фабрик гораздо теплее, чем заграничные, даже если последние технически и художественно сильнее»⁴. Этот фрагмент из воспоминаний Форестье свидетельствует: патриотизм российского зрителя заключался в искреннем интересе к картинам отечественного производства, какими бы слабыми они ни были.

Эта особенность отечественной публики послужила становлению патриотического кинематографа. Конечно, первыми российскими кинопромышленниками двигали не только патриотические чувства, но и коммерческая выгода, когда они черпали сюжеты для своих фильмов из отечественной литературы и истории. К тому же «грамотно строить сюжет

⁴ Форестье А.П. Великий немой. М., 1945. С. 30.

в кино еще не научились, единственным выходом было начать экранизировать те сюжеты, которые не требуют специального объяснения для зрителя: либо народные песни, либо хрестоматийную классику русской литературы»⁵. В год 100-летнего юбилея Отечественной войны фильмы о событиях 1812 года появились опять же как следствие двух причин: искреннего желания кинематографистов воплотить на экране ключевые события истории своей страны и своего народа и, вместе с тем, желание сделать коммерчески успешный фильм, который позволит зрителям пережить яркие эмоции, принесет им удовлетворение, а создателям фильма — вернет потраченные средства с процентами, позволяющими продолжить кинопроизводство и немного укрепить свой капитал.

В те годы российские киностудии работали в условиях жесточайшей конкуренции. Зачастую конкурирующие фирмы снимали фильмы на одинаковые сюжеты: экранизировали известные романы Ф. Достоевского и Л. Толстого, откликались на одни и те же злободневные темы, актуальные сюжеты, значимые даты.

Уровень мастерства первых кинематографистов был настолько слабым, что ленты, снятые разными авторами, в разных условиях и декорациях по различным сценариям были чрезвычайно похожи. Поэтому успеха (в первую очередь — коммерческого) добивалась студия, первая выпускающая свою ленту в прокат. Возникающая как следствие жестких условий спешка шла во вред художественному и техническому качеству фильмов. Кинокартины делались наспех, наперегонки, без проволочек, осмыслений и исправлений.

Разумеется, такую же участь ждали экранизации событий 1812 года. Две кинокартины об Отечественной войне параллельно начали сниматься на конкурирующих фирмах «Московское отделение фирмы «Братья Патэ» и «Ханжонков и Ко».

Французская компания «Братья Патэ» (или просто «Пате», «Pathé» — фирма-производитель, давшая название переносной версии граммофона, патефону) в 1905 году приобрела у братьев Люмьер все права на синематографический аппарат, а в 1909 заполучила в свой штат гениального Жоржа

⁵ История отечественного кино. М., 2005. С. 29.

Мельеса, отказавшегося от самостоятельности и закрывшего свою студию «Star film». Вследствие этих шагов компания «Пате» должна была стать преемницей праотцов нового искусства, впитав опыт художественно-хроникальной съемки Луи Люмьера и остроумных технических экспериментов и находок Мельеса. Однако, у «Патэ» сложились свои сильные традиции, основанные на низком вкусе ярмарочной толпы. Эта фирма развивала низкую, балаганную природу кино, поставляя на мировой рынок фильмы трех категорий: грубые комические (например, фильмы с Андре Дидом-Глупышкиным в главной роли), реалистичные сцены (разыгрывание сцен убийств, съемки смертных казней, экранизации газетных хроник) и эротику.

Российский филиал компании братьев Патэ занимался как распространением зарубежных, так и производством собственно российских картин (правда, силами французских кинематографистов) о Дмитрие Донском, Петре Великом, Княжне Таракановой, Михайло Ломоносове, вольных и поверхностных экранизаций «Вия», «Анны Карениной», «Грозы» и др.

В историю кино как первый российский кинопродюсер вошел Александр Алексеевич Ханжонков (1877–1945) — потомственный дворянин, отставной офицер казачьих войск, совмещающий любовь к кинематографу как искусству с крепкой коммерческой хваткой. Он умудрялся субсидировать не только игровые фильмы, но и ставить, как правило, убыточные научные, познавательные, этнографические ленты, которые приобрели солидную репутацию в передовых общественных кругах. Один из пионеров отечественного кино решил бороться со своим главным конкурентом — фирмой братьев Пате в постановке военно-исторической эпопеи.

В 1911 году Ханжонковым вместе с режиссером Василием Гончаровым (1861–1915) «во исполнение “исторического долга перед отечественной кинематографией” был затеян первый русский полнометражный фильм “Оборона Севастополя”. На его съемки было получено высочайшее соизволение царя — случай по тем временам беспрецедентный»⁶. Постановка стоила много сил и средств, так что Ханжонков для покрытия издержек придумал новый способ взаимоот-

⁶ Там же. С. 31.

ношений с кинотеатрами: продажа прав на прокат фильма (эта новаторская и удивившая кинопромышленников всего мира система взаимоотношений стала традиционной для последующих поколений и активно использует до сих пор).

Постановка получилась масштабной и впечатляющей, однако не удовлетворила Александра Ханжонкова, который в своих мемуарах признавался: «Я искренне огорчился, что мы, несмотря на все наши труды и затраты, не смогли преодолеть даже самой средней итальянской исторической постановки»⁷.

Тем не менее, ободренный вниманием Государя и огромным успехом ленты, Ханжонков решает, несмотря на крупные затраты, немедленно приступить к работе по постановке картины «1812 год», на что снова просит и получает одобрение у Николая II. В своем прошении продюсер заверял, что его мечта — направить все свои силы и средства на правдивую и художественную постановку эпизодов Отечественной войны 1812 года. Разумеется, он и не сомневался, что накануне предстоящего юбилея иностранными фирмами будут сняты картины такого же содержания, но при этом был убежден, что иностранцы, преследуя исключительно коммерческие цели, не смогут, да и не захотят позаботиться об исторически правильном освещении подвигов наших героев, что отечественным кинопромышленником признавалось чрезвычайно важным для всех граждан России и особенно для подрастающего поколения.

Продюсер Александр Ханжонков получил разрешение на съемку картины о войне 1812 года, как и, впрочем, получило его «Московское отделение фирмы «Братья Патэ»». Правда, французам отказали в предоставлении в распоряжение войсковых частей, признав, что их цели хотя и имеют некоторое историческое значение, но, в сущности, главным образом ориентируются на коммерческую выгоду, да и само участие офицерского состава и в особенности знамен, этих священных реликвий русской армии, в таковых картинах и действиях под руководством частных лиц — является совершенно несоответственным. Разрешение на съемку фирме братьев Патэ было дано при условии совершенного исклю-

⁷ Ханжонков А.А. Первые годы русской кинематографии. М., 1937. С. 51.

чения из картин изображения Императора Александра I (воплощать на экране некоторых царственных особ было категорически запрещено в дореволюционной России) и некоторых эпизодов, которые могли представить в нежелательном освещении деятельность нашей армии, а также задеть религиозное чувство русского народа. Например, из сценария были вырезаны некоторые эпизоды: «казаки поворачивают назад», «казаки рассыпаются и отступают за реку», «французские солдаты отступают к Березине в маскарадных костюмах, то есть в ризах, рогожах, пополах», у некоторых из отступающих французов «на головах кивера, у других камилавки».

Как бы там ни было, со всеми оговорками, сложностями и спешными исправлениями работа на двух конкурирующих киностудиях закипела, началась борьба за скорейший выпуск картины на экран. В то же время выбранная тема, грядущий юбилей, Высочайшее Благословение обязывали сделать картину не столько быстро, сколько качественно. Неизбежно на обеих студиях возникли производственные сложности. Несмотря на всю остроту конкурентной борьбы за кинозрителя, «Ханжонков, человек редкой доброты, был в прекрасных отношениях с главой московского предприятия «Пате» Морисом Гашем»⁸. Руководители двух, казалось бы, непримиримых воюющих студий лично отнюдь не конфликтовали и решились на разумный компромисс. «Московское отделение фирмы «Братя Патэ» и «Ханжонков и Ко» договорились объединить отснятый материал и выпустить совместный фильм под названием «1812 год» (упразднив рабочие названия «Отечественная война», «Нашествие Наполеона», «Бородинский бой»).

Весьма условные сценарии обеих лент позволили совершенно безболезненно осуществить этот синтез. Ведь оба фильма были лишены связного сюжета и представляли собой серию зарисовок, разрозненных сцен, иллюстрирующих ключевые и известные события войны. Даже то, что Наполеона играли разные актеры, не послужило препятствием для объединения материала. П. Кнорр и В. Сережников обладают достаточным портретным сходством с Наполеоном и к тому же не показываются на экране крупным планом. Ран-

⁸ Зоркая Н.М. История советского кино. СПб., 2006. С. 30.

нее российское кино обладало сильной условностью, так что подобные ситуации не вызывали смущения ни у авторов картины, ни у публики.

Актеры работали на общем плане в весьма театральной манере: с высокой амплитудой движения, выразительно передавая эмоции персонажа мимикой и утрированными жестами. Осознание того, что актерская игра в кино должна обладать своими отличительными качествами и не может копировать театральную манеру только начало приходит кинематографистам, одному из первых — американцу Дэвиду Уорку Гриффиту. Яркая «игра лицом» и акцентированные движения нынешними зрителями воспринимаются в ироническом ключе. Современники же принимали картину «1812 год» как серьезное эпическое кинополотно.

Авторы старались следить за деталями, придавая им особое значение. Даже сейчас исследователи отмечают как одну из немногих сильных сторон фильма «1812 год» — исторически-достоверный костюм. Создатели картины не ставили своей целью достижение исторической идентичности, но пытались представить наиболее значимые и известные события и эпизоды войны: Кутузов во время Бородинского боя, въезд Наполеона в Кремль, Наполеон смотрит пожар с Кремлевских стен, Наполеон в Успенском соборе, бегство Наполеона в Петровский дворец, расстрел поджигателей. Среди прочих есть и псевдоисторические эпизоды, например история вдовы генерала Турчкова: французский гренадер сопровождает женщину, разыскивающего своего мужа среди павших на Бородинском поле, вдова находит мертвого генерала и со слезами бросается ему на грудь.

Наибольший интерес представляет заключительная часть фильма. Продюсер Александр Ханжонков решил повторить удачно найденный прием финального аккорда из своего предыдущего исторического фильма «Оборона Севастополя». Картина завершалась документальными съемками видов современного Севастополя, мест сражений, монументов и памятников, а также — живых героев войны. Русские ветераны, для начала представлены в фотографической позе на общем плане, а затем по одному выходят к камере на средний (для того времени — крупный) план, останавливаются для запечатления на пленку и уходят. Для зрителей начала XX века эти кадры имели большое значение, а уж для нас,

зрителей XXI века и последующих поколений стали бесценными. Кино оказалось способно не только подобно фотографии запечатлеть и сохранить внешний вид героев прошлого, но и передать их динамичные образы, манеру двигаться и держать себя, за которыми угадывается уникальный характер каждого человека: один ветеран бросает кроткий взгляд за камеру на руководителя съемки, другой — бодро чеканит шаг и четко совершает поворот, третий — быстро проходит перед объективом, смущенный столь большим вниманием к своей персоне, вслед за мужчинами неторопливо следует тихая старушка-медсестра... Эти кадры ставили точку в игровом киноповествовании о героической обороне, доводили историю до яркой, трогательной до слез, эмоциональной кульминации, высокой ноты, на которой завершался фильм.

Александр Ханжонков в фильме «1812 год» повторяет удачный прием завершения фильма демонстрацией очевидцев событий прошлого. На несколько десятков секунд на экране, предваряемые пояснительными титрами, поочередно появляются старушка и старик. Жерносенкова Е.И. 115 лет, крестьянка поселка Ириновка Могилевской губернии — очевидица событий 1812 года — без труда, самостоятельно передвигается в кадре, садится на стул. Она уверенно держится перед камерой и о чем-то бойко рассказывает. Жук С.В. (Степан) 118 лет, крестьянин деревни Шавелька Витебской губернии — очевидец событий 1812 года — высокий, сутуловатый, но не дряхлый старик идет уверенными шагами вдоль плетеного заборчика, в руке держит палку, на которую при ходьбе особенно опирается. На крупном плане он держится уверенно и твердо смотрит в объектив своими подслеповатыми глазами. Он же фигурирует среди участников фотосъемки ветеранов Отечественной войны 1812 года в Бородине.

Для своих лет Жерносенкова и Жук выглядят очень молодо, самостоятельно передвигаются и уверенно держатся. Можно говорить о большей продолжительности жизни крестьянства XIX века по сравнению с современностью, о лучшей экологии, о феноменальности именно этих долгожителей... Однако вопрос о фальсификации встает чрезвычайно остро при сравнении этих стариков с гораздо более молодыми участниками обороны Севастополя (1854–1855). Ветераны Севастополя тоже передвигаются самостоятельно и держатся уверенно и крепко, но они должны быть на сорок лет моложе

героев финальных эпизодов «1812 года», хотя выглядят как ровесники Жерносенковой и Жука.

Кроме того, деревенские старики уж больно спокойно и профессионально держатся перед камерой, как будто для них это привычное и обычное дело, они не напуганы и не удивлены странным, стрекочущим аппаратом на треноге.

Все это позволяет сделать вывод о намеренной фальсификации финального эпизода с участием ветеранов. Впрочем, может, авторы фильма «1812 год» действительно запечатлели настоящих долгожителей. Обман и ложь были не в почете у Александра Ханжонкова, руководившего съемкой, человека благородного, честного и доблестного. Находчивость Ханжонкова скорее лежала в сфере кинопроката и организации съемок, чем в подложных фактах. И, кроме всего прочего, в титрах старики представлены не участниками отечественной войны, не ветеранами, а лишь очевидцами событий 1812 года.

Сейчас сложно установить факт фальсификации данных кадров или опровергнуть его. В ранние времена существования кинематографа разговоры и дискуссии о псевдодокументальных съемках и кинематографическом антидокументе не велось. Все, что показывалось на экране, было (во всяком случае, для зрителей) правдой. Этот факт принципиально важно учитывать, т. к. в массовом сознании слились и стали почти не различимы историческая правда и художественный вымысел. Вклад раннего российского кинематографа в формирование мифов о событиях Отечественной войны 1812 колоссален. И позже эта мифология развивалась и закреплялась в более совершенных картинах уже советской эпохи.

Для нас важно, как воспринимали зрители того времени кинематографический материал, и как его преподносили авторы фильма. Кино в отличие от театра обладает предельной реалистичностью. Театр содержит в себе определенную меру условности: актеры говорят громким голосом, передвигаются в декорациях, однако театральное действие захватывает зрителей, заставляя сопереживать героям разыгрываемой пьесы. Кинематограф позволяет как будто подглядывать за жизнью людей, увидеть воочию знаменитые истории, перенестись в прошлое или в будущее.

Бывают случаи, когда документальная идентичность кадра оказывается непринципиальной. Зачастую хроникальные съемки делались постановочным образом. Особенно во вре-

мя Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Киновед Семен Фрейлих, вспоминая о своем личном участии в качестве исполнителя в подобной съемке, писал: «мы позировали истории, выдавая игру за документ»⁹. Из этого он делает важнейшее заключение: «выдавая за документ то, что документом не является, мы оказываемся за чертой нравственности»¹⁰.

Для зрителей 1912 года вопросы о псевдодокументальности кино, обмане, подлоге и не стояли. Строго говоря, картина «1812 год» — не является игровым фильмом в его современном значении. Актеры в основном позировают, сцены быстро сменяют друг друга, нет четкого сценария, да и отсутствует сюжет как таковой. Этот фильм скорее можно считать вольной реконструкцией событий или, как еще ее можно называть, докудрамой.

На протяжении всей картины «1812 год» реальных исторических персонажей представляют актеры. Но каждый зритель, особенно зритель начала XX века, которого не смущает вульгарная актерская игра, не отделяет человека, появляющегося на экране, от его образа. Он видит Наполеона, Багратиона, Кутузова, солдат и партизан, а не актеров и массовку.

Зритель принимает правила игры постановочной картины. По этим же правилам строится и финальный эпизод: зрителю предлагают идею, образы живых ветеранов как олицетворение исторической правды. Их появление на экране провозглашает следующий манифест: «Война столетней давности — не легенда, а реальность, еще живы ее славные герои; и нам следует принять знание от живых свидетелей и передать потомкам».

В контексте игровой картины допустима условность образов: важна не столько документальная достоверность, сколько сама идея живых свидетелей исторических событий.

В том же 1912 году произошла подобная история с экранным запечатлением людей, которые, вопреки утверждению авторов съемки, могли и не быть ветеранами войны 1812 года. Только произошло это уже во время юбилейных торжеств, зафиксированных в документальной съемке.

⁹ Фрейлих С.И. Теория кино: От Эйзенштейна до Тарковского. М., 1992. С. 137.

¹⁰ Там же. С. 136.

В юбилейных торжествах по поводу 100-летия Бородинского сражения важное место отводилось встрече Императора Николая II с живыми участниками и свидетелями войны 1812 года. Встречу в Бородино запечатлели кинооператоры французской компании «Гомон». Обратим внимание на одного из героев этой съемки. Аким Иванович Вентанюк (варианты — Вивтенюк, Войтинюк, Винтонюк, Витонюк) — русский солдат, фельдфебель Волынского пехотного полка, родился в 1779 году (по другим данным — в 1789). По собственному утверждению — участник Бородинской битвы, награжден Георгиевским крестом, который потерял вместе со всеми документами, подтверждающими необычные детали его биографии.

Вентанюк фигурирует в двух сценах хроники: сначала он сидит у Дома инвалидов в Бородино вместе с другими современниками битвы, затем у царской палатки беседует с императором. В каталоге «Кинохроника в России 1896–1916»¹¹ указано, что этот эпизод был включен в игровой фильм «1812 год», однако в версии фильма, хранящейся в Госфильмофонде России, он отсутствует.

Внешний вид бойкого, молодежавого старика заставляет сильно усомниться в том, что ему 132 или 122 года. Также наводит на некоторые размышления отсутствие документов, наград и прочих вещественных доказательств его рассказов о своем геройском прошлом. Вероятно, Вентанюк обманул и кинематографистов, и организаторов торжеств, и Государя. Возможно, ряженных «ветеранов» подобрали сами организаторы торжеств. Во всяком случае, кинематографисты, не задавались вопросом фальсификации, а просто запечатлели торжества и в дальнейшем показывали их публике, которая так же не сомневалась в подлинности показанных ветеранов.

Среди документальных сюжетов дореволюционной хроники нашлись кадры, запечатлевшие старика, в котором с большой долей вероятности можно признать ветерана войны 1812 года. В киноматериале¹² содержатся кадры с участием Зорина Ивана Васильевича (1797 — после 1912), русского

¹¹ Баталин В.Н. Кинохроника в России 1896–1916 гг.: Опись киносъемок, хранящихся в РГАКФД. М., 2002.

¹² Красногорский архив кинофото документов. Арх. № 12740 (Отдельные киносюжеты 1911–1912 гг.)

солдата, полного георгиевского кавалера, участника войны 1812г. и Крымской войны. В хроникальном сюжете 1912 года он собирает пожертвования на храм-памятник героям Отечественной войны в Москве. По наблюдению историка кино Дмитрия Караваева¹³ внешний вид старика, его манера двигаться и держаться позволяют считать, что ему, действительно, может быть 115 лет, и он был современником или даже участником войны 1812 года.

Тем не менее, стоит упомянуть, что последний ветеран наполеоновской армии, участник похода в Россию Жан-Батист Савен дожил до 1894, умерев в возрасте 107 лет. Поверить в то, что наши ветераны, проявили большую жизнеспособность и дожили до 115 и более лет, нелегко.

Однако, для зрителей того времени документальная подлинность не была принципиальна. Главное — эмоция, порождаемая появлением на экране образа старика-ветерана, свидетеля значимых событий 100-летней давности. Кинематограф начала XX века оформился как самое массовое и доступное искусство, его зритель не обременен излишней тягой к рефлексии. Таким образом, становится не столь важно, являются ли демонстрируемые старики — свидетелями войны 1812 года или только воплощают собой художественный образ ветеранов. Главное, что они воплощают собой образ идею ветерана и своим появлением на экране реализовывают возможность встречи с новым поколением. Зрители 1912 года, увидев стариков, проникались трепетным уважением и восторгом перед поколением прошлого, только в отличие от публики следующих поколений, еще и осознавали свою близость к героям прошлого, которые все еще были живы и оказались их современниками.

Кинематограф дал возможность огромному количеству людей заочно, с помощью волшебного экрана встретиться лицом к лицу с прошлым своего отечества, заглянуть в глаза, видевшие значимые события истории.

Вероятнее всего, постановщики фильмов того времени не ставили своей целью намерено ввести зрителей в заблуждение, предложив им к просмотру очевидную фальсифика-

¹³ *Караваев Д.Л.* 1812. Герои экранного эпоса. Исторические персоны эпохи Отечественной войны 1812 года на кино- и телеэкране. М., 2012. С. 127.

цию, скорее, кинематографистами двигало желание ухватить, зафиксировать и пересказать посредством экранизации исторические события. Если в кадрах финального эпизода фильма «1812 год» запечатлены все-таки настоящие свидетели Отечественной войны, то благодаря кинематографистам наши современники и потомки обладают ценнейшими кадрами, имеющими символическое значение, хотя и не несут никакой уникальной научной ценности. Если же представленные старики несколько моложе указанного возраста, то они все равно передают живое дыхание прошлого, производя сильное впечатление на зрителя последующих эпох.

Надо сказать, что Отечественная война 1812 года совсем нечасто попадала в сферу интересов кинематографистов. Хотя Наполеон — второй после Христа по популярности исторический персонаж в мировом кино и на телевидении, о Наполеоновских войнах снято очень мало российских и советских фильмов. После столетнего юбилея, к которому была сделана картина «1812 год», кинематографисты взялись за экранизацию «Войны и мира» Льва Толстого. Первой, в 1915 году, вышла «Война и мир», поставленная Владимиром Гардиным с Яковым Протазановым, второй — «Наташа Ростова» Петра Чардынина. Третью «Войну и мир» снимал А. Каменский, но его экранизация не вышла на экраны. В 1943 году Владимир Петров создал актуальный, отвечающий событиям своего времени и взывающий к патриотизму байопик о великом полководце «Кутузов». В 1959 начинающий кинорежиссер Георгий Данелия взял для своей студенческой работы эпизод из романа «Война и мир», сделав короткометражный фильм «Тоже люди». К 150-летию войны 1812 года (в 1962 году) Эльдар Рязанов поставил водевильную «Гусарскую балладу», не ставившую своей целью историческую идентичность и осмысление эпохальных событий отечественной истории. В 1965–1967 годах Сергей Бондарчук осуществил грандиозную, пожалуй, лучшую экранизацию «Войны и мира». В 1980 под псевдонимом «Степанов» Станислав Ростоцкий вместе с Никитой Хубовым сняли фильм о жизни и судьбе Дениса Давыдова «Эскадрон гусар летучих». В 1985 грузины Караман Мгеладзе и Гиуле Чохонелидзе выпустили фильм о жизни прославленного полководца «Багратион».

Нынешний 200-летний юбилей стал поводом для новых картин, которые все дальше и дальше уведут зрителя от се-

рзезного и уважительного осмысления ключевых событий мировой истории, сохранения памяти о важных вехах отечественной истории, восхищения героями прошлого. После чудовищно-карикатурного «стеба» «Ржевский против Наполеона», хладнокровно осуществленного Марюсом Вайсбергом, зрителей ждет «Уланская баллада» Олега Фесенко с Сергеем Безруковым в главной роли и «Василиса Кожина» Антона Сиверса со Светланой Ходченковой. Последний проект, который, как сейчас модно, снимается по схеме 4+1 (фильм и мини-сериал), изначально позволял питать надежды о появлении достойного юбилея кинопроизведения, но в итоге сфокусировался вокруг выдуманной love-story. Василиса Кожина в фильме «1812 год» столетней давности была представлена в одном коротком и претендующем на юмор эпизоде: старостиха ведет по лесу пленных французов, подгоняя их хворостиной. Оба кинематографических образа Василисы неточны, несколько нелепы и в целом неудачны, но из двух крайностей приятнее выбрать схематичную, условную Василису в немом, черно-белом и плохо сохранившемся фильме 1912 года.

События 1812 года в отечественном кинематографе 2012 года не смогут найти достойного отражения. Можно констатировать: попытка передать на экране ключевые события войны на должном и уважительном уровне была осуществлена только пионерами отечественного кино, дореволюционными кинематографистами, многие из которых по понятным причинам вскоре оставили Россию.

КАРАБУЩЕНКО П.А.

Исторический анекдот: забытые страницы
Отечественной войны 1812 года*

История многолика. Сколько людей, столько может быть и её вариантов. Только одни могут исторически мыслить и писать, а другие нет. Одни могут и хотят видеть в истории неприглядную Истину, а других устраивает и красивая ложь. Из этих отличий и проистекают все проблемы исторической науки, ибо те, кто исторически мыслит, не может порой нормально писать, а тот, кто умеет красиво писать, демонстрирует отсутствие всякого исторического мышления. В итоге мы имеем идеологизированный портрет истории, а не её достоверную повседневность. Исторический анекдот относится именно ко второму варианту истории, ибо он чаще всего оказывается за рамками парадного портрета, в той части исторического знания, которое чаще всего характеризуется, как политическое закулисье. Именно это закулисье чаще всего и больше всего и привлекает наше внимание.

Параллельно с официальной историей, которая признана властями в качестве парадного портрета своего государства, существует ещё и альтернативные версии, которые по тем или иным идеологическим или «техническим» (морально-эстетическим) причинам не попали на страницы указанного официоза. К ним относятся подробности прошлого, которые являются достоянием узкого круга специалистов исторической науки, но не широкой публики. В их числе находятся и так называемые исторические анекдоты, главное отличие которых от анекдотов обыденных заключается в том, что от них чаще всего хочется не смеяться, а плакать. Такие истории содержат в себе курьезны прошлого, или какую-нибудь нестан-

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект 2012-1.1-12-000-3001-057 «Фальсификация политической истории: от достоверности идеологической к достоверности научной».

дартную информацию, которая может подчас идти в разрез устоявшейся официальной версии истории или даже развенчивать некоторые политические мифы правящих элит.

*Роль исторического анекдота
в развитии исторической науки*

Как известно, первые историки (Геродот и К^о) прославились как уличные собиратели исторических басен и анекдотов, а не как серьезные кабинетные ученые. Но им почему-то все продолжают верить, потому что, во-первых, иных свидетельств прошлого у нас попросту нет и, во-вторых, потому, что это оказывается очень всем интересно. Для нас крайне важно сопоставить и сравнить официальную (серьезную) историю и исторический анекдот, который серьезной историей рассматривается преимущественно как никому не интересный хлам прошлого, или в лучшем случае, как вторичный материал для парадной истории. Но в этом хламе оказывается масса ценной информации, уйма важных фактов способных пролить свет на темные страницы прошлого, а самое главное рассказать нам о характере той или иной эпохи и психологии поведения её современников. Главной целью нашей работы является не просто изучение специфики исторического анекдота, но и выявление его возможностей в познании реалий прошлого.

Официальная история состоит из парадных отчетов власти о проделанной ею политической работы. Не все в этом отчете бывает правдой, но власть в большей мере интересуется не историческая истина, а яркие краски своего собственного парадного портрета. Этим и отличается официальная (парадная) история от живой истории, истории самой жизни.

Исторические анекдоты могут быть весьма неприятны для патриотического духа россиян, поскольку высвечивают те неофициальные страницы её национальной истории, которыми не принято было бравировать и не рекомендовалось даже вспоминать. Исторический анекдот может напротив не создавать миф, а разрушать официальную мифологию, поскольку живет вопреки всякой официальной идеологической догмы и попирает все выдвигаемые ею требования. В этом смысле исторический анекдот — «анархист» и «нудист», ибо выставляет напоказ историю в её обнаженном виде и в самый неблагоприятный для властей и национальной гордости момент.

Управлять политическим анекдотом при помощи идеологических запретов невозможно. Исторический анекдот, что вешняя вода — способна прорвать своим напором любую возведенную на его пути плотину. Для этого ему просто нужно время, которое всегда работает на него.

Исторический анекдот — это не всегда смешно, но всегда поучительно. Исторический анекдот — это некое событие, которое характеризует историю со своей точки зрения, которая может не всегда совпадать с официальной точкой зрения придворных историков и самих политиков-победителей. Он может находиться за рамками исторических учебников и официальной истории, но, не смотря на все это, выражать свою правду прошлого. Исторический анекдот — это всегда забытый политиками урок, который должен быть напомнен им историками, и усвоен нами, во избежание его повторения. При этом исторический анекдот не всегда должен носить сатирический или юмористический характер. Но он всегда должен быть поучителен для всех.

Отечественная война 1812 г. — это вечно колеблющиеся весы истории, на которых то и дело взвешиваются не только совесть и сердца голубя мира и ястреба войны, но и души всех участников (зачинщиков и рядовых исполнителей) этих событий. Война и мир — это две самые обсуждаемые в политике темы. Всё и все крутятся вокруг них, творя историю и оставляя в ней свои следы.

Конечно 1812 г. является трагическим годом в русской истории. Это было время колоссальных материальных и людских потерь, но вместе с тем и время не менее колоссального взлета национального духа, приведшего Россию в число ведущих европейских держав. В национальной трагедии этого года ковалась слава российских побед. Именно поэтому историю этого года нельзя описывать только в мрачных тонах. Для создания достоверной картины, необходимы краски всего мольберта, всех цветов и всех оттенков. Именно это обеспечивает объективность и достоверность нашего взгляда на прошлое.

Все герои войны 1812 г. (и русские, и французы, и не только они одни) являются детьми эпохи Просвещения. Все догадываются о том, что должны поступать в соответствии с законами разума, и стыдятся когда поступают под воздействием куража своих животных инстинктов (когда разум спит, действительно рождается чудовище!). Стыдятся, а потому на-

чинают сочинять о себе исторический анекдот, призванный смягчить это их средневековое невежество. Поэтому мы (читатели XXI века) должны для себя ясно различать, что есть исторические анекдоты, которые на самом деле имели место быть в действительности, и есть анекдоты, которые были придуманы уже задним числом, для того, чтобы обелить или выгородить себя или своих, впрочем, иногда из вполне благородных или даже «святых» побуждений. История вообще полна подобными мифами, и до сих пор не знает, как от них себя очистить?

Продолжая классификацию исторического анекдота, мы должны будем также выделить еще две такие его разновидности, как анекдот словесный (игра слов и смысла) и анекдот действия (когда свершается какой-либо исторический акт, поступок). Есть анекдоты забавные, над которыми стоит смеяться, и есть анекдоты трагические, заставляющие нас философски размышлять, содрогаться или даже плакать. Кто сказал, что исторический анекдот это всегда смешно? Исторический анекдот — это всегда поучительно и нравственно воспитательно. Он открывает нам глаза на те факты и события, которые оказываются по той или иной причине неудобными официальной версии истории (за которой всегда стоит, скрываясь в её тени власть). Он учит нас как нельзя и как можно поступать в скверных ситуациях, и как эти ситуации избегать, когда нас вводят в их искушение.

На примере событий Отечественной войны 1812 г. мы постараемся проследить все эти виды исторических анекдотов, и выяснить какое влияние они оказали на развитие нашего российского общества, и какое все ещё продолжают оказывать на нас. Если при рассказе о войне 1812 г. мы испытываем подъем патриотического чувства и гордость за наших предков и уважение наших врагов, то это значит, что эта история всё ещё жива и оказывает на нас свое формирующее (воспитательное) воздействие.

Разнообразие исторических анекдотов наводит нас на мысль о том, что этот жанр повествования был в ту эпоху особенно популярен. Причем были признанные специалисты в этом деле, которые сами сочиняли такие афоризмы, и были те, кто их коллекционировал, собирая оные вслед за великими языками своего времени.

История войны и мира 1812 года показывает, что между русскими и французскими генералами шла заочная словес-

ная дуэль. Так, в своих мемуарах А.П. Ермолов отмечает, что произносить напыщенные «исторические» фразы было очень в характере генерала М.А. Милорадовича, который сознательно соревновался в сем искусстве со своим непосредственным противником, французским маршалом И. Мюратом. Все пытались войти в историю не только своими военными подвигами, но и великими афоризмами. Все великие любили величественно поговорить и порой договаривались до определенных не всегда приятных для себя последствий. Как известно, все тот же генерал М.А. Милорадович погибнет на Сенатской площади во время своей пламенной речи 14/26 декабря 1825 г., сраженный выстрелом декабриста П.Г. Каховского...

Война остряков — это тоже война, в которой могут быть все победителями, если побеждает нравственность и юмор. Поле сражения такой войны — умы людей, которые отдают им свои симпатии или антипатии. Такая война есть игра ума, остроты мышления и буйства фантазии. Но, если острота слова принадлежит безнравственному и циничному антигерою, то это уже не победа, а поражение гуманизма. Поэтому мерилом острого языка является совесть его владельца. И вот здесь случаются порой досадные недоразумения.

Люди того времени сами охотно сочиняли про себя различного рода анекдоты и небылицы для того, что бы произвести положительное впечатление в обществе или даже прославиться. В качестве такого примера можно привести историю, явно насочиненную полковником А.-Ф. Мишо, посланного фельдмаршалом Кутузовым к императору Александру с известием о сдаче французам Москвы. 20 сентября 1812 г. он явился к царю и имел с ним разговор, который сам же спустя семь лет (1819) изложил. Анализ всей этой истории приводит историков к мысли то том, что перед нами образец царедворчески умильного и риторически украшенного стиля, выдумки с целью выставить собственное свое остроумие и находчивость, и тем самым повысить себе цену. Рассказчик пытается прослыть изысканным придворным каламбуристом и остряком¹.

«Государь, — обратился будто бы тогда Мишо к царю, — позвольте ли говорить с вами откровенно, как честный военный?» Царь был тоже искренен и просил его не жалеть. Француз живописал сожженную Москву и особенно настаивал на

¹ *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию. М., ГИЗ, 1941. С. 112.

том, что армия настаивает, чтобы он ни в коем случае не заключал с Наполеоном мирного договора и продолжал сопротивление. Царь прослезился и высокопарно заявил: «если в велениях божьего промысла сказано, что моя династия должна перестать царствовать на прародительском троне, тогда, использовав все средства, какие будут в моей власти, я отращу себе бороду вот до сих пор, — и он указал на свою грудь, — и буду есть картофель с последним из моих крестьян в глубине Сибири, скорее чем подпишу стыд моего отечества и моих добрых подданных, жертвы которых я умею ценить. Провидение нас испытывает; будем надеяться, что оно нас не покинет». И царь прибавил: «Полковник Мишо, не забудьте того, что я вам тут говорю; может быть, когда-нибудь мы вспомним об этом с удовольствием. Наполеон или я, или он, или я, мы уже не можем больше царствовать вместе! Я его узнал, он меня не обманет»².

Над всей этой историей академик Е.В. Тарле просто смеётся, считая её выдуманной с начала и до конца. По его мнению полковник Мишо был не того калибра, чтобы царь мог позволить себе вести с ним такие приватные разговоры. Сей пример для нас особенно поучителен, поскольку свидетельствует о том, что нельзя всему верить с первого слова. Если рассказчик был хоть раз замечен во лжи (сочинительстве лишнего), то его свидетельства необходимо подвергать тщательной верификации. Как раз то время и даёт нам наибольшее число таких преувеличенных свидетельств в свою пользу (но как показывает история, во вред исторической науки). Не зря символом сочинительства тех лет стал прославленный барон Мюнхгаузен³.

Своих баронов Мюнхгаузенов было достаточно как в русской, так и во французской армии. В России известным краснобаем был князь Д.Е. Цицианов, над забавными рассказами которого смеялось все российское общество того времени. Известным острословом был князь А.А. Нарышкин, да и сами русские цари тоже любили пошутить. В общем, это было шу-

² Там же.

³ См.: Бюрьер Г.А., Распе Р.Э. Удивительные путешествия на суше и на море, военные подвиги и веселые приключения Барона фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей. М., Наука, 1985. С. 368.

точное время (если не больше — шутовское!). Жизнь вообще некоторыми историческими персонами воспринималась как шутка. Так, секретарь А.В. Суворова Е.Б. Фукс не имея возможность написать фундаментальный научный труд о своем великом шефе, создал сборник исторических анекдотов о нем⁴. Но это были действительные зарисовки из жизни генералиссимуса, а не выдуманные интрижки или «жаренные факты».

В то время считалось, что без вымысла не обходится ни одна книга, ни одна история, и ничего в политике. Наполеон уже на острове св. Елены, как то заметил, что «воистину необычайной оказалась бы книга, в которой не нашлось бы места для вымысла»⁵. Поэтому в своих воспоминаниях многие не то чтобы придумывали себе героическую жизнь, но скрашивали и приукрашивали её по мере своих умственных сил и широты нравов.

Совесть не самый надёжный советчик тем, кто вознамерился писать собственные мемуары. Им на помощь быстрее приходит хитрость и изворотливость, но не любовь к истине и её поиск. Часто бывает и так, что генералы лгали в своих воспоминаниях ради укрепления своей военной славы, а рядовой состав часто говорил искренне и только правду, стараясь тем самым избавить свою память от мук совести. Синдром войны по-разному сказывался на совести его участников — тот, кто приобрел чины и награды, чаще всего восхваляли войну, те, что получили ранения и увечья, чаще всего её проклинали и заклинали больше никогда её не начинать.

Философия войны и мира

Вся история человечества представляет собой непрерывную череду войны, в промежутках между которыми втискивался в качестве неприятного для элиты исключения и желаемый для народов мир. Война и мир всегда заканчиваются победой или поражением, причем победа одного, есть поражение другого, и основание для повторения ситуации, когда война и мир балансируют на грани своего существования.

⁴ Фукс Е.Б. Анекдоты князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. Спб., 1827.

⁵ Maximes et pensees du prisonnier de Sainte-Helene. Manuscrit trouve dans les papiers de las Casas. Paris. Chez L'Huillier, Libraire, rue Serpente, № 16 1820. № CCCCLXV.

Война есть поиск мира на новых, более выгодных для воюющих сторон условиях. Война пытается пересмотреть и переосмыслить извечные ценности мира. Война есть попрание мира, способами недопустимыми для культурного человечества. Мир представляет собой примирение (успокоение) конфликта. Война топчет мир, мир же устраняет войну из реальности. Война есть насилие над миром, через которое вражда пытается утвердиться в своем абсолютном зле.

Война — это время насильственной смерти, это время мертвецов. Война — это узаконенное государством убийства, которое совершается от имени власти и во благо правящего меньшинства. Война разделяет всех на живых и мертвых. Когда последних оказывается больше чем первых, война убивает сама себя, ибо война на полное истребление рода человеческого есть полное безумие и абсолютное преступление перед жизнью. Война и есть попрание жизни самыми зверскими способами. Мир — это защита жизни от узаконенного государством насилия. Пока за государством сохраняется право на насилие (применение силы в отношении своих противников), война будет сохраняться и регулярно возникать в нашей общественной повседневности.

Война всегда у людей что-то забирает и требует на свой алтарь всё новых и новых жертв. Она даёт все лишь одним героям, которых единицы и обирает жертв, которых оказывается подавляющее большинство. Мир — это простоя войны. Вот почему военные его так не любят, — он является помехой на пути к их славе, препятствием к продвижению к вершине власти. А к славе и власти у них один единственный путь — война, т. е. убийство других во имя удовлетворения своего собственного тщеславия. Вот убогая психология этих ничтожеств. Вот, чем восторгаются патриотически настроенные этносы, читая свои якобы героические (полные медового патриотизма) истории. С точки зрения пацифизма — это аморально. Сточки зрения патриотизма — это геройски.

Положение усугубляет ещё ложь политических элит о себе и своём времени. Больше всего о мире говорят элиты и их лидеры, но именно они больше всех делают для войны. Во время мира Наполеон упорно молчал о войне, но активно о ней думал, а во время войны упорно говорил о мире и делал вид, что всё для него делает, но все (и обстоятельства и его оппоненты) ему активно в этом деле мешают.

По воспоминаниям Коленкура, Наполеон до вторжения в Россию уверял всех, что не желает войны, а во время войны с Россией, уверял всех, что желает только одного — мира. Толстой весьма точно назвал свой роман «Война и мир» — Наполеон всегда находился между войной и миром. Уже будучи в России, он настойчиво подчеркивал, что «что не питает никакой личной вражды, что эта война является всецело политической, а поэтому ничто не помешает в любой момент прийти к взаимному соглашению» (*Коленкур, Мемуары, Гл. 3*). Из прочитанного дневника Коленкура можно сделать один нехитрый вывод: Наполеон пришел в Россию с войной, для того, чтобы склонить её к миру. Вполне в духе развитого макиавеллизма.

Чем еще отличаются война и мир? Война не время, когда можно было спокойно заниматься сочинительством. Напротив мирное время располагает к тому, чтобы приукрасить историю войны и представить её в наиболее выгодном для себя и своих свете. Голод не располагает человека к завирательным фантазиям. Поэтому свидетельство голодного человека всегда будут отличаться большей честностью и достоверностью, чем свидетельство сытого, и даже очень сытого очевидца, даже и рядом не стоявшего, когда происходили описываемые им события.

Поэтому я был не в малой степени удивлен, когда в дневнике одного русского офицера прочел его философские размышления о сущности бытия и всемирной истории. Оказывается и на войне находилось время и место для подобного рода философских размышлений. «Настоящее повторяется в будущем так, как прошедшее — в настоящем! Пройдут времена; лета обратятся в столетия, и настанет опять для некоего из царств земных период решительный, подобный тому, который ныне покрыл Россию пеплом, кровью и славою...» (*Глинка Ф. Письма русского офицера. 07.11.1812*). Философская рефлексия во время о смысле жизни — самая ценная философия, ибо в ней есть правда и нет ничего лишнего, что могло бы её отодвинуть на задний план. Только смерть может это сделать, но и её появление, будет расценено как её участие в философском анализе действительности.

Война в корне меняет человеческие привычки, делая людей другими. Один и тот же человек во время мира и во время войны может быть настолько на себя непохожим, что мы бу-

дем опознавать их как совершенно разных исторических персонажей. Так во время войны 1812 г. у некоторых солдат были весьма специфические, я бы даже сказал, весьма дикие (садистские) развлечения. Война накладывала свой отпечаток на мораль, уменьшая её размеры до критического состояния. Поэтому некоторые шокирующие факты воспринимаются нами (людьми мирного времени) как несусветная дикость, уводящая людей обратно в доисторические времена.

В оценке прошлого одного мнения оказывается порой недостаточно. Разобраться в порой запутанных деталях прошлого можно, если оценивать одно и то же событие с двух разных точек зрения — с точки зрения французского и российского мемуариста. Но даже и при такой очной ставке выясняется одна пикантная подробность — военные охотно пишут о своих победах и обнаруживают провалы памяти, там, где у них были неудачи. В этом плане все военные едины в оценке своих побед, но всегда расходятся в оценке своих или чужих неудач.

Биография войны всегда существует за счёт биографии мира. Этот процесс напоминает собой махинации хитрой кукушки возле чужого гнезда. Все самое важное и интересное война забирает себе, оставляя миру одну лишь постную жизнь. Героев всегда больше всего интересовала война, а не мир. И их всегда больше во время войны, чем мира.

Для самих военных война была праздником. Смех помогал им компенсировать потери мира и пережить страшные минуты войны. «Ведь мы были на войне, — признается в своих мемуарах А. Коленкур, — и каждый из нас участвовал в ней, а потому все обычно были веселы, беззаботны и даже в шутовском настроении, как это всегда бывает накануне, в самый лень и на завтра после сражения. Несмотря на наши несчастья, в нашей ставке царило, бесспорно, не менее хорошее настроение, чем в ставке русских» (*Коленкур, Мемуары, Гл. 6*). Находясь на расстоянии от ужасов войны, нетрудно полюбить её тихие штабные вечера. Главным образом штабисты и воспринимают войну, как увлекательную прогулку по политическим картам Европы, не видя, чем реально оборачивается это их путешествие. Хрустящие под их каблуками кости их и чужих солдат не могут пробудить в них трезвый взгляд на реалии войны, ибо они по-прежнему пребывают в мирном состоянии и мирятся со своей совестью.

Трикстер войны и мира

Война — это всегда горе, мир — это всегда радость. Но есть люди, которым мир не в радость, а праздником является война. Человек войны очень тяжело переносит мирное время, которое оказывается для него обременительным и даже враждебным. Он инстинктивно стремится к войне, поскольку именно на войне он подлинно живет. Поскольку именно на ней он ощущает себя настоящим человеком.

Наша работа — это своего рода трикстер войны и мира. Суть трикстерства нашей работы заключается в том, чтобы через «смех и слезы» развеять существующие в официальной истории мифы, которые заслоняют от нас истинный смысл прошлого, заставляют нас мыслить в духе некогда господствовавших политических идеологий. История должна быть очищена от идеологических мифов, которые были в свое время навязаны нашему обществу в угоду неких политических целесообразностей.

Если харизматическое восприятие власти возносит власть до иррациональных небес, то трикстерная оценка действительности, напротив, разрушает ореол ложной святости, приземляет то, что ложно возносит харизма, делает объект подвергшийся харизматической элитизации доступным для нашего обыденного и даже рационального понимания. Трикстер открывает глаза на истинную природу харизмы. Смех — это совершенно иное (особое) измерение истории. В смехе всё самое величественное может приобретать настолько комические очертания, что законным возникает вопрос — и эти люди управляли судьбами мира?! Для власти нет ничего хуже, чем этот вопрос. Вот почему они внушают обывателю священный ужас, запрещающий подвергать власть осмеянию.

Однако многое в истории достойно того, чтобы быть поднят на смех. Многие недостойные возвышены и возвеличены победителями, стремящимися через это ещё более унижить своих побежденных. Вопрос, «что было бы, если бы победила другая сторона», всегда будет самым еретическим вопросом компаративистской истории.

Для того чтобы самим быть адекватными в оценках прошлого, мы должны хорошо разбираться не только в первоисточниках (текстах прошлого), но и знать биографии тех, кто эти источники составлял. Так, известный своей враждой с А.С. Пушкиным, Фаддей Булгарин, был по происхождению

на самом деле поляк Ян Тадеуш. Во время наполеоновских войн он был офицером сначала — в русской армии, потом — во французской. Как русский офицер, он участвовал в Прусской кампании (за Фридлянд получил орден св. Анны третьей степени), и в войне со Швецией в 1808–1809 гг. Потом, после того как Россия стала союзницей Франции (после Тильзита) перешел на французскую службу и в составе Польского легиона воевал в Испании. А уже в 1812 г. в составе Великой армии он участвовал и в походе на Россию. Свой боевой путь закончил в 1814 г. в Пруссии, попав в плен. «Зная это, легко понять, почему в своих военных мемуарах Булгарин пишет об Испании только с позиций высокой политики, а о походе в Россию не упоминает вовсе — не писать же ему, как он, русский журналист, штурмовал батарею Раевского и рубил солдат Лихачева. Французская карьера Булгарина удалась лучше русской: если в армии Александра он дослужился до подпоручика, то в армии Наполеона стал капитаном и кавалером ордена Почетного легиона»⁶. Сама биография Ф. Булгарина является историческим анекдотом. Зная этот анекдот, мы по-другому можем оценивать роль этой личности в истории.

Еще одной темой для политических спекуляций является враждебный для Великой армии русский климат. Наполеон пошел на Россию, не договорившись о погоде с небесной канцелярией. Он не знал русской пословицы: «не зная брода, не лезть в воду». Поэтому в дальнейшем все свои оправдания на счёт неудач в России он относил к силам, над которыми он сам был не властен. Если бы Наполеон умел ещё управлять погодой, то участь России, Индии и Китая была бы предрешена. Но алхимия метеорологии не подвластна даже и современным политикам. Чего уж говорить о том времени?!

Поэтому в России даже погода была против вторжения Наполеона. Представьте себе, Россия встретила Великую армию Наполеона ужасной жарой и сильными грозами (*Волконский Д.М. Дневник. 28.06.1812*), а провожала лютыми морозами. Поэтому используя терминологию известного остролова А.А. *Нарышкина*, можно сказать, что Наполеону в России был оказан весьма жаркий прием, после которого последовал весь

⁶ Тепляков С.А. «Смысл жизни». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Teplyakov5/index.html>

ма прохладный отказ⁷. Сам князь А.Л. Нарышкин — самый настоящий трикстер русской истории — каждое его появление на страницах истории сопровождается смехом, вызванными его оригинальными остротами и нестандартным образом мысли. Эта историческая персона существует в истории именно исключительно благодаря смеху, т. е. своему остроумию.

Но трикстером могли быть и анонимы. Анекдотические истории из жизни российского чиновничества стали рекламой нашей действительности. Рассказывали, что русские чиновники могли извлекать выгоду из любого пустяка. Даже из царского носа. Одна из таких историй повествует о том, как однажды у царя Павла случилась простуда и кто-то посоветовал ему помазать нос на ночь салом, для чего была приготовлена сальная свеча. С того дня в продолжении целого года, если не больше, ежедневно придворные чиновники отпускали дворцовой конторы по пуду сальных свечей — «на собственное употребление его величества»⁸. Ну, разве это не анекдот о русском чиновничестве? И кто, скажите мне, после этого делал из царя Павла дурака? Чиновничество, которому он прищеплял нос.

Исторические анекдоты войны и мира

Исторические анекдоты войны и мира могут содержать в себе совершенно иную картину событий, поскольку глядят на них с другой стороны, точнее с различных сторон, которые часто противоречат друг другу.

У некоторых генералов той войны воображение было развито не в меньшей мере, чем их воинская храбрость. В наполеоновской армии был свой барон Мюнхгаузен — польский граф *В.И. Красинский*, который после войны вдохновенно и замысловато импровизировал о своих геройских похождениях на полях сражений. Его можно с полным основанием считать живой фабрикой по созданию «исторических анекдотов».

⁷ Исторический анекдот: «Когда принц Прусский гостил в Петербурге, шел непрерывный дождь. Государь изъявил сожаление. «По крайней мере принц не скажет, что Ваше Величество его сухо приняли», — заметил Нарышкин». — Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века. М., 1990. С. 139.

⁸ *Вяземский П.А.* Старая записная книжка // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. СПб., 1883. Т. 8. С. 169.

Но были и такие генералы, которые относились к сочинительству весьма критически (и даже враждебно), не видя в оном никакой пользы. Самих сочинителей они оценивали на уровне скоморох, призванных веселить серьезное светское общество.

Немало курьезов возникало тогда, когда политика смешивалась с сексом. О русском царе Александре I говорили как о благородном рыцаре, но даже и у него в шкафу был не один спрятанный скелет. Для того чтобы отделить политику от любви (чтобы одно не мешало другому) ему порой приходилось идти на не совсем приличные авантюры, о которых его официальная напомаженная биография не любит распространяться. В связи с этим возникает известный вопрос политической истории — кому верить? Кто из авторов наиболее адекватен? Чья точка зрения содержит наибольший процент истины? Кто более совестлив перед вечностью? От решения этих проблем будет зависеть и наша собственная точка зрения — оценка личностей и событий.

Было замечено, что французские офицеры в ходе войны 1812 г., дабы выслужится в глазах своего императора, в своих победных реляциях часто раздували малозначительные успехи до крупных побед, получая высокие ордена и чины. Классическим примером здесь может быть история с русским адмиралом П.В. Чичаговым, поражение которого под Борисовым в 1812 г. было изрядно приукрашено его французскими противниками и русскими придворными недоброжелателями (цифры потерь русской армии произвольно увеличивались в два, а то и в три раза).

Некоторые эпизоды биографии наиболее экстравагантных героев войны 1812 г. напоминают собой исторический анекдот. Ну, кто не скажет, что не является анекдотом парижский вояж будущего декабриста М.С. Лунина? Всем известный своим острым сатирическим умом М.С. Лунин, служи кавалергардом в Петербурге, но был вынужден из-за больших долгов бежать за границу в Париж, где некоторое время жил на положении клашара (бомжа). «Здесь он сделался католиком и проживал в Париже, на чердаке, переносил всякие лишения, давая уроки и трудясь над трагедией «Ажедмитрий». Это произведение Лунин написал на французском языке, который знал лучше родного, вследствие тогдашнего воспитания»⁹.

⁹ Пыляев М.И. Замечательные чудачки и оригиналы. М., 2001. С. 126.

Романтически настроенная молодежь ещё не знавшая запах пороха и крови, радовалась войне, рассчитывая с ее помощью «застолбить» за собой место в истории. Для этого необходимо было совершить подвиг или героически сложить голову. Те, кто выжил, продолжал пытаться попасть в историю посредством своих мемуаров. Поэтому война продолжалась и в мирное время — теперь уже на страницах многочисленных воспоминаний, от чего реальная война приобретала чудовищные размеры и невероятные подробности. Историческая слава требовала жертв — изрядного воображения и неразборчивую совесть.

Особенностью некоторых воспоминаний (фр. *Memoires* — воспоминания) является то, что их авторы излишне нарочито приукрашивают свои заслуги перед историей. Поэтому читая подобные источники, следует всегда избавляться от обволакивающей её шелухи человеческого тщеславия. Французские мемуаристы, а среди них было не мало, кто входил в ближайшее окружение Наполеона, склонны романтизировать военную кампанию 1812 г., выставляя напоказ нарочитое благородство и постыдно пряча реальные собственные пороки. Так, вступление французских войск в Москву граф де Сегюр описывает таким образом, будто бы он присутствует при открытии Америки Христофором Колумбом¹⁰. Море крови Бородинского сражения пустяк, в сравнении захватом главного трофея в этой русской войне.

В таких условиях, всему ли мы должны верить в таких мемуарах? Конечно же, нет. На то они и мемуары, чтобы выставить себя любимого в наиболее выгодном свете. При этом ссылки на забывчивость, компенсируются избытком фантазии. Французский генерал Ж.-Б. Марбо в своих мемуарах тоже любил в духе барона Мюнхгаузена рассказывать о своих боевых подвигах, о которых все остальные историки почему-то (по-видимому, из-за зависти) молчат¹¹. При этом многие военные-историки участники тех событий были сильны, как говорится, «задним умом» — спустя годы они легко давали советы своему начальству, как им на самом деле следовало бы посту-

¹⁰ Сегюр Ф.-П. де. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. Смоленск, 2003. С. 155–156.

¹¹ Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005. С. 531, 537, 544.

пить и какие выгоды они упустили, поступив иначе. Сам Марбо предостерегает своего читателя от преувеличений других авторов, не замечая, как он сам приуменьшает одни знаковые события и преувеличивает другие, не имевшие столь большой исторической значимости¹². Он делает замечания другим (причем со столь серьезным видом), и не замечает явных несогласований в своем собственном тексте. Этот факт сам по себе уже вызывает у нас улыбку. Покритиковать начальство и выказать своё превосходство над ним в своих суждениях, признак нереализованных личных амбиций¹³.

Как свидетельствуют источники, сами участники тех событий любили рассказывать друг другу исторические анекдоты и давать им свои комментарии. Известен такой случай. Старый генерал А.А. Беннигсен сопровождал императора Александра I в Тильзит и при встрече с Наполеоном, тот к нему обратившись, сказал: «Вы были злы под Эйлау. Я всегда любовался вашим дарованием, еще более вашею осторожностью». Комментируя этот рассказ, Д.В. Давыдов замечал с усмешкой: «Самолюбие почтенного старца-воина приняло эту полуэпиграмму за полный мадригал, ибо во мнении великих полководцев осторожность почитается последней военной добродетелью, предприимчивость и отважность — первыми. Этот анекдот рассказывал мне Беннигсен несколько раз, и каждый раз с новым удовольствием»¹⁴. Современные комментаторы считают, что Д.В. Давыдов не совсем был прав: Беннигсен не принял слов Наполеона «за полный мадригал». Генералу нравилось повторять этот рассказ потому, что он неопровержимо вводил его в Историю, и, может быть, ещё больше потому, что именно здесь самим Наполеоном, первый и единственный раз в его жизни, в его адрес было произнесено слово «дарование»¹⁵.

Особенности всех мемуаров войны 1812 г. заключается в том, что их преимущественно писали военные. Знакомясь с их текстами, невольно замечаешь, что именно военные были в большей мере склонны к тому, чтобы описывать преимущественно лишь свои победы и успехи. Открываешь воспо-

¹² Там же. С. 573, 574.

¹³ Там же. С. 602.

¹⁴ Давыдов Д. Сочинения. М., 1962. С. 246–247.

¹⁵ Русские мемуары. Избранные страницы 1800–1825 гг. М., 1989. С. 25.

минания И.Ф. Паскевича и видишь, что русские успешно боролись с французами, но почему-то всегда отступали. Открываешь мемуары М. Марбо и видишь, как всегда побеждают и обращают в бегство неприятеля brave французы, но почему-то в конечном итоге они проиграли и потеряли всё¹⁶. Так, может быть, и правы те, кто утверждает, что историю пишут победители? О своих неудачах военные пишут неохотно, или вообще стараются этого не замечать. Оно и правильно — у них есть боевые ордена, так стоит ли вспоминать о своих неудачах?! Если бы на одну сторону груди (правую) вешались ордена за победу, а на другую (левую) медальки за поражения, тогда был бы виден точный счет военной карьеры каждого генерала. Но таких медалей ни одна армия пока ещё не придумала.

В мемуарах все их авторы демонстрируют железную стойкость и завидную храбрость. На практике все далеко было не так. Трусость и зависть были реальностью, а подвиг существовал только на бумаге парадных донесений¹⁷. Интрига становилась главным методом ведения военных действий. Перехитрить врага, было равнозначно одержать над ним победу. Когда военные путают интригу с войной, сама война превращается в трикстера, обретает свое параллельное описание, альтернативный вариант.

Будущий декабрист князь С.Г. Волконский в 1812 г. некоторое время командовал небольшим партизанским отрядом.

¹⁶ См.: Паскевич И.Ф. Походные записки // 1812 год в воспоминаниях современников. Под ред. Тартаковского А.Г. М., Наука, 1985. С. 72–105; Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо / пер. с франц. — М., Изд-во Эксмо, 2005.

¹⁷ Давая характеристику российскому генералитету того времени, К. Клаузевиц отмечает, что многие высокопоставленные чины боялись ответственности, поэтому предпочитали интриговать, а не командовать войсками. Таков в частности, был пресловутый швед на российской службе генерал Армфельд. К. Клаузевиц пишет, что этот вояка всюду пользовавшийся репутацией великого интригана. «Крупные вопросы ведения войны, по-видимому, и для него оставались совершенно чуждыми, а потому он не добивался назначения на какой-либо ответственный пост и довольствовался подобно Пфулю званием генерал-адъютанта, но в любое время был готов завязать интриги». — Клаузевиц, Карл фон. 1812 год. М., 1937.

В своих записках позже он писал: «Описывая партизанские действия своего отряда, я не буду морочить читателя, как это многие партизаны делают, рассказами о многих небывалых стычках и опасностях; и по крайней мере, добросовестностью моей, в сравнении с преувеличенными рассказами других партизанов, приобрету доверие к моим запискам»¹⁸. Получается, что большинство мемуаристов (если не все поголовно) морочили читателю голову, причём все (и авторы и читатели) прекрасно об этом знали.

Впрочем, были и такие, кто из-за скромности, напротив, старался принизить свои явные заслуги. Таким примером исключением из правила является герой Отечественной войны генерал Н.Н. Раевский. В исторические скрижали 1812 г. он вошел своим знаменитым боем под Салтановкой¹⁹. В тот день при нем были его сыновья — Александр (17 лет) и Николай (11 лет). Под Салтановкой, когда измученные за десять часов боя войска стали сдавать свои позиции, Н.Н. Раевский пошел вперед с сыновьями. «Меньшого, Николая, он вел за руку, а Александр, схватив знамя, лежавшее подле убитого в одной из предыдущих атак нашего подпрапорщика, понес его перед войсками. Геройский пример командира и его детей до испуга одушевил войска», — писал впоследствии внук Н.Н. Раевского Николай Орлов. Сам же бравый генерал спустя годы, когда его стали допекаль воспоминаниями о Салтановке, говорил, что всё это придумал бывший при войсках поэт В.А. Жуковский²⁰. Однако послужные списки показывают, что

¹⁸ Волконский С.Г. Записки. СПб., 1902. С. 207.

¹⁹ Сражение произошло 11 (23) июля 1812 г. у деревни Салтановка близ Могилева между отрядом корпуса генерала Н.Н. Раевского и корпусами Даву и Мортье. Бой был кровопролитным. Однако Раевскому не удалось пробить брешь в неприятельских войсках для соединения 1-й и 2-й Западных армий.

²⁰ Поэту К.Н. Батюшкову (который у него служивший в 1813 г. адъютантом) Н.Н. Раевский говорил: «Правда, я был впереди. Солдаты пятались, я ободрял их. Со мною были адъютанты, ординарцы. По левую сторону всех перебило и переранило, на мне остановилась картечь. Но детей моих не было в эту минуту. Младший сын собирал в лесу ягоды (он был тогда сущий ребенок, и пуля ему прострелила панталоны); вот и все тут, весь анекдот сочинен в Петербурге. Твой приятель (Жуковский) воспел в стихах. Граверы, журналисты, нувеллисты воспользова-

Александр в бою под Салтановкой был, да и про ягоду Н.Н. Раевский рассказывал тоже зря: его младший сын Николай именно после Салтановки был произведен в подпоручики...²¹

Исторический анекдот часто не попадает на парадные страницы истории, потому что те, кто пишут официальную историю, чаще всего выполняют серьезные идеологические заказы господствующей в их время власти, которой бывает не до смеха. Смех может навредить имиджу власти, поэтому высмеивают чаще всего врагов, но своих в самых редких случаях. Смеяться над своими властями считается безрассудно, потому что опасно. Только самый мудрый правитель может понять (или сделать вид, что не понял) и оценить шутника, но это лишь только в том случае, если он сам обладает развитым чувством юмора.

Не все события прошлого стали текстами официальной истории. Огромное их количество осталось невостребованными. Но именно в этих «мелочах» подчас кроются удивительные ответы на загадки официальной истории. Эти «мелочи» не просто уточняют прошлое, но и акцентируют наше внимание на то, мимо чего мы проходим, ослепленные ярким светом официальной версии прошлого. Исторический анекдот может быть и в виде некоего неизвестного факта, который по каким-то причинам игнорируется или просто не учитывается официальной версией истории. Уже сам акт исключения этого факта из числа «правильной истории» является анекдотичным, потому что требует объяснений.

Фортуна для таких людей как Наполеон изменчива и парадоксальная. В зависимости от количества совершенного тобою качества, меняется и общественное к тебе отношение. Чем выше поднимается твоя слава, тем больше положительных отзывов о вашей персоне. «После моей высадки в Каннах парижские газеты запестрели заголовками: Мятеж Бонапарта; через пять дней: генерал Бонапарт вступил в Гренобль; одиннадцать дней спустя: Наполеон вступил в Лион; двадцать

лись удобным случаем, и я пожалован Римлянином». — *Батюшков К.Н.* Сочинения. т. II. СПб., 1885. С. 328.

²¹ Сам Н.Н. Раевский писал знакомой сразу после сражения без шуток, но с гордостью: «Сын мой, Александр, выказал себя молодцом, а Николай даже во время самого сильного огня беспрестанно шутил; этому пуля прорвала брюки; оба сына повышены чином».

дней спустя: Император прибыл в Тюильри; ищите после этого в газетах общественное мнение!»²². И такие изменения мнений тоже своего рода анекдот, ибо на крутых виражах истории случается масса интересного для тех, кто является наблюдателем и неприятного для тех, кто является их участником.

Иногда самые невероятные фобии становились причиной всякого рода анекдотических ситуаций. Некоторые боевые генералы боялись не столько пуль и пушечных ядер, сколько ядов, как например, русский генерал В. Г. Костенецкий. Герой Бородинского сражения, он всю жизнь употреблял простую мужицкую пищу («щи да кашу»), опасаясь изысканных блюд, которые могли быть отравлены его коварными завистниками из высшего света. Ещё один анекдот как жизненный случай (такое придумать просто трудно, практически невозможно!) — в русской армии был офицер, который как две капли воды был похож на Наполеона. У генерала Н.И. Демидова из-за этого возникало масса всяких недоразумений, а сам он был тоже весьма большим оригиналом — например, он панически боялся, когда ему дорогу перебегал «черный кот»... в образе попа.

Некоторые русские генералы были, по всей видимости, тайными поклонниками Наполеона, и старались хоть в чем-то на него походить, или, как и он быть в чем-то оригинальными. Так, герой Отечественной войны 1812 г. генерал А.А. Вельяминов слыл в армии большим оригиналом. В походах он одевался подобно Наполеону I в серый короткий сюртук поверх мундира. Его чудачества обрастали анекдотическими подробностями, что заметно выделяло этого генерала из общей массы русских военачальников того времени (военначальник — это не просто «военный начальник», а прежде всего «начальник войны»).

Порой сама жизнь подбрасывает историкам анекдоты, пришедшие из самой жизни. Вот один из таких типичных примеров. Во время Бородинской битвы разыгралось самое драматическое событие — битва за батарею Раевского. Отбить захваченную батарею был посла Уфимский полк генерала А.П. Ермолова. Солдаты «подняли французов на штыки» и

²² Maximes et pensees du prisonnier de Sainte-Helene. Manuscrit trouve dans les papiers de las Casas. Paris. Chez L'Huillier, Libraire, rue Serpente, N° 16 1820. N° CCCXL.

отбили батарею. И вот тут наступает самое интересное — у победы оказалось много отцов. Адъютант М.Б. Барклая Вольдемар Левенштерн в своих мемуарах утверждает, что он первым ворвался в захваченный французами люнет с солдатами Томского полка, а А.П. Ермолов и остальные подоспели уже намного позже. Во время битвы якобы все признали за ним эту заслугу, а генерал А.П. Ермолов даже на радостях расцеловал его и обещал наградить Георгием. Однако позже, когда этот эпизод был признан самым выдающимся событием Бородинской битвы, нашлись другие лица пожелавшие присвоить себе честь этой победы. Кроме В. Левенштерна батарею Раевского брал также и генерал И.Ф. Паскевич с солдатами своей 26-й пехотной дивизией. И.Ф. Паскевич вскользь упоминает А.И. Кутайсова, а про А.П. Ермолова вообще молчит. Левенштерн пишет про А.П. Ермолова, но забывает упомянуть А.И. Кутайсова. А.П. Ермолов видимо, решив не делиться ни с кем славой, и в своем рапорте М.Б. Барклаю от 20 сентября 1812 г., забывает и про убитого А.И. Кутайсова, и про расцелованного им В. Левенштерна, не говоря уж о И.Ф. Паскевиче. Но самое интересное, что в одном из вариантов рапорта о сражении К. Толь решил забыть о них всех разом. В этом «Описании» эпизода первого захвата батареи Раевского просто нет. Дело объясняется тем, что штабист К. Толь не мог официально признать того факта, что почти сразу после начала сражения центр позиции был прорван и один из главных пунктов обороны достался неприятелю²³.

Житейские анекдоты могли возникать уже из самого характера человека. Генерал Х.И. Бенкендорф был до того рассеян, что раз, проезжая какой-то город, зашёл на почту узнать, нет ли там писем на его имя. «А как ваша фамилия?» — спрашивает его почтмейстер. «Моя фамилия...», — повторяет он несколько раз и никак её не может вспомнить, с тем и уходит из почтамта. На улице он встречает знакомого, у которого спрашивает, как его фамилия, и, узнав, тотчас же бежит на почту²⁴.

История как весьма сложная и многогранное явление не терпит однолинейного описания. Само многообразие жизни

²³ Описание сражения при селе Бородино, происходившего 26 августа 1812 года. Бородино. Документальная хроника. М. РОССПЭН, 2004. С. 329.

²⁴ Пыляев М.И. Замечательные чудачки и оригиналы. М., 2001. С. 54.

вынуждает историческую науку быть плюралистичной, а не моновариативной. Однозначность ею воспринимается как вариант, а навязанная властями обязательная идеологическая точка зрения заведомо как ошибка. В отличие от официальной истории, в альтернативных версиях может быть ничем неприкрытая и неприглядная правда. Альтернативка — это не парад достижений власти, а система совершенных ею ошибок. Официальная же история, напротив, стремится к подобной однозначности, но не из приверженности к принципам экономности сил и времени («Бритва Оккама»), а по сугубо идеологическим соображениям.

По идеи, истории должно быть столько сколько людей. Но только не каждый может дать адекватное описание своего времени или даже своей собственной жизни. В результате сбора такого материала накапливается архив ненормативных фактов, которые формируют свой особый чаще всего параллельный официальной версии облик истории, где морально-политические оценки могут меняться с положительного на отрицательный знак или обратно.

Хроника войны и мира 1812 г. в исторических анекдотах — как раз и представляет собой одну из альтернативных версий истории, поскольку является сборником материалов редко когда используемых в таком виде и в таком объеме в официальной истории.

* * *

Уже в начале XXI века праправнук брата Наполеона Жерома Бонапарта Шарль Наполеон признается, что: «В России Наполеон потерпел тотальное военное и политическое поражение. Это была катастрофа»²⁵. В нашей общей оценке событий войны 1812 г. мы как раз и исходим из этой новейшей французской версии тех событий.

²⁵ Коваленко Ю. Бонапарт терпеть не мог проигрывать и в открытую жульничал // Известия. № 236 (28007). 21.12.2009. С. 10.

ТИМОФЕЕВА Е.Г.

Российская провинция в условиях военного времени
(на примере Астраханской губернии
в 1812–1814 гг.)*

Отечественная война 1812 года является знаковым и значимым событием для нашей страны. Ее существо — общенациональное сплочение России перед лицом грозного нашествия, беспримерный духовный подъем народа, жертвенность во имя Родины. Эпоха «двенадцатого года» года имела переломное значение для истории и культуры России, связав судьбы общества и государства, центра и провинции, зримо проявив общественные инициативы и практики, рост национального самосознания.

Обращение к исследуемой теме особенно актуально сегодня, когда в общественном сознании граждан Российской Федерации идет процесс национальной самоидентификации, обострилось «чувство общности национальной жизни». Возрастает интерес исследователей и к региональной проблематике, желание «разглядеть» облик российского общества в богатстве конкретного, своеобразного.

Обширная по территории Астраханская губерния находилась далеко от театра военных действий. «Величайшая рыбопромышленность» привлекала сюда большое число сезонных работников. Основная масса астраханцев работала на соляных и рыбных промыслах. Сотни рыбопромышленников «пытали удачу» быстро разбогатеть на торговле рыбой. Астраханская рыба и икра пользовались спросом в России, охотно покупали этот товар и за границей. Астраханский

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект 2012-1.1-12-000-3001-057 «Фальсификация политической истории: от достоверности идеологической к достоверности научной».

гражданский губернатор С.С. Андреевский приложил немало сил, чтобы в годы войны поставки рыбных товаров в российские города не прекращались. Он же добился в декабре 1813 г. отпуска соли из государственных соляных магазинов купцам, мещанам и крестьянам в кредит на десять месяцев без процентов. Без этой меры рыбопромышленность могла прийти в упадок. При нем были выделены незанятые места для свободного лова рыбы государственным крестьянам и мещанам, разрешен лов рыбы в Волге и реках, лежащих в черте города. Выловленную рыбу разрешалось продавать только в розницу в определенных местах по таксе, утвержденной губернатором. Андреевский возложил на городскую думу контроль за тем, чтобы при заключении контрактов с арендаторами рыболовных вод предусматривалась обязанность последних часть рыбы выделять для снабжения астраханцев в течение всего года. Важной считал губернатор и проблему обеспечения населения хлебом и дровами по твердым ценам, запретив оптовый перекуп хлеба.

Лидером торговой, общественной и культурной жизни выступал губернский город. По численности населения (более 30 тысяч человек) Астрахань входила в пятерку крупнейших российских городов, являлась транзитным центром торговли с Востоком. Здесь бурлила коммерческая жизнь, звучала разноязычная речь, сюда стекались товары из Хивы, Бухары, Персии.

В полиэтничном пространстве Астрахани издавна были заметны «колонии» живших здесь иностранцев и нерусских подданных Российской империи. В пограничном городе, да еще в условиях военного времени, за иностранцами — европейцами приглядывали особенно внимательно. «Секретные наблюдения» вели и за кочевавшими поблизости киргиз-кайсаками (казахами) Букеевской орды, «усугубили» и «меру надзора» за калмыками.

Война заставила губернские власти усилить меры по сохранению порядка, обеспечению «тишины и спокойствия». Неопределенность информации, стремительное продвижение наполеоновской армии вглубь страны, вселяли в граждан страх, способствовали распространению тревожных слухов, особенно со стороны «черни», которые могли иметь «заключение самое невыгодное для России». Чтобы успокоить социальные низы, слухи пресекали, направляя «мысли и

волю» жителей на общее благо¹. Астраханскому полицмейстеру Смагину предписывалось осуществлять «неусыпный» надзор за проживавшими и приезжавшими в город иностранцами, а городничим уездных городов Черного Яра, Енотаевска, Красного Яра рапортовать о ситуации на местах, особенно в отношении подозрительных иностранцев, которых, впрочем, там не оказалось. Командиру Астраханского казачьего полка генерал-майору П.С. Попову следовало откомандировать в ведомство городской полиции 10 конных и 15 пеших казаков при двух благонадежных офицерах для совершения ночного объезда по городу². Однако крутой нрав и твердость в пресечении нарушений казаками были не по душе многим астраханцам, испытавшим на себе «притеснения и обиды» от них. Например, полицмейстер Смагин просил Попова возвратить в полк пятидесятника Дадашева с командой «прикомандированных» казаков, поскольку те, во время ночного обхода 28 ноября 1812 года, «прибили» унтер-офицера морского ведомства Григория Рыбоховлева, отвели его «на съезжий двор», продержав там всю ночь и потребовав 10 рублей за освобождение из-под стражи³. Грубость по отношению к чиновнику Седлистского карантина Качалову проявил казак Деметий Филипов, препровождаящий пять человек колодников с Чеченского острова в Экспедицию рыбных и тюленьих промыслов. Выдерживая в карантине «законное очищение», он общался с «неочищенными матросами», приехавшими из Персии, показав «буйное неповиновение» Качалову, в то время как три колодника, оставленные без присмотра, совершили побег⁴. Вместе с тем, астраханские казаки исправно несли кордонную службу, обеспечивали порядок в городе, позже — сопровождали партии военнопленных до мест назначения.

Астрахань выступала надежным форпостом на юго-востоке России, город был наполнен военными разного рода. Русско-турецкая (1806–1812 гг.) и русско-иранская (1804–1813 гг.) войны потребовали усиления войск на Кавказской линии и Астраханском кордоне.

¹ ГКУ АО «Государственный архив Астраханской области» (ГКУ АО «ГААО»). Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д.336. Л.11-12,27-29

² ГКУ АО «ГААО».Ф.1. Оп. 3. Т. 2. Д.336. Л.1-12 (об).

³ ГКУ АО «ГААО».Ф.1. Оп. 3. Т. 2. Д.273. Л.1-1 (об).

⁴ ГКУ АО «ГААО».Ф.1. Оп. 3. Т. 2. Д.287. Л.1-1 (об).

Астраханский гарнизонный полк был сформирован в 1797 году. В 1811–1817 гг. им командовал подполковник Степан Федорович Кастыгов. Ожидание скорой и грозной войны потребовало усиления астраханского гарнизона за счет инвалидных рот, рекрутов (126 человек)⁵. По рапорту командира полка в июле 1812 года требовалось сократить количество рядовых, занятых караульной службой. Солдаты гарнизона (136 человек) охраняли городские объекты ежедневно, почти бесменно. Так, например, на обеспечение охраны казенной палаты требовалось 10 человек, приказа общественного призрения — 1 унтер-офицер, 13 рядовых, городской полиции — 1 унтер-офицер, 9 рядовых. Астраханские улицы патрулировали 3 унтер-офицера и 12 рядовых. Кладовые, винные выходы, городской острог и другие объекты также находились под присмотром солдат и офицеров гарнизонного полка⁶.

Астраханский магистрат не раз обращался к гражданскому губернатору с просьбой «истребовать и определить воинскую команду» для помощи в сборе податей, принуждая к этому неплательщиков⁷.

В Астрахани были расквартированы офицеры и матросы флотских экипажей Каспийской флотилии. Каждый флотский экипаж был составлен из четырех рот и включал около 400 человек. В составе Каспийской флотилии находилось три корабельных экипажа. Командиром Астраханского порта был генерал-лейтенант Жохов.

Основным местом размещения гарнизона служил Астраханский кремль, где в начале XIX века были построены казармы и офицерские светлицы. В 1808 году в крепости возвели здание гауптвахты, в ней содержали под арестом солдат за совершенные нарушения устава. В 1809 году для артиллерийской команды выстроили цейхгауз⁸.

«Оригинальный проект» инженера Стрижевского скорректировал первоначальные планы строительства казарм в черте города. Казармы решено было выстроить на месте ветхих стен Астраханского кремля. Материал (лес, железо, бутовый камень) закупались в верховых городах и доставлялись

⁵ ГКУ АО «ГААО».Ф.1. Оп. 3. Т. 2. Д.1125. Л.8,40,48

⁶ ГКУ АО «ГААО».Ф.1. Оп. 3. Т. 2. Д.865. Л.1 (об)-2

⁷ ГКУ АО «ГААО».Ф.1. Оп. 3. Т. 2. Д.894. Л.1

⁸ ГКУ АО «ГААО».Ф.1. Оп. 3. Т. 2. Д.269. Л.1

в Астрахань «водною коммуникациею». На построение казарм ассигновали 184 213 рублей 68 копеек.

В период с 1807 по 1809 годы построили солдатские казармы, кухни, нужные места и амуничники на крепостных стенах между Житной и Архиерейской башнями кремля, у Никольских ворот⁹.

Вторжение наполеоновских войск в Россию в 1812 году вызвало небывалый патриотический порыв у всего российского общества. Астраханская городская дума организовала сбор средств на «военные потребности и на составление новых воинских сил». Позже С.С. Андреевский писал: «Во время пожертвований для военных надобностей согласно Манифесту от 16 июня 1812 года Сапожников первым соизволил пожертвовать для этих целей 15 тысяч рублей и тем подвиг многих астраханских граждан следовать его примеру». Армянское общество выделило до 73 тысяч рублей, татарское — около 21 тысячи рублей, индийские, персидские и хивинские купцы — 28 850 рублей. Известный астраханский благотворитель И.А. Варваций передал на нужды армии 25 тысяч рублей, да на закупку продовольствия выделил 12 тысяч 742 рубля. Коллежский ассессор и кавалер К.Ф. Федоров пожертвовал на обмундирование войска 19 тысяч рублей, в 1814 году был избран астраханским дворянством депутатом и вместе с Василием Дурново — «отставного флота лейтенантом», для участия в торжествах, проходивших в Петербурге по случаю возвращения в Россию императора Александра I¹⁰.

Помимо денежных средств астраханцы жертвовали драгоценности, золотую и серебряную посуду, ювелирные изделия. В армию было послано много лошадей, фуража, скота, оружия, продовольствия, сукна. В целом было собрано свыше полумиллиона рублей¹¹. Астраханцы принимали участие в благотворительных мероприятиях, нацеленных на поддержку потерпевших «от нашествия злобного врага». Так, 12 декабря 1812 года в городском театре, основанном в 1810 году подпоручиком Андреем Грузиновым, дали бенефис «в пользу

⁹ ГКУ АО «ГААО».Ф.1. Оп. 3. Т. 2. Д.392. Л.29-26 (об).

¹⁰ ГКУ АО «ГААО» Ф.375. Оп. 1. Д.188. Л.2 (об.); Ф1 Оп. 19. Д.210. Л.23 (об).

¹¹ Астраханская летопись. (состав. Штылько А.). Астрахань, 1897. С. 37.

несчастных», получив 1000 рублей от «астраханской публички». Театр Грузинова в период войны не раз организовывал показ спектаклей в пользу бедных, погорельцев, инвалидов губернии, московского патриотического общества. Потраченные на эти цели полторы тысячи рублей собственных накоплений, Грузинов просил губернатора считать суммой, пожертвованной на военные нужды.

Народ сплотился в едином порыве, чтобы противостоять грозному врагу, проявив лучшие качества гражданственности, самопожертвования.

Весть о создании «второй ограды» от неприятеля — народного ополчения вызвала в российском обществе подъем патриотических чувств. Астраханская губерния не вошла в число губерний, где собиралось ополчение, но «приготовилась» до особого распоряжения. Вместе с тем, немало было добровольцев стать на защиту Отечества в рядах Московского ополчения (на сей счет известен факт выдачи паспортов для следования в первопрестольную братьев Осипа и Агапита Герман) в составе калмыцких полков.

Так, например, 28 волонтеров-астраханцев ушли сражаться с врагом, разорывшим родную землю, в составе второго калмыцкого полка. Среди них — купцы Василий и Иван Гоглазины, воспитанник Московского воспитательного дома Иван Иванов и др.

В сентябре 1812 года на имя императора последовало прошение дворянина Лазаря Паробича. Его дед, Иван Андреевич Паробич, по национальности венгр, приняв подданство России, находился на службе в Астрахани: «разводил» виноградные сады и «прочие фрукты», доставляемые к императорскому двору. Его сын Петр дослужился до чина коллежского асессора, рано умер. Жена — армянка, воспитывала сына в «своей вере». Лазарь Паробич нашел документы своего деда (жалованную ему «на дворянство» грамоту) и «возымел ревность возобновить свой род», захотел служить в российской армии. Лазарь Петрович умел говорить и писать по-русски, знал армянский, татарский, турецкий языки.

Гражданский губернатор С.С. Андреевский, следуя примеру других администраторов, призывавших дворянство, купечество и другие сословия противостоять неприятелю, сделал «подобное приглашение» по Астраханской губернии. Желающих пожертвовать свою жизнь Астраханскому опол-

чению оказалось немало: отставной штаб-капитан И.А. Реванов, коллежский регистратор С.Ф. Дьяконов, отставной поручик П.А. Ахматов, губернский секретарь Лукьянов, отставной лейтенант флота В.А. Дурново, титулярный советник Н.Ф. Казачковский, коллежский регистратор П. Третьяков и др. Добровольцы были готовы совершить ратный подвиг и сложить головы за Веру, Государя и Отечество в рядах «формирующегося в Астрахани вольного воинства».

Молодежь с особенным рвением стремилась в бой против всеобщего врага. Купеческой вдове Авдотье Сбродовой из Черного Яра пришлось обратиться за помощью к губернатору Андреевскому. Купеческие дети, три ее «родных сына» — Иван, Архип и Егор — имели «нетерпеливую ревность» определить их в военную службу.

Астраханцы-ополченцы давали подписки, подтверждавшие их добровольное желание верно служить государю в числе ополченцев, обязательства быть «к походу готовыми» без всяких отговорок, за исключением тяжелой болезни.

Астраханские чиновники-12 человек, готовые противостоять неприятелю, ждали отправки в действующую армию. Среди них — Иван Лаптев, Степан Бурлаков, Петр Алексеев, Алексей Соколовский, Степан Ступаков, Георгий Росо, Сергей Демин, Дмитрий Кожевников, Николай Кочалов и др.

12 октября 1812 г. партионный офицер Соколовский рапортовал губернатору об прибытии первой партии ополченцев в крепость Новохоперскую, 29 октября — в Царицын. В начале ноября 1812 г. еще 6 чиновников были направлены в Тамбов. В Черном Яру они были вынуждены задержаться из-за жестокого холода и ветра, к тому же «не обьеженные лошади есаула Жоголева» ранили офицеров Лукьянова и Ступакова, но они мужественно продолжили путь вместе с товарищами.

Прибывших в ноябре астраханцев Тамбовский губернатор препроводил в Калугу. Однако российская армия так стремительно гнала врага к границе, что не все наши ополченцы-добровольцы смогли проявить свой патриотический порыв на поле брани. Алексеев, Жорж и Ступаков в феврале 1813 года просили Калужского губернатора о содействии возвращения в Астрахань. Трагична судьба ополченца титулярного советника Николая Качалова. Из-за болезни он смог отправиться в путь только в начале декабря 1812 года, однако вскоре скончался на земле Войска Донского («на Гуляевской

почте»), где его и похоронили. В Астрахани у него остались двое сыновей Степан и Константин, родной брат титулярный советник Гаврила Качалов, собственный дом¹².

Неувядаемой славой покрыли себя доблестные астраханские калмыки, наводившие ужас на французов, показавшие чудеса храбрости и отваги в сражениях войны 1812 года.

Уже в 1811 году неизбежность войны России с Наполеоном стала очевидной. Обстановка требовала создания в стране военных резервов. Начальнику войск Кавказской линии генерал-лейтенанту Н.Ф. Ртищеву повелевалось составить два пятисотенных калмыцких полка. По 5 урядников и 10 казаков были приставлены к калмыкам для их обучения и «показа порядка военной службы».

Два калмыцких полка сформировали в Дербетовском улусе под командованием Джамбо Тундутова, в Хошеутовском улусе — под командованием Серебджаба Тюменя. Позже они стали именоваться соответственно Первым и Вторым калмыцкими полками.

Полк под командой Тюменя выступил в поход под старинным военным калмыцким знаменем, сшитым из шелка палевого цвета. В центре знамени был изображен на белом коне всадник Дайчи-Тенгри — покровитель воинов в сражении, дарующий им победы. Охранительной свитой служили изображенные на знамени звери и птицы. Они символизировали власть, силу и мужество покровителя воинов на небе и земле. В левой руке всадник держал знамя, означавшее знак Победоносца. Бич в правой руке всадника указывал путь коню. Тюмень не раз говорил, что священное знамя уберегло князя от вражеских пуль, хотя само знамя было пробито пулями в шести местах¹³.

Помимо калмыков в полках находились 30 самых «благонадежных и расторопных» казаков Астраханского казачьего полка, участвовавших во всех боевых сражениях и дошедших в составе Второго калмыцкого полка до Парижа. Казаки хорошо знали «калмыцкий разговор», были хорошо вооружены и исправно обмундированы.

¹² ГКУ АО «ГААО». Ф.1. Оп. 3. Т. 2. Д.863. Л5-7,17-19,23-24,44,50-54(об),58-59 (об), 63, 71, 75-89, 112-113, 123, 130, 137-142, 150.

¹³ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Элиста, 2009. С. 611.

Сыны степей, «страшные калмыки», как называли их враги, храбро сражались, освобождали оккупированные французской армией русские земли, громили неприятеля на территории герцогства Варшавского, Пруссии, Франции. Тюменевцы триумфально вошли в Париж, став настоящим «удивлением» европейцев. Весной 1814 года они возвратились в родные просторы. В 1814-1817 годах на территории Хошеутовского улуса в ознаменование подвигов калмыков был возведен величественный хурул. Он строился на добровольные пожертвования и личные средства С. Тюменя. Под влиянием увиденного, князь изменил свой быт и жилище. «Европейски устроенный и меблированный дом», украшенный «зеркалами, люстрами, бильярдом, фортепьяно, часами с музыкой», прекрасным садом, гостеприимно открывал свои двери.

Гостями князя были многие иностранцы и русские, восторженно отзывавшиеся об оказанном приеме и самом князе. Художники братья Григорий и Никанор Чернецовы в 1838 году случайно познакомились с Тюменем и нарисовали его портрет в мундире полковника.

С. Тюмень умер спустя десять лет в 1848 году. А еще через десятилетие, в 1858 году, другой князь из рода Тюменей радушно принимал у себя в гостях знаменитого француза — Александра Дюма. Это было уже не поле битвы, а встреча двух культур, жажда познания и мирного общения.

В условиях же военного времени в России к иностранцам приглядывались внимательно, а после распоряжения главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова (5.07.1812 г.) приступили к их «разбору» на предмет лояльности и благонадежности, а всех подозрительных личностей высылали в назначенные города внутренних губерний. Астраханская губерния была одной из 15, где таких иностранцев должны были оставлять безвыездно. Напрасно Астраханский губернатор писал в Министерство полиции о нежелательности отправки сюда иностранцев: «...сей город наполнен разных наций азиатскими народами», имеющими «...свои склонности, разномнения и выгоды свои»¹⁴. Уже в начале июля 1812 года Рязанский губернатор сообщил о высылке в Астрахань француза И. Бурдиата, занимавшегося

¹⁴ ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 334. Л. 265 (об).

обучением детей географии, арифметики, мифологии, рисованию, за вызвавший «сомнение» образ мыслей. Он прибыл в губернский центр вместе с женой 14 августа, ему было на тот момент 60 лет. В сентябре 1812 года из Тамбова были присланы Франц Жиле и Михаил Шнур («за противозаконные и вредные для России разглашения»). Шнур вскоре умер. Жиле, ему был 51 год, до ссылки также занимался обучением детей языкам в российских городах.

В октябре 1812 года доставили из Рязани («по сумнительству») Иосифа Жоли — губернского секретаря, находившегося на российской службе. В свои 76 лет он учительствовал в гимназии и являлся смотрителем уездного училища¹⁵.

В ноябре 1812 года из Тамбова прибыли еще 4 иностранца: Иван Дотти («за дурное поведение», 40 лет, часовых дел мастер), Вильгельм Пер («за дурное поведение», 26 лет, обучал детей языкам), Вениамин Руф («по неизвестности о его состоянии», 34 года, золотых и серебряных дел мастер), Ян Гак («за дурное поведение», 51 год, из отставных почтальонов Симбирской почтовой конторы)¹⁶. Из восьми ссыльных иностранцев — четверо были французами, по одному: итальянец, баварец, поляк, еврей. Они относились к числу тех людей, которые вызвали подозрение («сомнение» в благонадежности) у местных начальников и были высланы в Астрахань в рекордно короткие для обстоятельного разбирательства по их делу сроки. Таковы были требования военного времени.

Всех иностранцев отправили на жительство в Красный Яр «под караул». Например, Бурдиата из Астрахани доставили к месту пребывания два казака в сопровождении дворянского заседателя Зимбелевского. Интересно, что из Рязани в Астрахань Бурдиат с женой следовали под присмотром рядового рязанского гарнизонного батальона Антона Васильева, который, не получив прогонных денег, «содержался» в дороге за счет препровождаемого им иностранца¹⁷.

Предстояло решать насущные проблемы: на чьем «издвении» содержать ссыльного, от кого требовать необходимые суммы, из каких доходов нанимать караул (унтер-офицера и 5 рядовых), позволять ли ему прогулки по городу и др.

¹⁵ ГКУ АО «ГААО». Ф. 13. Оп. 1. Д.25328. Л.1,46 (об.),50,54,57,66.

¹⁶ ГКУ АО «ГААО». Ф. 13. Оп. 1. Д.25328. Л.92,108-113

¹⁷ ГКУ АО «ГААО». Ф. 13. Оп. 1. Д.25328. Л.16-20.

Красноярский городничий Лукьянченков выдал Бурдиату сумму из расчета 30 копеек в день (2 рубля 10 копеек.). По прибытии Жоли им стали платить по 10 копеек в день. Вскоре в Красный Яр доставили всех иностранцев. Им не только выплачивали деньги на пропитание, но обеспечивали дровами, выделяли квартиры для проживания. Этот опыт пригодился затем для размещения в Астраханской губернии военнопленных наполеоновской армии¹⁸.

8 декабря 1812 года в Красный Яр, по предложению губернатора, приехал с инспекторской проверкой надворный советник Петлин. По его заключению пять иностранцев из семи могли «трудами своими» обеспечить себе пропитание. Однако в малонаселенном уездном городе найти работу, да еще находясь под надзором полиции, было трудно, почти невозможно¹⁹.

По поручению С.С. Андреевского городничий собрал сведения об иностранцах: кто умел читать/писать и «на каком диалекте», каким мастерством или ремеслом владел. К февралю 1813 года составили именной список ссыльных. В марте того же года губернатор предложил тем, кто здоров, имел знание ремесла приехать в Астрахань, где можно было «...легко необходимое содержание для себя приобрести посредством своих знаний». У Астраханского полицмейстера не вызвало сомнений, что Руф и Дотти найдут в Астрахани достойное пропитание, «коль в мастерстве своем искусны». Пер и Жиле — только в том случае, если пожелают наняться в «простую работу»²⁰.

Перед переводом иностранцев в губернский город, «секретно» опрашивали местных жителей «об их поведении», особенно хозяев домов, где квартировали ссыльные. В «хмельном виде», например, Бурдиата никогда не видели, поведения он был доброго, как, впрочем, и другие. Становилось очевидно, что высылали этих людей в спешке, без должного разбирательства.

В апреле 1813 года было решено «за надлежащим присмотром» отправить на жительство в Астрахань Дотти, Пера, Руфа и Жиле. Они могли работать и содержать себя «без всякого

¹⁸ ГКУ АО «ГААО». Ф. 13. Оп. 1. Д.25328. Л.136 (об)-137,146-148.

¹⁹ ГКУ АО «ГААО». Ф.13. Оп. 1. Д.25328. Л.134-134 (об).

²⁰ ГКУ АО «ГААО». Ф. 13. Оп. 1. Д.25328. Л.135,154 (об),171.

пособия со стороны правительства». Трех пожилых людей оставили в Красном Яру и платили им с 1 марта 1813 года по 25 копеек в день²¹.

Стряпчий Змиев, отвечавший за военнопленных наполеоновской армии, докладывал губернатору, что никто из прибывших в Астрахань 20 апреля 1813 года не нашел «места жительства», а потому их разместили в казармах вместе с пленными. Но уже через неделю «квартирный вопрос» иностранцы решили. Руф снимал жилье в доме мещанки Лукерьи Трифоновой, Дотти — в доме «инвалидного солдата» Михайлы Варфоломеева на Косе, остальные — в доме Зайберга. В сентябре 1814 года, когда в Астрахань перебрались все иностранцы, ситуация изменилась. По докладу губернатору полицмейстера, Жоли проживал у господина вице-губернатора Коростовцева, Дотти квартировал в доме офицера Бергетта. Руф, «упражнявшийся» в поденной работе, постоянного пристанища не имел. Пер жил в доме прокурора Кузнецова, Жиле — в доме католички Татьяны Кандиновой, Бурдиат — в гостинном дворе господина Варвадия, известного астраханского коммерсанта и благотворителя²².

30 апреля 1814 года по Всемиловейшему манифесту даровали «прощение и освобождение» всем сосланным под надзор местного начальства. Астраханские ссыльные не сразу покинули город. Летом 1814 года Гак был отправлен в «другую губернию». По рапорту астраханского полицмейстера Каменского губернатору Андреевскому 18 января 1816 года, Дотти, Бурдиат, Пер уехали в Саратов, Жиле — в Тамбов. Неизвестна судьба Жоли. Руф, сначала хотел остаться в Астрахани, потом изъявил желание уехать во Владимирскую губернию, затем просил губернатора помочь в отправке его в Житомир, объясняя задержки с отъездом «скудостью» своего состояния. Все это время он жил в Астрахани «трудами своими», а в основном — подаями. В апреле 1817 года он получил билет для проезда в Житомир. Андреевский известил Волынского губернатора об отправке Руфа, сообщив, что тот «не сделал никакого преступления» и просил дать знать, когда иностранец прибудет на место²³.

²¹ ГКУ АО «ГААО». Ф. 13. Оп. 1. Д.25328. Л.177-178 (об).

²² ГКУ АО «ГААО». Ф. 13. Оп. 1. Д.25328. Л.198-199 (об).

²³ ГКУ АО «ГААО». Ф. 13. Оп. 1. Д.25328. Л.208-221

Было очевидно, что высланные в Астраханскую губернию под надзор полиции иностранцы, не представляли никакой угрозы спокойствию общества, не «сворачивали» российских верноподданных «с пути порядка». Это прекрасно понимал астраханский губернатор, изыскивавший средства для их содержания, принимавший личное участие в судьбе некоторых ссыльных преклонного возраста, выступавший поручителем для иностранцев, проживавших в Астрахани.

В период войны с наполеоновской Францией правительство потребовало от местных властей скорого сбора «подробнейших и верных» сведений об иностранцах-европейцах, находившихся в Астраханской губернии. В Министерство полиции отправляли списки тех, кто занимал должности «по коронной службе» и тех, кто находился в пределах губернии. В первом списке значилось 11 фамилий, во втором — 29 иностранцев, живших в Астрахани. Все чиновники получили положительные характеристики с мест службы (от Астраханского губернского правления, Экспедиции тюленых и рыбных промыслов, Астраханской полиции, Астраханского уездного суда). Немцы, греки, поляки, евреи, находившиеся на службе в том или ином ведомстве, были «добропорядочны», «поведения хорошего» и должности свои (квартирно надзирателя, коллежского регистратора, столоначальника или губернского заседателя) исправляли с надлежащим усердием и добросовестностью²⁴.

Ничего подозрительного не нашли в деятельности городского Черного Яра Иосифа Исаевича Усовского- титулярного советника, «из польских шляхтичей», находившегося на российской службе с 1788 года²⁵.

Астраханский губернатор С.С. Андреевский просил полицейских чиновников произвести сбор требуемых сведений (фамилии, имени, отчества, национальности, состояния, жилища, времени нахождения в России) «без лишней огласки», «...излишнего для кого-либо беспокойства». Однако, чтобы получить вердикт о благонадежности требовалось давать письменные объяснения. Так, например, квартирный надзиратель Федор Яковлевич Шрейдер, родившийся в Астрахани, принявший «греко-российскую веру», будучи российским

²⁴ ГКУ АО «ГААО». Ф. 13. Оп. 1. Д.25093. Л.10-15

²⁵ ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д.166. Л.36 (об).

подданным и состоявший в штабе полиции, давал такие объяснения полицмейстеру Смагину 10 августа 1812 года²⁶.

Восемнадцатилетний копиист Астраханской казенной палаты Агапит Герман, находившийся на службе с марта 1811 года, предоставил соответствующие свидетельства, что родился в Астрахани, что его отец — отставной поручик Иосиф Герман. Не замеченный «ни в каких предосудительных поступках», в августе 1812 года юноша вместе со своим братом Гаврилой запишется в ратники Московского ополчения и отправится на военную службу²⁷.

Из 29 иностранцев, находившихся летом 1812 года в Астрахани, восемь человек были признаны неблагонадежными. Двое — немец А. Эйних, учитель французского и немецкого языков, и поляк, музыкант И. Дмитриев — по причине недавнего пребывания в губернском центре, никто не решился быть ответственным за их благонадежность. Титулярный советник пруссак Х. Россо, находившийся в России с 1786 года, сначала в «военной службе», затем приставом при Бертольских соляных магазинах, был удален от должности «за разные беспорядки». Всех неблагонадежных иностранцев предписывалось удалить в одну из губерний России²⁸. По отношению к французу врачу Антону де Пенгону, работавшему в России с 1792 года, служившему в Седлистинском карантине и находившемуся к моменту «разбора» иностранцев по судом, изменили место ссылки, отправив на жительство в уездный город Красный Яр²⁹. Настороженно отнеслись власти и к четырем священнослужителям-католикам. Не заметив ничего подозрительного в их поведении, отметили, что «по духу враждующих нам наций они неблагонадежны»³⁰.

Другие иностранцы (аптекари, учителя, купцы, ремесленники и др.) после тщательно проведенной проверки могли оставаться в Астрахани. Среди них — известный итальянец, бывший астраханский губернский архитектор Александр Дигби, много сделавший для благоустройства города, фран-

²⁶ ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д.166. Л.37; Ф.13. Оп.1.Д.25093. Л.12-13.

²⁷ ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д.863. Л.5-7;Д.166.Л.5 (об)-6.

²⁸ ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д.166. Л.8,25,29, 51 (об)-52.

²⁹ ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д.166. Л.8,50 (об)-51.

³⁰ ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д.166. Л.14 (об).

цуз М.А. Гапри, служивший поваром у титулярного советника Змиева, «водочный мастер» поляк К. Конопан, портной саксонец И. Кунс, учитель астраханской мужской гимназии И. Вейскгопфен, австрийский подданный Тушель и др.³¹

Заметим, в апреле 1813 года в Астрахани с благотворительной целью намечался подъем большого воздушного шара иностранцем Тушелем «в пользу московских жителей от вторжения неприятеля разоренных». Объявление о «воздухоплавательном представлении» было напечатано в «Восточных известиях» — одной из первых провинциальных газет в России, созданной инициативой учителя мужской гимназии г. Астрахани И.А. Вейскгопфена в 1813 году.

Читатели знакомились с темами по географии, торговле, общественной жизни города, еженедельными метеорологическими наблюдениями и др. В прошении губернатору издатель просил предоставить ему сведения о проживавших и отъезжавших из Астрахани людях, о «жизненных припасах» города, о движении судов по Волге для «удовлетворения любознательной публики». Губернатор согласился такую информацию предоставлять, дав соответствующие распоряжения астраханской полиции³². Об иностранце-тирольце Вейскгопфене, находившемся в России с 1806 года, также собрали информацию. Он был охарактеризован как человек рачительный, скромный в поведении и оставлен в Астрахани. Это означало, что губернатор Андреевский выражал совершенную уверенность в его благонадежности и являлся, по сути, его поручителем³³. Газета имела несомненный успех, ее выписывали не только в Астрахани, но и в Москве, Казани, Пензе. С 1816 года она стала двуязычной (печаталась на русском и армянском языках), выходила еженедельно до момента смерти ее издателя в 1816 году.

Инициативой другого учителя гимназии, музыканта Ивана Викентьевича Добровольского был создан Азиатский музыкальный журнал, ежемесячно издававшийся в Астрахани в 1816–1818 годах. «Азиатский музыкальный журнал» — первый в истории опыт записи и публикации музыкального фольклора народов Средней Азии и Кавказа (туркмен, кир-

³¹ ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д.166. Л.15-15(об),12(об),19,52.

³² ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д.1048. Л.1-2.

³³ ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д.166Л.65. Ф.13.Оп.1.Д.25093.Л.6.

гизов, кабардинцев и др.), а также астраханских татар, калмыков. Песни публиковались в обработке для голоса и фортепьяно, танцы — в фортепьянном изложении. «Азиатский музыкальный журнал» — первое музыкальное периодическое издание, выпускавшееся в провинции. В первом же выпуске журнала была напечатана калмыцкая песня, сочиненная в период кампании 1812 года после сражения с французами. География распространения журнала обширна: Петербург, Москва, Казань, Вятка и другие российские города. Всего вышло 8 номеров издания.

В соответствии с циркулярным предписанием Министерства полиции от 29 августа 1812 года за подписью главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова Астраханская губерния, наряду с Пермской, Оренбургской, Саратовской и Вятской, назначалась местом пребывания военнопленных наполеоновской армии³⁴.

Первая партия военнопленных прибыла в Астрахань 19 ноября 1812 года, она состояла из одного штаб-, 15 обер-офицеров и 261 солдата (12 человек, оставленные «за болезнью» в Царицыне, прибыли в январе 1813 года). Это были поляки, французы, пруссаки, саксонцы, голландцы, итальянцы, немцы. Их разместили в городских казармах³⁵.

В декабре 1812 года прибыла вторая партия пленных: 2 генерала (Ж. Пельтье, Т. Тышкевич), 3 штаб- и 2 обер-офицера³⁶. Город не мог вместить всех военнопленных, поскольку здесь размещался Астраханский гарнизонный полк, были расквартированы офицеры и матросы флотских экипажей Каспийской флотилии. Было принято решение о содержании их в уездных городах: Черном Яру, Енотаевске, Красном Яру³⁷.

Третья партия военнопленных прибыла в Астрахань в январе 1813 года (243 человека)³⁸. Астрахань стала транзитным пунктом для отправки пленных поляков на Кавказ. Весной-летом 1813 года в Георгиевск отправили 28 обер-офи-

³⁴ ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д.334. Л.2

³⁵ ГКУ АО «ГААО».Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д.334. Л.41,112,134 (об),160: Д.1569. Л.139

³⁶ ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д.334. Л.252

³⁷ ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д.334. Л. 265 (об), Л.234-236

³⁸ ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1569.Л.234-236

церов и 720 рядовых³⁹. «Восточные известия» свидетельствуют, что пленные были «весьма довольны» приемом, устроенным им астраханцами. Наши соотечественники отличались нравом незлобным, добрым⁴⁰.

Военнопленные привлекались к строительству и ремонту каналов, валов, мостов. Не всегда пленные работали добросовестно. С жалобой на них обратился в августе 1813 года известный астраханский благотворитель, надворный советник и кавалер Варваций. Иван Андреевич за собственные деньги принялся за окончание работ по обустройству канала, соединявшего Кутум и Волгу. Он свидетельствовал, что пленные либо опаздывали на работу, либо совсем к месту работ не являлись. Подобную жалобу принес Андреевскому и полицмейстер, только речь в ней шла о сооружении стоков для дождевой воды. Эти работы были «казенные», а потому от Курбатова потребовали строгости в исполнении поручения: назначать «в каждое место» от 15 до 50 военнопленных, предупредить их о предстоящих работах вечером⁴¹.

Военнопленным разрешалось наниматься в услужение к частным лицам за плату, ходить в гости к обывателям, писать письма, играть свадьбы.

К чести губернской власти, пленным снабжали теплой одеждой и обувью, оказывали медицинскую помощь, привлекая для этого и «лекарей» из числа самих пленных, вовремя выплачивали жалование. Так, в соответствии с принятыми нормами, генералы получали по 3 рубля в сутки, полковник и подполковники — по 1 рублю 50 копеек, майоры — по 1 рублю, обер-офицеры — по 50 копеек, солдаты («нижние чины») по 5 копеек. Последним полагался и месячный провиант (мука, крупа)⁴².

На Астраханских рынках зимой 1813 года можно было купить фунт хлеба за 10 копеек, а фунт «французского хле-

³⁹ Хомченко С.Н. Военнопленные поляки в Астраханской губернии в 1812–1815 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIII Всероссийской научной конференции. М., 2006. С. 306–313.

⁴⁰ Тимофеева Е.Г. Участие астраханцев в защите Отечества. 1812 год / Природа и история Астраханского края. Астрахань, 1996. С. 226–227.

⁴¹ ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т.2. Д.1212. Л.51,68

⁴² ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 3. Т.2. Д.334.

ба» — за 30 копеек, «тёртый калач» — за 2,5 копейки. Фунт говядины стоил от 5 до 6 копеек, баранины — 6 копеек. За фунт белуги просили 8 копеек, севрюги — 12 копеек, мало-солевой икры — 40 копеек. Большого судака можно было приобрести за 20 копеек, щуку — за 10 копеек⁴³.

Дополнительной проблемой для местных властей стала достойная экипировка освобождёвшихся из плена людей. Одеть прилично иностранцев было делом государственной важности: речь шла о возвращении из «миротворной» России, блиставшей в лучах славы державы-победительницы, а потому астраханские купцы поставляли добротное сукно, а местные портные усердно шили одежду для военнопленных, возвращавшихся домой. Некоторые из иностранцев приняли решение стать российскими подданными, остаться в Астрахани⁴⁴.

Астраханское общество пылливо вглядывалось в черты поверженного врага («чужого»/ «другого») в период пребывания военнопленных французской армии в Астраханской губернии (1812-1814 гг.), проявляя терпимое, человеколюбивое к ним отношение. Повседневные практики жизни в губернском и уездных городах помогали познавать друг друга, обмениваться опытом, культурными ценностями.

На протяжении последующего времени во главе Астраханской губернии находились непосредственные участники Отечественной войны 1812 года. Среди них — генерал-губернаторы (А.П. Ермолов, И.Ф. Паскевич) и гражданские губернаторы (И.Я. Бухарин, И.И. Попов, В.Г. Пяткин, И.С. Тимирязев, П.Е. Чистяков, Г.Г. Басаргин). Немало свидетелей эпохи было и среди астраханского дворянства и купечества. «Вечная память двенадцатого года» наполняла жизнь российской провинции на протяжении столетий атмосферой жертвенности, общественной инициативы, любви к своему Отечеству.

⁴³ ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 2. Т. 2. Д.1058. Л.2 (об)-6

⁴⁴ Тимофеева Е.Г. Военнопленные Великой армии в Астраханской губернии в 1812–1814гг.: новая тема интерпретации в региональной историографии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. №2 (31), 2012 . С. 11–15.

Приложение

ШАМШУРИН В.И.

Победа как художественное произведение

*В источнике любви общей -
жизнь Отечества и человечества.*

С.Н. Глинка

Публикуемая в данном приложении подборка текстов (помимо того, что они не переиздавались более 35 лет) интересна ещё и тем, что в ней приведены в довольно концентрированном и акцентированном виде попытки философского, точнее — историософского, ещё точнее — теософского, даже богословского, осмысления великих событий 1812 года, коих их авторы — братья Ф.Н. Глинка и С.Н. Глинка — были не только свидетелями, но и самыми активными участниками.

Фёдор Николаевич Глинка (1786–1880) — поэт, драматург, прозаик. Воспитывался в кадетском корпусе, участвовал в войнах против Наполеона в 1805–1806 гг. как адъютант графа Милорадовича, впоследствии по состоянию здоровья вышел в отставку. В 1812 году снова вступил в армию, участвовал в Бородинском сражении в заграничном походе. В 1816–1821 гг. — активный член тайных декабристских организаций. В 1826г. был арестован и сослан в Олонецкую губернию. В 1835 г. вернулся в Москву, затем в Петербург. С 1862 г. окончательно обосновался в Твери.

Сергей Николаевич Глинка (1775 или 1776–1847) — писатель, родился в дворянской семье в Смоленской губернии, брат Ф.Н. Глинки. С семи лет в Сухопутном кадетском корпусе. С 1795 по 1800г. на службе в Москве. Вышел в отставку майором. 3 года провёл учителем на Украине, затем вернулся в Москву и поступил в литературную часть театра. В 1808 г. основал и был издателем патриотического философско-литературного журнала «Русский вестник» (1808–1824), выступал против прозападных, как именно пораженческо-экспансио-

нистских, отрицающих право России на самобытную культуру, влияний. Был членом ополчения и участником Отечественной войны 1812 года. Автор множества патриотических пьес, поэм, и повестей в стихах, рассказов. С 1827г. — цензор. Главный интерес представляют «Записки о 1812 годе», разбросанные по разным изданиям.

В приведённых фрагментах братьев Глинка (особенно развёрнуто — у С.Н. Глинки) по сути, выдвинута философская концепция ратного подвига в защиту России как вида поэзии и художественного творчества. Это фабулаторная историософия апеллирует к политическим, экономическим, геостратегическим, историко-социологическим, общекультурным и религиозным реалиям. При этом особо пристально рассматриваются такие актуальнейшие в современной политологии и политике проблемы как легитимность власти, роль культурной самоидентичности страны в политике, роль информационных технологий в политике (особенно — в военной политике), история и политика (Москва — Третий Рим), нравственность и политика и т.д.

Подобная проблематика делает данную подборку текстов особо интересной и актуальной в свете 200-летия событий 1812 года.

ГЛИНКА С.Н.

Из «Записок о 1812 годе»*

* * *

Остановимся здесь и — можно остановиться: два столетия совершили дивный ход. Совершили, или лучше сказать, одно столетие перешло в другое с достопамятными событиями своими, хотя и не в таком исполинском объеме. Отчего это? Кроме солнца и области небесной, кроме земель незаселенных, в России возникла новая Россия с иными нравами, обычаями, мнениями и действием мыслей. Отчего же и в новой России обращались к старинной России, отчего 1812 года вызывали тени Минина и Пожарского? Отчего вместе с ними вызывали и заветную речь русскую?

В мире духовном бог и слово возносятся на одной чреде. Слово скрепило союз вещественной вселенной; слово, слитое с мыслью, образовало общество человеческое. Слово жизни, слово задушевное, сберегло 1612 года бытие России, где бури грозные со всех сторон расшатывали заветное древо, укорененное родным словом в недрах почвы отечественной. «Аще корня не будет, то к чему древу прилепиться?» — так говорили предки наши и летели к Москве и в Москву к поддержанию древа жизни русского Отечества.

Нашествие 1812 года встретило в России Европу. И так не внешнее оружие изменило мысль, что Россия не в Москве.

* * *

С отплытия Наполеона к берегам Египта, мы летели мыслью вслед подвигов юного и нового Александра-кесаря; мы думали, что его славою, его душою человечество

* Фрагменты. Печатается по: Глинка С.Н. Из «Записок о 1812 годе» / 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., Правда, 1987.

расцветет новою жизнью. Верх желаний наших был тогда тот, чтоб быть в числе простых рядовых под его знаменами. Но не мы одни так думали, и не мы одни к этому стремились. Кто от зари жизни ознакомился с Леонидами, Эпаминондами, Пелопидами и другими героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом. Но Наполеон свеял с умов очарование, навеянное на них Бонапартом; на чреде самовластителя он гонительною рукою оттолкнул от себя и Древний Рим и Древнюю Грецию: льстило его, всемирное римское владычество, но он страшился доблестей Цинцинатов и Регулов. Друг мой был в Париже и в трибунате в тот неисповедимый час, когда пожизненного консула Бонапарта избирали в императоры. «Казалось, — говорил он, — что трибун Карно возразительную речь свою произнес под сверкающими штыками Наполеона. Туманно и мрачно было его лицо, но голос его гремел небоязненно». 1806 года в издаваемых тогда «Французских ведомостях» при главной квартире генерала Беннигсена сказано: «В сражении Голоминском князь Щербатов и полковник Тучков под градом пуль и картечи действовали как будто бы на ученье». Об этом потому только напоминаю, что друг мой никогда не упоминал о своих военных подвигах.

* * *

Под шумом бури грозного нашествия осенняя природа отсвечивалась ясными летними днями. Известия Наполеона не обманывали Европу, что с ним «вступила в Россию весна Италии». Но человечество знает, как дорого заплатил он за мечты весны итальянской! С берегов Оки раннею зарею пустились мы по Рязанской дороге, сами не ведая и куда, и зачем, и где приютимся? Да и что было придумывать в быстром разгроме общественного нашего быта? Вихрь обстоятельств уничтожил переписку и возможность предпринимать что-либо с целью определенною. Давно сказано, что жизнь есть странствование, а тысяча восемьсот двенадцатого года мы узнали, что жизнь может быть кочевьем и там, где века утвердили заселение и поселение. Тянувшиеся отряды пленных, хотя и в малом объеме, но разительно представляли кочевье почти всех народов европейских. Тут были и французы, и итальянцы, и германцы, и испанцы, и португальцы, и голландцы, и все отрывки двадцати наро-

дов. Мы встретили один из отрядов, провожаемый нашими ратниками. Подъехав к пленным, спрашиваем по-французски; всем ли они довольны? Французский пленный отвечал: «Нас нигде не обижали, но мы с трудом находим пищу». «Что делать? — отвечал я, — и мы, русские, в Отечестве своем с трудом добываем кусок хлеба. Нашествие вашего императора все вверх дном перевернуло. У нас теперь у самих только два хлеба, и мы дорого за них заплатили. Но вы братья нам и по человечеству, и по христианству, а потому мы делимся с вами и по-братски и по-христиански». Мы отдали один хлеб, и у пленных навернулись на глазах слезы. «Нас обманули! — вскрикнули несколько голосов, — нас обманули! Нам говорили, что русские варвары, волки, медведи. Зачем нас привели сюда?» — «Может быть, — отвечал я, — бог это сделал для того, чтобы вы увидели, что и мы люди, что и мы умеем любить людей и уважать человечество». Чудное дело! Все это доводилось видеть и говорить в девятнадцатом столетии.

Мы жалели, мы и теперь скорбим о жребии злополучных жертв войны. Но гибельно было прохождение разноплеменных отрядов и для них и для нас. Вместе с ними вступили болезни тлетворные и распространились по следам их. Что же было бы с Россией, снова повторяю: если бы отклонением войск к полуденным рубежам нашим, предположили защищать и заслонять Москву? Один из добрых моих приятелей напечатал, что я несправедливо говорю, будто бы стратегия есть и искусство делать основное или общее предназначение войны и искусство действовать на души и умы жителей той земли, куда вносим оружие. Но я и теперь то же утверждаю, ибо надобно знать из вековых опытов, куда идешь, зачем идешь, с кем будешь иметь дело и как и с чем выйдешь? Надобно все это сообразить не только на основании штыков и пушек, но и на основании нравственном. «Без светильника истории, — сказал Суворов, — тактика потемки». Великий тактик Наполеон это знал, но провидение ввело его в те потемки, которые не осветлились даже и пожаром московским. Отдадим справедливость его полководцам, они не льстили ему. Князь Понятовский предостерегал его в Париже, а другие предостерегали его и в Витебске, и в Смоленске. Но мысль о Москве обхватила Наполеона бурным вихрем и ввинула его в стены Москвы.

Война-нашествие не есть война обыкновенная. Подобно скале гранитной, Москва противопоставлена была нашествию, и оно, приразясь к ней, раздробилось и обессилело. Тут дымом рассеялись и все замыслы стратегические и все извороты тактические.

* * *

Доколе скитаемся на земле до заветной могилы, дотоле для нас, странников различных разрядов, настоящее промелькивает быстрым отлетом, а мысль залетает в то будущее, которое едва ли увидим. «*Nous ne vivons jamais, nous espérons de vivre*», — сказал Паскаль и повторил Вольтер.

«Живя, мы не живем; надежде жизнь вверяем».

Продолжая наше странствие верхом и любуясь природою, мы сходили с лошадей и, ведя их под повода по опушке рощей и дубрав, рассуждали и мечтали о будущем жребии Отечества. «Если, сверх чаяния, — говорили мы, — Наполеон остановится зимовать в Москве, надобно будет броситься в леса смоленские, собрать новые дружины из крестьян и составить такое же лесное ополчение и в сопредельных губерниях. Безоборонною сдачею Москвы мы доказали Европе, что не приковываем независимости Отечества ни к улицам городов, ни к стенам столиц. А потому Леса должны быть жилищем нашим до вытеснения завоевателя из земли русской. Мы, может быть, одичаем, но когда ударит час избавления Отечества, мы выйдем из глубины лесов с освеженными, с обновленными душами. Они умирали, они исчезали в вихре так называемого большого света. В общем кружении забывали и жизнь личную, и жизнь Отечества. Странное дело! Добрый Жан Жак Руссо уверял, что, когда Европа и Россия изнемогут под бременем роскоши, тогда полудикие племена горные и степные нагрянут на Россию и на Европу и повергнут их в оковы свои. Но что бы он сказал, если б при жизни его выхлынуло нашествие из недр образованной и роскошной Европы?.. Наш век, вместивший в себя несколько веков, есть поверка столетий прошедших и указатель на будущее. Гордыня и тщеславие все переиначили, все исказили. Нет задушевного быта человеческого ни в России, ни в Европе. Но необычайные события производят и необычайные преобразования общественные. На этом основании мы предполагали:

Во-первых, что сближение дворян с крестьянами к взаимной обороне Отечества сблизит их и на поприще жизни нравственной и что, не посвящая их в философы, они, по крайней мере, уступят им чреду людей.

Во-вторых, мы думали, что владельцы тысячей душ, брося прихоти мод столичных и городских, заживут в поместьях своих, чтоб от различных управлений¹ не гибли имущества и не страдали наши почтенные питатели рода человеческого и Отечества, то есть земледельцы.

Наконец, мы воображали, что уничтожение всепожирающих мод и перемена безжизненного воспитания сроднят души всех сословий и вдохнут в них новое, бытие».

Утопия! Утопия! Мечта! Мечта! Но Суворов наш и в ставке своей, и под стенами крепостей, и в раздумьях о славе, по собственному признанию, был в непрестанной мечте! А мечте и мечтам еще более разгула под открытым небом и в виду природы, цветущей без всякой примеси дел человеческих.

* * *

Не посягая на чужое, предложу только то, что непосредственно было сообщено мне. Много предъявлено и много еще не высказано доблестей, ознаменованных тем парением духа, который показывает свойства народные и жизнь душевную. Мы видели времена необычайные; видели их и другие народы: и если собрать и соединить все то, что в них совершилось, то убедятся, что самоотречение вполне выражает жизнь душевную. В предъявлении жизни народной или, лучше сказать, жизни человечества, есть собрания вековых преданий поэтических. Соберите все события самоотречения народного, и вы представите деятельную поэзию духа человеческого.

А я предлагаю здесь о своих и из своего.

Июля 17 Западная армия вступила в город Поречье. С выходом оттуда полков наших выходили и обыватели, с живою горестью прощаясь с семейными приютами своими. «В это время, — говорит офицер, сообщивший известие в «Русский вестник», — забежал я в дом, где был мой ночлег. И какое

¹ Слова из собственноручных записок князя Юрия Владимировича Долгорукова.

зрелище поразило глаза мои! Престарелый мой хозяин стоял на коленях и молился. По сторонам его стояли также на коленях жена его, невестка и пятеро внуков. Углубленный в молитву душевную, он не заметил прихода моего, встал быстро, вынул из киота образ спасителя, благословил им всех и каждого, отдал образ жене и сказал: «Возьмите все нужное на путь дальний. Бог с вами! Ступайте! А я остаюсь. Я стар: вам и без меня будет тяжело. Убьют: будь воля божия!»

В последние дни до оставления Смоленска у всех была одна мысль: Бог и Отечество.

* * *

26 августа 1812 года в день достопамятной битвы Бородинской Дохтуров начальствовал сперва серединою войск, а потом левым крылом. Учинясь преемником князя Багратиона, оставившего поле сражения за раною, поддержал он славу его и усугубил сияние своих подвигов. Вскоре по прибытии на левое крыло Дохтуров получил от князя Кутузова записку, чтобы держался до тех пор, пока не будет повеления к отступлению. Оживотворяясь любовью к Отечеству, честью и долгом, Дохтуров был везде, где была опасность. Ободряя примером своих воинов, он говорил: «За нами Москва, за нами мать русских городов!» Смерть, встречавшая его почти на каждом шагу, умножала рвение и мужество его. Под ним убили одну лошадь, а другую ранили. На грозном поприще смерти провидение охраняет героев в то самое время, когда они, отрекаясь от самих себя, полагают жизнь свою в жизни и славе Отечества. Дохтуров одиннадцать часов выдержал сильный и необычайный напор французских войск; он мог сказать по всей справедливости: «Я видел своими глазами отступление неприятеля и полагаю Бородинское сражение совершенно выигранным». Это слова Дохтурова. Относя все к другим, он молчал о себе. Скромность была с ним неразлучна.

12 октября 1812 года Дохтуров отмстил Наполеону за пепел Москвы, любезной его сердцу: он первый встретил французов под Малым-Ярославцем, первый вступил с ними в бой; тридцать шесть часов удерживал их от упорных покушений ворваться в полуденные области России. Семь раз штыки русские наносили врагам смерть и поражение, но

силы их, непрестанно умножавшиеся, угрожали новою опасностью. При одном отчаянном натиске Дохтуров воскликнул: «Наполеон хочет пробиться, он не успеет, или пройдет по трупу моему». Штыки и груди воинов, одушевленные голосом отца-начальника, удержали стремление врагов до прибытия подкрепления. Малый-Ярославец сделался венцом славы Дохтурова, и грудь его украсилась орденом Святого Георгия второй степени.

* * *

Свидание с семейством вывело мысли мои из оков тяжелой скорби. Снова судьба Отечества заняла всю душу мою. Во весь переезд от Горбатова до села Павлова по непривычке моей к карете и по охоте к прогулке я шел пешком. Ока, Волга и события минувшего напоминали о тех временах, когда Россия стонала под вековым игом монголов или татар. «Но, — думал я, — как исчезла Орда Золотая, потрясавшая царства и порабощавшая народы? Кто сдвинул ее с лица земли русской? Одна земля русская без помощи заемной. Тяжело было России и 1612 года, но кто и тогда вытеснил противников и отстоял Москву Москвою? Одни русские. Следственно, сила Отечества — в Отечестве. Рим ускорил падение свое захватом обладания всемирного; он тогда пал под секирами дикарей, когда силе нравственной не на что было опереться в обширном разгроме римского владычества и когда имя римлян, некогда изумлявшее народы, превратилось в оглашение уподления духа, корысти, лжи и разврата. Много, — прибавлял я в мыслях моих, — доставалось мне за такие возгласы в «Русском вестнике». Но если возвращусь в Москву, то опять примусь за то же». Совесть моя удостоверяет меня, что я был прав в моих предчувствиях. Пусть заглянут в книжки «Русского вестника» от 1808 до половины 1812 года; я шел одной дорогой, теперь перед нами раскинулось много дорог. Но и у провидения много своих путей, оно не раз спасало Россию Россией.

* * *

По необычайному сближению двух двенадцатых годов, то есть 1612 и 1812, англичане первые вызывались в союзники русским. В первый двенадцатый год предки наши не приняли двадцати тысяч англичан, приплывших в Архан-

гельск. Тогда Россия теснее была в пределах своих и при-
морье Балтийское не было еще присоединено к ней. Наш
двенадцатый год требовал сугубой обороны: и на суше и
на волнах. 1812 года в июле месяце, когда в России буше-
вало нашествие, а Россия ополчалась против нашествия,
англичане, призывая к такому же подвигу и другие обла-
сти европейские, говорили и мечтали: «Англия и Швеция,
соединенные твердым союзом, при сильном ополчении
русских, могли бы ободрить унылых жителей немецкого
края. Швеция подкрепит их войсками, Англия оружием,
деньгами и огнестрельными запасами. Мы не могли помочь
Пруссии 1806 года при Иенском сражении, но теперь Бал-
тийское море открыто».

* * *

«Кто не знает истории своего отечества, — говорит Ци-
церон, — тот живет в вечном ребячестве».

Ужели французы XVIII века не знали своей истории?

Вольтер отвечает: «*Ce que les Francais suvent le moins, l'est l'histoire de France*». «Французы восемнадцатого века
менее всего знали историю Франции».

В том же упрекал и семнадцатое столетие Бальзак-стар-
ший. «В пресыщении, — говорил он, — недужного века мы
не посетовали б, если б бездна времени поглотила подлин-
ные истории: мы любим басни, сказки, мы гоняемся за по-
гремушками воображения».

Французы восемнадцатого столетия не знали и законов.
1790 года Деландин перед лицом целой Франции сказал:
«*Le dix-huitieme siecle a eclaire les sciences et les arts mais il
n'a rien fait pour la legislation*».

«Восемнадцатое столетие озарило науки и искусства, но
ничего не сделало для законодательства».

Говоря о политиках восемнадцатого века, Даржансон,
бывший иностранных дел министром 1755 года, сказал:
«Наша политика сплетена из козней, изобретенных боги-
нею раздора; она не ведает ни Реи, ни Астреи».

Возмужали ль французы, «младенцы европейские»² от
1789 до 1804 года, когда пожизненный консул Бонапарт стал
императором Наполеоном? Не вхожу об этом в исследова-

² Дюкло.

ние. Но они были тогда на той чреде, когда сильной руке всего удобнее владычествовать. Монтескье в книге своей о величии и падении Римской державы, сказал: «Властелин, которому достается в наследство республика, вместе с нею захватывает власть беспредельную».

Под ничтожным управлением Директории республика, по тогдашнему мнению, перешла в армию. В мощную длань свою Наполеон захватил в армии республику ратную, превратил ее в подвижную ратную империю и очутился с нею в пределах России.

До времени, от Наполеона, взглянем на величественное, единственное зрелище в летописях всемирных, взглянем на Отечество, которое с спокойным самоотречением трудится и работает для избавления России дланью ревностной и душой неутомимой.

* * *

Непрязнь человеческая останавливается у могилы странников мира, перешедших в лоно земли, в лоно общей нашей матери. И так, мне представлялось, что у того рва, где так разительно проявилось политическое недоумение исполина нашего века, возносится памятник с надписью: «Мир праху двадцати народов нашествия тысяча восемьсот двенадцатого года!»

Мир! и да будут равнины Бородинские и Семеновские примирением человечества европейского! На лице, их по неисповедимым судьбам провидения, в один день, в один час и на одном месте, почти все народы европейские испытывали силы и борьбу мужества с мужеством: пусть же после опыта кровавого равнины битвы Бородинской будут уравнением взаимного уважения народов и да исчезнут тщеславные прения о превосходстве сил вещественных! Русский полководец поле битвы Бородинской назвал «местом гладким». Тут ни холмы, ни вершины гор не заслоняли полков противников; все смотрели в лицо друг друга и в лицо смерти! Тут негде и некогда было действовать ни хитростям, ни уверткам военным; тут была борьба явная, открытая; тут шумел дождь ядер и картечей убийственных; тут порывались на взаимный перехват батарей, как будто бы на взятие крепостей, отверзающих путь в области обширные. Тут был пир смерти! И нигде и никогда не была она

так упитана с тех дней, когда человечество узнало порох и медяные жерла, в громах своих заглушающие вопли жертв пораженных.

Равнины битвы Бородинской гладки, как ток, на котором из уложенных снопов вымолачивают питание человечества, а по лицу их и по узким расщелинам у кустарников, разлетелся пепел девяноста тысяч воинов!

Батареи, бранные нагромождения земли мертвой, кажется, пережили дни целых веков. Целые поколения воинственного человечества при переходе с берегов Нары и с берегов Москвы-реки до берегов Сены перешли в сон могильный. Тут блеснули в памяти моей разительные мысли, высказанные путешественником при взгляде на развалины горы, разрушившейся 1751 года в пределах древней Гельвеции. «Так, — говорит он, — так разрушаются и замыслы блистательные и замыслы кичения властолюбивого! Гроном падения своего огласила дальние окрестности гора разрушившаяся, с таким же шумом протекают грозные нашествия и на стезях своих оставляют гробовые развалины! Но правда и любовь, подобно солнцу, сияющему на лазури небесной, блещут и не угасают на вершине столетий».

День битвы Бородинской! Будь общим днем воспоминаний! В один с нами день да льются общие слезы всех народов твердой земли Европы! Наполеон не завещал себе памятника на стогнах парижских, но перед битвой Бородинской он дал слово, что о каждом из них будет вечная память о том, что он был на великой битве под стенами Москвы. Народы европейские! С именами ваших родных, ваших друзей душевных означьте полными буквами: «Бородино, Семеновское, Москву, Россию». Мы не упрекнем вас за то: грома ратные сближали все народы, да превратятся они в пальмы вечного мира!

Нам, сынам земли, или, лучше сказать, сынам мира роскошного, нужно по временам исторгаться из вихря рассеяния и, сближаясь с душою своею, сближаться с судьбой человечества. Шум веселий земных заглушает в душе память о бедствиях человечества. А когда более двенадцатого года девятнадцатого века, когда более было бедствий и злоключений на лице земли европейской?

Источники слез лились из глаз моих, когда в первый раз въехал я на равнины битвы Бородинской. Мне казалось, что

каждый оборот колес моей повозки попирает развезенный прах тысяч жертв битвы Бородинской...

* * *

Что такое самоотречение? Разрыв души со всеми выгодами, ожиданиями и наградами земными. Самоотречение — бескорыстная стезя вдаль веков и горе, если на эту лучезарную стезю упадет хотя пылинка своекорыстия. Пылливый и зоркий взор истории отыщет ее и укажет потомству.

«Христофор Колумб, — говорит сочинитель нового его жизнеописания, — был человек прямодушный и набожный, но две мечты очаровывали его воображение: блеск почестей и страсть к сокровищам. Проторговывая королю Фердинанду новый свет, отысканный его мыслью, он забыл о пользе человечества, населявшего тот свет, а для себя выговорил и наследственный сан адмирала над океаном и королевское наместничество и десятую часть доходов с островов и со всех отыскиваемых стран твердой земли».

Сочинитель прибавляет: «Своекорыстие Колумба все предусмотрело, кроме мечты блеска земного и призрак обладания. Был он в цепях, и цепи нового света легли с ним в гроб».

Чего искал и Наполеон в изобретаемой им политической вселенной? Обладания и преобладания для себя и для своих. И... как быстро промелькнула его вселенная!..

Кроме самоотречения, изъявленного сынами России в два двенадцатые года, летописи вековые свидетельствуют, что человечество на Севере вдыхает в крепкую грудь свою и упорный дух неуступчивости, противоборствующий внешнему гонению.

Вот указания исторические.

«Насилие римлян, потесня народы с полудня на Север, нагнало на колебавшееся свое владычество бурные их потоки.

Спустя несколько веков, Карл, за внутреннее управление названный великим, в строптивых порывах своих отталкивавший народы с полудня на Север, отдал державу свою в жертву их набегов.

А если в наше время кто из властелинов европейских умыслит опустошать области и перегонять народы к Северу...

ру, то они, примкнув к крайним рубежам вселенной, стояли бы непоколебимо».

А что далее? — О том прочитайте в шестнадцатой главе сочинения Монтескье под заглавием «Рассуждения о причинах величия и падения римлян».

Возлагая все на алтарь Отечества тысяча восемьсот двенадцатого года, сыны России и на алтарь провидения возложили целые два столетия событий русского бытописания. Громкие подвиги от 1612 до 1812 года как будто бы смолкли в вековом пространстве. Вызвав из заветной старины имена Минина и Пожарского, мы не выкликивали ни Задунайского, ни Рымникского, ни великолепного князя Таврического. В наш двенадцатый год Россия, подав руку первому двенадцатому году, и среди туч бурного нашествия, взглянув ясным оком на небо, опоясалась мечом или на жизнь за Отечество или на смерть за него.

А между тем, когда берега счастливой Нары час от часу более расцветали жизнью отечественной, печальная Москва и истомлявшееся нашествие час от часу более умирали.

Бедная Москва! И бедное человечество! Чем оно питалось там? Блистательные полки завоевателя уже и на стогнах московских начинали утолять голод пищей народов кочевых.

Бедная Москва! И давно ли за роскошными столами твоими уроженцы всех стран европейских пировали, ликовали и нередко первенствовали? Мы на то не сердились. Русь гостеприимная в мирном поле и на пирах радушных не считается чинами.

Бедная Москва! А теперь при сумраке вечернем, при отблесках унылой луны и родные твои дети роются в грядках истощенных огородов, отыскивая безжизненные остатки полуистлевших растений земных.

Бедная Москва! Куда из стен твоих гонят десятками труженников бледных, избитых горем, согбленных под тяжелой ношей? Куда их гонят и понукают оружием? Их гонят в стан нашествия с кульками сокровищ огородных и, может быть, последних! Не пеняйте на сынов стран изобильных; не пеняйте на ратников нашествия. Бедная Москва! Не пеняй им! На стогнах твоих им сулили и сокровища Индии и обладание всемирное и дали! Один твой дым пожарный!

* * *

На что вырывать из летописей всемирных уроки провидения? Предлагайте их на скрижалях нетленных перед лицом потомства. Дело идет о гибели человечества; дело идет о том, как и от чего оно гибнет? Завоеватель девятнадцатого столетия в стенах подрытого Кремля и в чертогах, тонувших в пожарном пламени нашего двенадцатого года, пропел не песнь лебединую, но песнь погребальную ратным сонмам двадцати народов. Спросят: «Откуда я заимствовал слова его?» Отвечаю: «Если б тысяча восемьсот двенадцатого года на развалинах Москвы онемело слово человеческое, но остались и слух и зрение, то, и тогда бы и воздух и прах дымящийся и могильный вой бурь зимних, тогда все события высказали б песнь погребальную, которую не вымышляю, а предлагаю по слуху, по памяти и по скорбному соображению слов с действием.

Лесепс входит.

Наполеон. Eh bien! Ну!

Лесепс. Ничто не помогло.

Н. Ничто!

Л. Стучал по столу из мешков вашими наполеондорами, сулил все, а мужики наотрез мне сказали: «Хоть головы снимешь с нас, мы не отыщем ни хлеба, ни круп, ни мяса, ни овса, ни сена». И государь! Они протягивали головы свои.

Н. Чудный народ!

Л. «Куда же, — спросил я, — все это делось?» Мужики отвечали: «У нас, видишь, батюшка! Такая земля, что если велит бог, так все спрячет и запрячет. Затаила она все и от нас: и мы, помолясь господу богу, прогнали жен, детей и стариков наших в леса, на волю божью».

Н. Русские мужики рассуждают!

Л. У них смысл простой, но удивительный. Однажды при мне, ваши воины, государь, думали, что выманят у них что-нибудь кучей беленьких бумажек. Они взглянули, покачали головами и, не дотрагиваясь до них, сказали: «Не русские это бумажки, господа честные, а французские».

Н. Коленкур! Коленкур! Чего ты смотрел? Дурачился, давал детские балы! Коленкур! Сам ты ребенок! Несмысленный! Не умел он взглянуть на крестьян.

А. Русских трудно разгадать. Долго жил я в России, но никак не мог ожидать того, что вижу теперь. Мы, иностранцы, особенно французы, были из первых гостей в столицах. А теперь!..

Н. Русское дворянство разбежалось от татар, которых правительство призвало на помощь и которые теперь все опустошают и все жгут...

А. Государь, осмелюсь доложить, в русских полках есть и татары, и мордва, и черемисы, и чуваша: это обыкновенный ход службы. Но, государь! Русское правительство не могло призвать никакого целого племени татар.

Н. Как? Что?

А. Клянусь богом!

Н. Не клянись, а в Париже об этом ни слова. Мои ветрогоны французы всему поверят, что скажу им. Я подарил их именем «великого народа»... Итак, ты думаешь, Лесепс, что все русские вооружились за Россию?

А. Все. Я встретил тут родственника одного из почтеннейших петербургских коммерческих домов. Разговариваю с ним и слышу, что один из членов этого богатого и уважаемого дома, отправя семейство в Ярославль, закинул ружье за плечо и полетел в армию Кутузова.

Н. Перед сражением Бородинским я говорил Раппу, что Кутузов в Браунау просидел три недели, не выходя из комнаты. Он и теперь засидится...

А. Не думаю, государь!

Н. Как!

А. Я слышал еще в царствование Екатерины Второй самые лестные об нем отзывы и Суворова и других тогдашних полководцев.

Н. Кутузов не Суворов.

А. Не смею спорить. *La guerre est votre élément*. Война ваша стихия. Но императрица Екатерина употребляла Кутузова в делах военных и политических. 1794 года он совершил знаменитое посольство в Константинополь, и сказывают, что остроумием своим развеселил и султана и весь важный диван. А при том, государь, снова отваживаюсь доложить: дух русский дивно воспылал. Вообразите себе, государь, когда я с графом Лаперузом был в Камчатке, тогда находился там комендантом полковник Козлов-Угринин. Ему

теперь лет девяносто, и, я слышал, что и он, как пылкий юноша, полетел в Московское ополчение.

Н. Ужасно! Это тот самый русский, которому, по приказанию моему, отправлено великолепное издание Лаперузова путешествия.

А. Тот самый.

Н. Неблагодарный! Итак, Лесепс, ты думаешь, что нет никаких средств достать продовольствия.

А. Никаких, государь! При переходе через Неман вы изволили приказать запастись продовольствием только на тринадцать дней...

Н. В Италии я в две недели одержал шесть побед и преобразил области...

А. Государь! В Италии. Какое там небо! А слышите ли, какой ревет ветер под небосклоном московским? Но и это только приступ к бурям зимним в России!..

Н. Коленкур! Коленкур!.. Неправда, не он звал меня в Россию. Наполеон звал туда Наполеона и — я в Москве... Но, Лесепс, еще раз спрашиваю, уже ли нет никаких средств!

А. Никаких.

Н. Итак, армия погибнет. Поди! Я обдумаю.

Два исторических свидетельства о изнурении и гибели многочисленных войск, вдаль заведенных, существовали в семнадцатом и восемнадцатом столетиях и предложены двумя великими французскими писателями. «Рим, — говорит Боссюэ, историк, — берегал легионы свои, сражаясь с неприятелем, пришедшим с берегов Африки. Римляне знали, что и одно время истребит Ганнибаловы полки в чужой стране, угрожавшей им нуждою и голодом».

«И флоты многочисленные и войска исполинские, — говорит Монтескье, — никогда не успевали. Они истощают области походом дальним и если даже и не подвергнутся какому-нибудь особенному злоключению, то все однако не найдут пособий».

Времена переменяются, но уроки Истории неизменны. То, что говорил Вегетий за несколько веков до Боссюэ и Монтескье, то же самое повторил и Кутузов 1812 года. «Расстроенные силы неприятеля не позволяют ему делать против нас покушений. Удалением от пределов своих лишен он всех пособий».

А между тем, когда в недрах нашего Отечества полки завоевателя час от часу более истощались от голода и болезней, нераздельных с ополчением разноплеменным, о чем выше показано из правил умного Вегеция, между тем в России составлялось новое ополчение, кроме того, которое начало устраиваться в июле месяце; ополчение непобедимое, ибо силу свою заимствовало из непреодолимой силы душевной. То было ополчение русских крестьян, названных нашим полководцем «истинными сынами Отечества». Вещали уроки истории, как пагубно полагаться на одну внешнюю силу, пренебрегая или не зная могущества силы нравственной. «Карл Пятый, исполин — обладатель своего века, в политических соображениях своих ошибался оттого, что не умел исчислить действия сил нравственных и почитал мечтою мужество бескорыстное, то есть самоотречение».

А разве Наполеон забыл, что 1790 года, в год кончины бессмертного Франклина, Франция, в лице представителей своих, облекшись в печальную одежду, торжественно повестила, что никогда не будет воевать в духе завоеваний? Эта повестка смолкла в громах победы Маренгской.

Но неужели Наполеон не знал уроков истории? Знал и много знал до тех дней, когда наступил суд божий.

А тогда! Тогда тот, кто почитает других недальновидными, тот сам низвергается в мрак еще густейший. К ниспровержению смысла его нужно только долговременное счастье.

«Великие мира, протекшие обширный театр летописей всемирных, чем. Вы славились? Тем ли, что вы повелевали судьбою и по произволу своему управляли переменами, изменяющими Лицо земного шара? Нет, вы были только орудием воли непреодолимой; вы исполняли только веления определения невидимого распорядителя вселенной, который по неисповедимым судьбам своим управляет жребием человечества»³.

И как неисповедимы судьбы провидения! Кто думал из политиков европейских, что Англия в блеске и на заре девятнадцатого столетия должна будет ополчиться самоотречением предков наших семнадцатого века и в тот самый год, когда предки нынешних англичан подавал» им длань дру-

³ Историк Иоанн Миллер.

жественную? Кто это знал? Ни сир Вальполь, ни Шатам, ни Пит: никто того не знал, кроме провидения. Оно повелело, и англичане девятнадцатого столетия воскликнули: «Нам грозит война упорная или порабощение позорное. Жизнь ничто, когда дело идет о чести и независимости. Дорого будет нам стоять война, но мы готовы на все жертвова-ния. Тяжелое подъемлем мы бремя, но мы подъемлем его за Отечество. Мы обрекли себя на все опасности за свободу Англии, за сохранение гробов отцов наших, за храмы божии, за славу Отечества. Для Англии одна беда — поникнуть челом перед властолюбцем».

Ужели Наполеон не слышал и этого громкого глагола самоотречения? И не слышал и по усугублению суда небесного не мог прислушиваться даже и к собственной своей мысли. «В военных обстоятельствах, — говорил Наполеон года за три до нашествия, — в военных обстоятельствах предусмотрительность — качество важнейшее. Она ведет нас к тому только, что в силах выдержать, и не предпринимать того, что сопряжено с величайшими препонами».

Так говорил завоеватель 1809 года и что же проявилось в Наполеоне 1812 года? Забвение себя и всего.

* * *

Не знал и Наполеон, зачем он двигал и передвигал полки по земле московской. Огромляя Россию нашествием, он и сам поник мыслью под разгромом нашествия.

ГЛИНКА Ф.Н.

Из «Писем русского офицера»*

29 августа 1812г.

Застонала земля и пробудила спавших на ней воинов. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Так началось беспримерное сражение Бородинское 26 Августа. Туча ядер, с визгом пролетевших над шалашом нашим, пробудила меня и товарищей. Вскакиваем, смотрим — густой туман лежит между нами и ими. Заря только что начинала зажигаться. Неприятель подвез несколько сот орудий и открыл целый ад. Бомбы и ядра сыплются градом. Треск и взрывы повсеместны. Одни шалаши валяются, другие пылают! Войска бегут к ружью и в огонь. Все это происходило в середине, а на левом крыле нашем давно уже свирепела гроза в непрерывных перекатах грома пушек и мелкого оружия. Мы простились с братом. Он побежал с стрелками защищать мост. Большую часть сего ужасного дня проводил я то на главной батарее, где находился светлейший, то на дороге, где перевязывали раненых. Мой друг! Я видел неизмеримо жестокое сражение, и ничего подобного в жизнь мою не видал, ни о чем подобном не слышал, и едва ли читывал.

Я был под Аустерлицем, но то сражение в сравнении с этим — сшибка! Те, которые были под Прёйсиш-Эйлау, делают почти такое же сравнение. Надобно иметь кисть Микель-Анджело, изобразившую страшный суд, чтобы осмелиться представить сие ужасное побоище. Подумай только, что до 400 тысяч лучших воинов, на самом тесном по многочисленности их пространстве почти, так сказать, толкаясь головами, дрались с неслышанным отчаянием: 2000 пушек гремели непрерывно. Тяжко воздыхали окрестности — и земля, ка-

* Фрагменты. Печатается по: Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., Правда, 1990.

залось, шаталась под бременем сражающихся. Французы металась с диким остервенением, русские стояли с неподвижностью твердейших стен. Одни стремились дорваться до вожаемого конца всем трудам и дальним походам, загрести сокровища, им обещанные, и насладиться всеми утехами жизни в древней знаменитой столице, другие помнили, что заслоняют собою сию самую столицу, сердце России и мать городов. Оскорбленная вера, разоренные области, поруганные алтари и прахи отцов, обиженные в могилах, громко вопили о мщении и мужестве.

Сердца русские внимали священному воплю сему, и мужество наших войск было еописано. Они, казалось, дорожили каждым вершком земли и бились до смерти за каждый шаг. Многие батареи до десяти раз переходили из рук в руки. Сражение горело в глубокой долине и в разных местах с огнем и громом на высоты всходило. Густой дым заступил место тумана. Седые облака клубились над левым крылом нашим и заслоняли средину, между тем как на правом сияло полное солнце. И самое светило немало видало таких браней на земле с тех пор, как освещает ее. Сколько потоков крови! Сколько тысяч тел! «Не заглядывайте в этот лесок»,— сказал мне один из лекарей, перевязывавший раны: «Там целые костры отпленных рук и ног!» В самом деле, в редком из сражений прошлого века бывало вместе столько убитых, раненых и в плен взятых, сколько под Бородином оторванных ног и рук. На месте, где перевязывали раны, лужи крови не иссыхали. Никогда не видал я таких ужасных ран. Разбитые головы, оторванные ноги и разможенные руки до плеч были обыкновенны. Те, которые несли раненых, облиты были с головы до ног кровью и мозгом своих товарищей...

Сражение не умолкало ни на минуту, и целый день продолжался беглый огонь из пушек. Бомбы, ядра и картечи летали здесь так густо, как обыкновенно летают пули, а сколько здесь пролетело пуль! Но это сражение еописано: я сделал только абрис его.

26 сентября 1812 г.

Друг мой! Французы-учителя не менее опасны и вредны французам-завоевателям: последние разрушают царства; первые — добрые нравы, которые, неоспоримо, суть первейшим основанием всех обществ и царств. Рассказывают, что одна

несчастливая не россиянка по воспитанию, слюбившись с французом, воспитателем ее детей, выгнала из дому доброго, честного и генеральский чин уже имевшего мужа своего. Она могла это сделать: ибо, к несчастью, все имение принадлежит ей. Нежный отец украдкою только выдается с детьми своими. Когда велено было всех французов высылать за границу, то этот назвался прежде итальянцем, а потом жидом!!! Каковы французы! Нет брани, которой бы не стоил этот превратный и развратный народ!

Теперь здесь побережье Оки совершенно пусто, все господа уехали в степи от французов, так как прежде, заражаясь иноземною дурью, ездили в Москву и в Париж к французам.

Признаюсь тебе, что сколько я ни люблю прежних французских, а особливо драматических писателей, однако желал бы, чтоб язык их менее употреблен был у нас. Он такой же вред делает нашему, как ничтожный червь прекрасному величественному дереву, которого корни подтачивает.

Крайне прискорбно видеть и в армии язык сей в излишнем употреблении. Часто думаешь, что идешь мимо французских биваков. Я видел многих нынешнего воспитания молодых людей, которые прекрасно говорят и пишут по-французски, не умея написать правильно нескольких строк на своем природном языке. Я приметил, что люди эти умны только по-французски. Послушай их говорящими по-русски — и вся ловкость, все обороты, вся замысловатость исчезают! Это очень легко объяснить. Ты знаешь, что у французов почти все умники суть фразеры, которые умны чужим умом. Память их испещряется выражениями разных писателей, и они беспрестанно повторяют то в разговорах, что затвердили в книгах. Множество каламбуров, пословиц и памятных стихов придают разговорам их какую-то пестроту и приятность... на первый только раз! Однажды спросили у Дидерота, каких он мыслей о том человеке, с которым недавно проговорил целый час? «Он умен», — отвечал Дидерот. Но те, которые знали его коротко, начали смеяться и доказали, что он дурак. «Ну! Так я не виноват, — возразил Дидерот, — что он на один только час запасся умом!» Стало, у французов можно запасаться умом! По-русски совсем иначе: надобно сочинять свой разговор, изобретать выражения, а для этого нужен не заемный ум. Суворов знал прекрасно французский язык, а говорил всегда по-русски. Он был русский полководец!

Сведения об авторах

АЛАСАНИЯ Кира Юрьевна	кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
БОЙЦОВА Ольга Юрьевна	доктор политических наук, профессор, зам. зав. кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
ВАСЛАВСКИЙ Ян Ильич	кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории факультета политологии МГИМО МИД России
ЖУКОВ Вячеслав Николаевич	доктор философских наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
КАРАБУЩЕНКО Павел Леонидович	доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политологии Астраханского государственного университета
КИЙЧЕНКО Кирилл Игоревич	научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
МОЩЕЛКОВ Евгений Николаевич	доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
РАСТОРГУЕВ Валерий Николаевич	доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

- СОЛОВЬЕВ
Алексей Васильевич кандидат философских наук, доцент,
зам. зав. кафедрой философии поли-
тики и права философского факуль-
тета МГУ им. М.В. Ломоносова
- СЫТИН
Андрей Георгиевич кандидат философских наук, доцент
кафедры философии политики и
права философского факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова
- СЫЧЕВА
Алена Сергеевна преподаватель факультета государ-
ственного управления Российской
академии народного хозяйства и го-
сударственной службы при Прези-
денте РФ
- ТИМОФЕЕВА
Елена Георгиевна доктор исторических наук, профес-
сор, декан исторического факультета
Астраханского государственного
университета
- ШАМШУРИН
Виктор Иванович доктор социологических наук, про-
фессор кафедры философии полити-
ки и права философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова